

МОСКОВСКИЙ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

*Владимир Ефимович Невлер (Вилин)*

## К ИСТОРИИ ВОССОЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ

М.: государственное социально-экономическое издательство. 1936

Веб-публикация: [Vive Liberta](#), 2012

Ссылки на тематические материалы даны нами после текста книги

Известно, что в начале XIX века точно так же смотрели на Италию и Германию, как смотрят теперь на Китай, т. е. считали их «неорганизованными территориями», а не государствами, и перабощали их. А что из этого получилось? Из этого получились, как известно, война Германии и Италии за независимость и объединение этих стран в самостоятельные государства.

*И. Сталин*

Муссолини усиленно старается нажить капитал на героическом образе Гарибальди.

*Г. Димитров*

Аннотируемая работа является первой попыткой дать марксистскую оценку революции 1848 г. и всего последующего национально-освободительного движения в Италии, этого малоисследованного участка в нашей исторической литературе. На конкретном фактическом материале автор выясняет значение национально-освободительного движения в революции и показывает, как основоположники научного социализма Маркс и Энгельс руководили итальянским революционным движением во второй половине XIX в., разъясняет их тактику и стратегию в этом движении. Книга рассчитана на студентов истфаков и исторических отделений институтов и на партийный актив.

### ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ

| Страница | Строка   | Напечатано                 | Должно быть                |
|----------|----------|----------------------------|----------------------------|
| 22       | 15 снизу | будущее революции является | будущие революции являются |
| 59       | 21 снизу | января                     | ноября                     |
| 82       | 47       | руб.                       | франк.                     |
| 116      | 3        | т. III                     | т. II                      |
| 120      | 3 сверху | герцогствах                | графствах                  |
| 152      | 3 снизу  | „пут“                      | „пути“                     |

От автора

**I. Введение**

1. Марксизм-ленинизм и национальный вопрос. Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин о национальных движениях в XIX веке и об образовании национальных государств

**II. Национально-освободительное движение в Италии в первой половине XIX в. до революции 1848 г.**

1. Влияние французской революции на Италию и борьба за воссоединение в эпоху французского владычества
2. Национально-освободительное движение в Италии после Венского конгресса - в эпоху австрийского владычества. Итальянские революции 1820-1821 гг.
3. Джузеппе Мадзини и «Молодая Италия». Революционное движение 30-х годов и оформление республиканской и либеральной партий
4. Эпоха Risorgimento. Либеральные реформы. Оценка национального движения 40-х гг. Марксом и Энгельсом

**III. Революция 1848 г. в Италии**

1. Первый период революции (январь-август 1848 г.)
2. Первая австро-итальянская война
3. Маркс и Энгельс и итальянская революция 1848 г. Тактика Маркса и Энгельса в первую австро-итальянскую войну
4. Второй период революции (август 1848 г. - март 1849 г.). Установление диктатуры революционной демократии
5. Новая война с Австрией. Интервенция европейской реакции против итальянской революции. Падение диктатуры революционной демократии
6. Причины поражения революции 1848-1849 гг.

**IV. Два течения в национально-объединительном движении Италии**

1. Сардинское конституционное королевство и борьба за воссоединение Италии «сверху»
2. Идеолог и руководитель монархической буржуазии граф Кавур
3. Италия и крымская война. Маркс об участии Италии в крымской кампании
4. Революционно-демократическое направление в национально-освободительном движении Италии

**V. Вторая австро-итальянская война и революция 1859-1860 гг.**

1. Предпосылки революции. Новый революционный подъем 1858 г.
2. Луи Наполеон и итальянская война. Позиции либеральной и революционной буржуазии в войне 1859 г.
3. Тактика Маркса и Энгельса в итальянской войне 1859 г.
4. Революция 1860 г. и оценка Маркса и Энгельса

**VI. Борьба за завершение воссоединения Италии**

1. Экспедиции Гарибальди 60-х годов. Австро-прусская война и присоединение Венеции
2. Завершение воссоединения Италии

**VII. К вопросу о пути воссоединения Италии**

1. Главная движущая сила в воссоединении Италии
2. Ошибочная оценка пути воссоединения Италии

**VIII. Последствия воссоединения Италии**

1. Значение воссоединения Италии для рабочего движения
2. Заключение

ПРИЛОЖЕНИЯ

Конституция Итальянского королевства

Карта воссоединения Италии

Литература и источники

Автор поставил себе задачу осветить некоторые узловые вопросы из истории воссоединения Италии, малоизученной в нашей марксистской исторической литературе. Цель работы — показать ожесточенную борьбу между различными классами за различные способы объединения Италии. В этой борьбе наметились два основных лагеря: крупная монархическая буржуазия Севера, боровшаяся за объединение Италии вокруг савойской династии, за объединение «сверху», минуя революцию, и народные массы города и деревни, боровшиеся за революционный способ объединения Италии — за объединение «снизу». В силу неразвитости итальянского пролетариата гегемоном в борьбе за последний путь объединения выступала революционная итальянская буржуазия, лучшими представителями которой были мелкобуржуазные революционеры Мадзини и Гарибальди.

Если в отношении революции 1848 г. в Германии и во Франции имеется значительная марксистская литература, в которой освещается тактика Маркса и Энгельса в этих движениях, то по отношению к Италии такая литература отсутствует. Между тем в силу особенности революционного движения в Италии уяснение тактики Маркса и Энгельса в итальянской революции 1848 г. и в последующих революционных событиях на Апеннинском полуострове приобретает особое значение. Освещение этого вопроса главным образом является целью нашей работы. Тактику Маркса и Энгельса в жгучем в свое время для международного рабочего движения «итальянском вопросе» мы показываем не только на основе их литературных трудов; мы показываем, как эти великие учителя международного пролетариата принимали непосредственное участие в итальянском национально-освободительном движении и руководили им, что мало известно в нашей литературе.

Считаясь с отсутствием всякой учебной литературы по истории объединения Италии, мы нашу методологическую в основном проблему разрабатываем на фоне систематического (но сжатого) изложения основных исторических событий периода борьбы за воссоединение Италии, чтобы этим дать возможность воспользоваться нашей работой при прохождении курса новой истории в вузах.

Август, 1935 г., Москва.

## І. ВВЕДЕНИЕ

### 1. Марксизм-ленинизм и национальный вопрос. Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин о национальных движениях XIX в. и об образовании национальных государств

В изучении национального объединения и национально-освободительного движения Италии в XIX в. мы должны исходить из марксистско-ленинского учения по национальному вопросу. Не уяснив себе учения основоположников марксизма по национальному вопросу, нельзя понять ни самого национально-освободительного движения в Италии, ни тактики Маркса и Энгельса в этом движении.

Марксизм-ленинизм в противоположность буржуазной идеологии не рассматривает национальный вопрос изолированно, как самодовлеющий вопрос. Марксистско-ленинская теория ставит и разрешает национальный вопрос в неразрывной связи с общей классовой борьбой пролетариата.

«...Большевики никогда не отрывали национального вопроса от общего вопроса о революции, ни до Октября, ни после Октября. Основная суть большевистского подхода к национальному вопросу состоит в том, что большевики всегда рассматривали национальный вопрос в неразрывной связи с революционной перспективой»<sup>1</sup>.

Национальный вопрос мы должны рассматривать как вопрос, *подчиненный* интересам и задачам борьбы пролетариата за пролетарскую революцию, его борьбы за социализм.

Еще в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс писали, что «коммунисты отличаются от остальных проле-

<sup>1</sup> Сталин, К национальному вопросу в Югославии, 1925 г., сб. избр. статей и речей «Марксизм и национально-колониальный вопрос», ИМЭЛ, Партиздат, 1934, стр. 151.

тарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, независимые от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом»<sup>1</sup>.

Вот эти-то *интересы движения пролетариата в целом* необходимо иметь в виду и при изучении национально-освободительного движения в Италии, и оценку деятельности всех партий и отдельных лиц в этом движении мы должны дать с точки зрения интересов пролетариата.

Но это лишь одна сторона вопроса. Основоположники марксизма-ленинизма никогда не ограничивались «общими» суждениями и отвлеченными догмами в любом политическом вопросе, в том числе и в национальном. Теория марксизма-ленинизма требует *исторически конкретного* подхода к изучению каждого вопроса. Национальный вопрос марксизм-ленинизм рассматривает в связи со всей совокупностью конкретно-исторических условий, характеризующих данную эпоху, в которой разворачивается борьба пролетариата. А тактика пролетарской партии в данном национальном движении определяется конкретными особенностями каждого отдельно взятого государства и каждого национального движения в пределах одной и той же исторической эпохи.

«...Являясь лишь частью общего вопроса о преобразовании существующего строя, национальный вопрос целиком определяется условиями социальной обстановки, характером власти в стране и, вообще, всем ходом общественного развития»<sup>2</sup>.

Здесь учитывается, на какой стадии исторического развития находится данная национальность, состояние различных классов и классово-борьбы в стране, отношение данного национального движения к национальным движениям других стран, международное положение и др.

Исходя из вышеизложенного, Ленин, говоря о методе исторического исследования и критикуя меньшевика Потресова за его подтасовывание исторических фактов, писал:

«Метод Маркса состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный

конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке»<sup>1</sup>.

Объективным содержанием исторического процесса рассматриваемого нами периода, в частности периода 1820—1870 гг. в Италии, были национально-буржуазные освободительные движения. И именно на основе *такой* оценки итальянского движения Маркс и Энгельс строили свою тактику по отношению к объединительному движению в Италии, к войнам австро-итальянским (1849, 1859 и 1866 гг.) и австро-франко-итальянской (1859 г.). Задача состояла в том, чтобы вскрыть, какой класс стоял тогда в центре национально-освободительного движения, определяя его содержание и главное направление его развития. Маркс и Энгельс блестяще справились с этой задачей и с присущей им гениальностью во многом предсказали дальнейшее развитие движения.

Период 1789—1871 гг. Ленин характеризует как «эпоху восходящей линии буржуазии», как эпоху буржуазно-демократических движений и оформление национальных государств. В противоположность этому период 1871—1914 гг. есть «эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу»<sup>3</sup>.

Эти указания Ленина очень важны для нас при рассмотрении национально-освободительного движения в Италии.

Войнам эпохи «восходящей линии буржуазии» Ленин дает следующую характеристику:

«Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—7 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества... Главным классом, который тогда, во время этих войн и участвуя в этих войнах, шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, ИМЭЛ, Партиздат, 1932, стр. 29.

<sup>2</sup> Сталин, Октябрьский переворот и национальный вопрос, 1918, лит. сб., стр. 31.

<sup>1</sup> Ленин, Под чужим флагом, Сочинения, т. XVIII, стр. 106, изд. 3-е. Все ссылки на Ленина и впредь—по изд. 3-му.

<sup>2</sup> Там же, стр. 108.

<sup>3</sup> Там же, стр. 109.



А в отношении Италии Ленин указывает, что *часть* итальянской буржуазии во время войны 1859 г. была не только прогрессивной, но даже революционной<sup>1</sup>.

Это указание Ленина о революционности *части* итальянской буржуазии (возглавляемой Мадзини) приобретает особое значение, если мы сравним процессы национального объединения Германии и Италии. Известно, что Маркс и Энгельс, а затем и Ленин характеризовали национально-объединительное движение в Германии (как и в Италии) как прогрессивное и демократическое движение. Но наряду с этим они всегда подчеркивали трусость и нерешительность немецкой буржуазии. Даже в отношении немецкой мелкой буржуазии, которая была наиболее революционной, Маркс и Энгельс указывали на ее трусость и на то, что она «...никогда не смеет прямо смотреть опасности в глаза; чтобы выхолить на год отсрочку своей казни, она предаст своих союзников и таким путем, без них, надежнее обеспечивает последующее собственное поражение»<sup>2</sup>. Здесь Энгельс намекает на поведение немецкой мелкой буржуазии в революции 1848 г. А такое ее поведение — предательство в отношении плебейских масс — было следствием наличия в Германии более развитого и более организованного пролетариата, чем в Италии. В Германии уже существовал Союз коммунистов, чего в Италии не было. И буржуазия, в том числе и мелкая, боялась своего будущего противника — пролетариата. В Италии же пролетариат не только во время революции 1848 г., но даже в период войны и революции 1859—1860 гг. был еще далек от понимания своих задач. Он был еще «классом в себе». «Ни о каком, действительно самостоятельном и соответствующем эпохе перзрелости и упадка буржуазии, действии современной демократии (т. е. пролетариата. — В. Н.) в целом ряде передовых стран не могло быть тогда и речи», — указывает Ленин<sup>3</sup>. Тем более не могло быть тогда и речи о самостоятельном движении пролетариата Италии, которая была наиболее отсталой страной по сравнению с другими западноевропейскими странами. А поэтому часть итальянской буржуазии еще *могла быть* революционной.

Маркс и Энгельс старались в интересах революции использовать эту революционную буржуазию. Они заботились

«о развитии либерально-скромного движения в демократическо-бурное...», они заботились «о расширении и обострении буржуазно-демократических движений путем участия более широких и более «плебейских» масс, мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности, наконец, неимущих классов».<sup>1</sup>

Именно в интересах пролетариата, в интересах развязывания его классовой борьбы Маркс и Энгельс поддерживали революционную итальянскую буржуазию, одновременно критикуя ее колебания и подталкивая ее на более решительную борьбу. При этом они подчеркивали, что национальное объединение является *очередной исторической задачей*, поставленной экономическим развитием.

Тов. Сталин, определяя, как и когда оформляются нации и государства, в числе других государств показывает нам это на примере Италии:

«Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации. Так происходит дело, например, в Западной Европе. Англичане, французы, германцы, *итальянцы* и прочие сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма.

*Но образование наций означало там вместе с тем превращение их в самостоятельные национальные государства»<sup>2</sup>.*

Об этом же процессе образования государства писал и Энгельс, показывая, как этот процесс вызывал национальное движение.

«С конца средних веков, — писал Энгельс, — история работает в направлении организации Европы в крупные национальные государства... С развитием торговли, земледелия, промышленности, — а с ними и классовой мощи буржуазии, — повсюду росло национальное чувство, раздробленные и угнетенные нации требовали объединения и самостоятельности»<sup>3</sup>.

И основоположники марксизма указывали, что пролетариат должен поддерживать эти национально-объединитель-

<sup>1</sup> Там же, стр. 105 и 110.

<sup>2</sup> Энгельс, Савойя, Ницца и Рейн, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 1-я, стр. 211.

<sup>3</sup> Энгельс, Марксизм и национальный вопрос цит. сб., стр. 10. Курсив наш.

<sup>3</sup> Энгельс, Сила и экономика в образовании Германской империи, «Красная новь», М. 1923, стр. 16.

<sup>1</sup> Ленин, Под чужим флагом, Сочинения, т. XVIII, стр. 108.

<sup>2</sup> Ленин, Под чужим флагом, Сочинения, т. XVIII, стр. 109.

ные движения вопреки мнению прудонистов и других представителей мелкобуржуазного социализма, считавших борьбу за национальное объединение реакционной. Однако не все национальные движения Маркс и Энгельс поддерживали. Известно, что против панславистского движения они вели борьбу, так как оно было направлено против революционного демократического движения и вело лишь к закабалению славянских народностей царской Россией.

Но основоположники марксизма поддерживали образования демократических национальных государств. В письме к Каутскому в 1882 г. Энгельс писал:

«До тех пор пока отсутствует национальная независимость, большой народ исторически не в состоянии даже обсудить сколько-нибудь серьезно какие бы то ни было внутренние вопросы»<sup>1</sup>.

Наиболее полно выражена Энгельсом мысль о значении для пролетариата национально-объединенного государства в его предисловии к первому итальянскому изданию «Коммунистического манифеста» 1893 г.:

«Без восстановления независимости и единства каждой нации невозможно создать ни международного объединения пролетариата, ни спокойного и сознательного сотрудничества этих наций для общих целей. Представьте себе общее международное действие итальянских, венгерских, немецких, польских, русских рабочих в политических условиях, господствовавших до 1848 г.»<sup>2</sup>.

Наконец укажем еще на одно место, где Энгельс отмечает, что образование национальных государств является «непременной предпосылкой для установления гармонического международного взаимодействия, без которого немыслимо господство пролетариата»<sup>3</sup>.

Из вышеизложенных методологических указаний основоположников марксизма-ленинизма мы и должны исходить при постановке национального вопроса вообще и при изучении национального объединения Италии в частности.

## II. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИТАЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ДО РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

### 1. Влияние французской революции на Италию и борьба за воссоединение в эпоху французского владычества

В нашу задачу не входит изложение истории Италии конца XVIII и первых десятилетий XIX в. Мы поставили себе цель, во-первых, изучить национальное объединение Италии в освещении Маркса и Энгельса и, во-вторых, изучить тактику Маркса и Энгельса в итальянском национально-освободительном движении.

И отсюда наша работа ограничена определенными хронологическими рамками. А именно: 1) мы должны изучить национально-объединительное движение в Италии за период, когда борьба за объединение приняла *общенациональный* характер (а не ограничивалась отдельными революционными вспышками в некоторых итальянских владениях, как это было в первые десятилетия XIX в.) и когда объединение начало осуществляться; 2) мы должны изучить национально-освободительное движение Италии за период деятельности Маркса и Энгельса, чтобы выяснить их тактику в этом движении. Поэтому исходный пункт нашего изучения ограничивается 40-ми годами XIX в. Тем не менее мы считаем необходимым изложить в *кратких чертах* общий ход революционно-освободительного движения в Италии за первые десятилетия XIX в., ибо без этого не будут понятными последующие события.

Раздробленность Италии явилась следствием феодального и абсолютистского порядка на Апеннинском полуострове и иностранного владычества, попеременно французского и австрийского. С конца средних веков отдельные области

<sup>1</sup> «Архив Маркса и Энгельса», ИМЭЛ, Партиздат, 1932, т. I (VI) стр. 189.

<sup>2</sup> Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, ИМЭЛ, Партиздат, 1932, стр. 13.

<sup>3</sup> Энгельс, Сила и экономика в образовании Германской империи, «Красная новь», М. 1923, стр. 16.

Италии множество раз завоевывались, разделялись и перекладывались различными феодальными деспотами. В XVIII в., когда в значительной мере уже успела развиться буржуазия, пробуждается стремление к объединению страны. Крестьянство, стонавшее от феодального гнета, и буржуазия, ощущавшая необходимость создания внутреннего рынка, жаждали реформ. Буржуазная революция 1789 г. в соседней Франции способствовала еще большему усилению в Италии стремлений к политической свободе и объединению. Сразу после этой революции усилилось брожение масс. Новые идеи французской революции заостряли политическую оппозицию против абсолютистских деспотических монархий, господствовавших на Апеннинском полуострове. В отдельных королевствах и герцогствах началось движение масс, стремившихся к освобождению от феодального гнета. Уже к этому времени поднимающаяся буржуазия сумела выделить из своих рядов кадры разночинной интеллигенции, разъезжавшие по всей стране и пропагандировавшие идею республики. В 1791 г. в различных городах Италии происходили столкновения студентов и городского мещанства с полицией. Когда французская революционная армия в 1792 г. вступала в Савойю, народ встретил ее с восторгом. Правительство, будучи бессильным бороться с революционной армией, начало расправиться с безоружными народными массами, приветствовавшими французских солдат и французскую республику.

С началом революционных войн почти вся Италия была занята Наполеоном I. Вначале Италия покрылась «республиками», подчиненными французскому владычеству, затем Наполеон создал на севере Итальянское королевство (из Ломбардо-венетской области) под управлением своего пасынка Богарне, на юге — Неаполитанское королевство под управлением своего генерала Мюрата и почти всю остальную часть Италии присоединил к Французской империи.

Французское владычество не дало Италии свободы и независимости, а давило ее военными тягестями непрерывных наполеоновских войн. Десятки миллионов франков должны были уплачивать итальянские государства за период этих войн, и вся тяжесть этой военной контрибуции ложилась на плечи народных масс. Италия была не только политически подчиненной Франции страной, она была ей подчинена также экономически. Наполеон превратил Италию в монопольный рынок сбыта для французской промышленности, и, чтобы сохранить монополию Франции, он ввел про-

тектнионистскую систему и установил высокие таможенные барьеры между отдельными итальянскими королевствами. Италия служила также сырьевой базой для французской промышленности. Кроме того Наполеон, стремясь использовать Италию для своих военных целей, создал там специальную военную промышленность (в Милане и других городах), которая находилась под его контролем.

Французское господство в Италии не внесло ощутительных улучшений в положение народных масс. Либеральные реформы не дали крестьянам главного — земли. Они лишь в малой степени чувствовали себя облегченными, оставаясь с помещиками карликовых участков земли. Для города же реформы Наполеона — введение «наполеоновского кодекса», отмена цеховых ограничений и других феодальных прав — способствовали развитию промышленности и торговли. В общем французское владычество в Италии ускорило разложение феодализма, способствовало развитию промышленного капитализма и пробудило национальное самосознание и демократические стремления поднимающейся итальянской буржуазии.

Но демократические стремления направились теперь не только против отечественного деспотизма, но и против французского господства. Буржуазия не была довольна экономической политикой Наполеона. Таможенные барьеры тормозили развитие страны, и буржуазия и либеральная интеллигенция стремились к созданию единой независимой Италии. Крестьянство тяготилось остатками феодального гнета и нуждалось в земле. Народные массы города и деревни стонали под гнетом налогов и военных контрибуций. Все это вызвало либерально-демократическое и национальное движение, которое выразилось в карбонаризме.

Союз карбонариев («угольщики») возник на юге Италии, в Калабрии, около 1808 г. Это было демократическое общество. Главная цель карбонариев — подготовка вооруженного восстания для свержения абсолютистских правительств и главным образом французского деспотизма. Основные кадры карбонариев составляли патристическая буржуазная интеллигенция и обуржуазившиеся дворяне. В рядах карбонариев находилась также в значительном количестве мелкая буржуазия. Республиканские идеи смешивались у карбонариев с мистицизмом (например ритуал посвящения, присяга при вступлении в общество и т. д.) и христианским социализмом. Скоро карбонарийское движение распространилось по всей стране, особенно после реставрации Бурбонов в 1815 г., и к

1816 г. оно насчитывало в своих рядах несколько сот тысяч человек<sup>1</sup>.

Наряду с карбонариями существовали франкмасоны. Общество франкмасонов было тайной организацией либеральной буржуазии и носило религиозно-философский характер. Это общество в отличие от карбонариев преследовало «гуманитарные» цели. Главной мечтой франкмасонов было введение в Италии английских порядков во имя *избежания народной революции*. Кроме либерального дворянства и буржуазии общество насчитывало в своих рядах значительное количество представителей духовенства и офицерства. Оба эти общества преследовались правительствами, и государи Италии противопоставляли им свои черносотенные и бандитские общества *кальдерариев и санфедистов*.

## 2. Национально-освободительное движение в Италии после Венского конгресса в период австрийского владычества. Итальянские революции 1820—1821 гг.

Победа союзников над Наполеоном I ухудшила положение Италии. Венский конгресс снова раздробил Италию<sup>2</sup> на восемь мелких государств (не считая крошечных Монако и Сан-Марино): Сардинское королевство (Пьемонт), Ломбардо-венецианская область, герцогства Парма, Модена, Тоскана и Лукка, Папская область и королевство Обеих Сицилий. Почти повсюду были восстановлены дореволюционные политические порядки, все королевства и герцогства были возвращены их прежним государям. Австрия получила Ломбардо-венецианскую область, на юге были восстановлены Бурбоны, а в центре Италии было водворено папство. Как вообще в Европе, так особенно в Италии Венский конгресс под знаменем легитимизма утвердил абсолютистскую и клерикальную реакцию.

Из ненависти к игу Наполеона население Ломбардии и Венеции вначале приветствовало вторжение австрийцев, но скоро оно узнало истинное лицо своих «освободите-

лей». Белый террор, установившийся по всей стране, особо свирепствовал в Ломбардо-венецианской и Папской областях и в королевстве Обеих Сицилий. Десятки тысяч арестов, тысячи казней совершались по всей стране. С реставрацией легитимных монархий весь Апеннинский полуостров фактически перешел в руки Австрии, и повсюду вводились австрийские порядки и искоренялось все то, что было введено Наполеоном I (так например король Сардинии Виктор-Эммануил I хотел разрушить мост через реку По лишь потому, что он был построен Наполеоном, и туринский муниципалитет, чтобы спасти этот мост, решил построить на нем церковь по якобы «данному обету»). Но все же вернувшиеся монархи вынуждены были признать *экономическое* законодательство времен империи — секуляризацию монастырских земель, отмену сеньориальных отношений в деревне и др.

Со времени реставрации оппозиционное движение буржуазии усилилось и возросло количество заговоров и выступлений карбонариев. Но ненависть была теперь направлена особенно против австрийцев, жестоко уничтожавших все нововведения Наполеона I, и карбонаризм принял некоторую бонапартистскую окраску. Дело в том, что буржуазия, вспоминая, что при наполеоновском господстве Италия до некоторой степени была объединена (она была разделена на три государства, а не на восемь) и что были отменены некоторые феодальные привилегии, искала теперь во французах союзников в борьбе против австрийского ига. Последнее необходимо иметь в виду, чтобы понять в дальнейшем позицию буржуазии в объединительном движении Италии, особенно в период австро-франко-итальянской войны 1859 г., когда Наполеон III вынужден был выступать в роли «объединителя» Италии, поддерживая этим надежды итальянской либеральной буржуазии.

К началу 20-х годов XIX в. брожение масс усилилось, и королевство Обеих Сицилий (Неаполь и Палермо) и Сардиния были охвачены бурным революционным движением. Этим движением воспользовались карбонарии, захватив в нем руководство. Сигналом к восстанию послужила испанская революция 1820 г. В начале июля 1820 г. офицер Пепе, связанный с карбонариями, встал во главе восставших полков в Неаполе, к которым присоединились массы горожан. Восставшие требовали «испанской конституции». Неаполитанский король Фердинанд I, сопротивлявшийся вначале, вынужден

<sup>1</sup> Точно определить численность карбонариев трудно, так как это является спорным вопросом в литературе; обычно указывают, что их насчитывалось от 300 до 700 тыс. человек.

<sup>2</sup> На самом Венском конгрессе деспот Меттерних не допустил даже создать комиссию по итальянскому вопросу, говоря, что «Италия — не государство, а лишь географическое понятие».

был под напором восставших «даровать» конституцию (6 июля 1820 г.).

Подобная же революция произошла в столице Сицилии — в Палермо (14 июля 1820 г.). Здесь движение приняло более бурный характер. Массы не довольствовались конституцией, свергли аристократический муниципалитет (юнту) и назначили новый — из представителей народных низов. В Палермо разгорелась гражданская война между буржуазной армией и народными массами, и в результате «чернь» овладела городом и разделила среди населения деньги, находившиеся в банках, и всякое городское имущество. Неаполитанская буржуазия испугалась, что движение в Сицилии зашло слишком далеко, руководитель повстанцев Неаполя Пепе отправился с войском в Палермо и подавил «взбунтовавшуюся чернь». Здесь — на юге — буржуазия была гораздо слабее, чем на севере Италии, и это наложило свой отпечаток на движение. Местная буржуазия стремилась лишь к незначительным реформам и довольствовалась «дарованной» конституцией Фердинанда I. Зато на юге происходили более сильные движения крестьян против существовавших еще здесь остатков средневековья. Но движения крестьян часто использовала реакция, втягивая многих из них в свои контрреволюционные организации и бандитские шайки.

Несмотря на все свое сопротивление, король Фердинанд I вынужден был присягнуть в «верности» конституции и созвать парламент. Неаполитанский парламент — общий для Обеих Сицилий — был создан в сентябре 1820 г. и состоял главным образом из чиновников и либеральных дворян.

Такого же рода события произошли и в Пьемонте 10 марта 1821 г. Здесь движением руководили либералы с графом Санта-Роза во главе. В Сардинском королевстве движение носило не только либеральный и конституционный характер, но и национальный. Либеральная партия выставляла требование национального объединения Италии, и к движению примкнули даже отдельные слои среднего дворянства. И здесь, как на юге, дело дошло до гражданской войны между восставшими частями и войском Виктора-Эммануила I. После некоторого сопротивления король Виктор-Эммануил I вынужден был отказаться от престола в пользу своего брата Карла-Феликса, а так как тот в это время отсутствовал, он временно назначил регентом принца Кариньякского — Карла-Альберта, считавшегося либералом. Для обмана масс Карл-

Альберт объявил испанскую конституцию, которой он спустя несколько дней изменил, и бежал из Турина. Власть в столице Сардинии перешла в руки вождя либералов Санта-Роза. Началась гражданская война между повстанческим войском и оставшимися верными Карлу-Феликсу войсками. После месячной борьбы революция в Пьемонте была подавлена при помощи австрийского войска.

В Ломбардо-венецианской области также происходило сильное движение в 1820—1821 гг., но здесь оно приняло главным образом заговорщический характер. Австрийские власти посредством шпионажа своевременно узнавали об этих заговорах, и заговорщики были казнены.

Мы видели, что неаполитанская и пьемонтская революции 1820—1821 гг. носили главным образом военный и либеральный характер. Начались эти революции с восстания недовольных военных частей и широкого размаха не приняли, так как *массы в них слабо участвовали*. Главная слабость этих движений заключалась в том, что они *не были поддержаны крестьянством*. В это время в Италии еще не было партии, которая могла бы повести крестьянство по революционному пути. Разоряемые крестьяне отравлялись проповедью духовенства и, сбежавшись в города, образовали совместно с обнищавшими ремесленниками армию люмпен-пролетариев — лаццарони, которые использовались реакцией в борьбе с революционным движением. В этом состоит одна из характерных особенностей итальянского революционного движения.

В Европе начался поход реакции против итальянской революции. Деспот всей Европы князь Меттерних созвал (в Лейбахе) специальный конгресс для подавления революционных движений в Италии. Не обошлось без вмешательства и царского деспотизма. Российский самодержец Александр I отправил к границе Италии *стотысячное* войско для подавления итальянской революции. Революция 1820—1821 гг. в Италии была подавлена австрийскими штыками, но это было возможно лишь благодаря *слабости самой революции*. Впоследствии Энгельс писал об этой революции:

«В 1823—1831 гг. Австрия могла еще разгонять при помощи артиллерийских снарядов пьемонтских, неаполитанских и романьольских повстанцев»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Энгельс, Начало конца Австрии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. V, стр. 252. Курсив наш.

В позднейших революциях реакционная Австрия еще продолжала выступать в роли палача итальянской революции, но благодаря мощности самой революции подавить ее не всегда удавалось.

После подавления революции новый король Сардинии Карл-Феликс в страхе перед революционным движением вынужден был заключить с Австрией капитулянтское соглашение, по которому Австрия получила право держать в Пьемонте 12 тыс. войск. Изменивший своим обещаниям и бежавший было король Обеих Сицилий Фердинанд I вернулся в Неаполь по пятам австрийской армии в 50 тыс. человек, посланной от имени держав для подавления революции. После подавления революции снова начал свирепствовать белый террор, и виселицы действовали по всей стране.

Но, несмотря на некоторое затишье, наступившее в десятилетие после подавления революции 1820—1821 гг., кровавый террор все же не смог остановить революционное движение в Италии. В 1830—1831 гг. под влиянием июльской революции (во Франции) движение снова усилилось и произошел ряд восстаний. Восстания начались в герцогствах Парме и Модене и в Папской области. Но, как и в революции 1820—1821 гг., движение носило либеральный характер и не привлекло к себе широких масс. Это были лишь «судороги» надвигающейся новой волны революционного подъема, чем характерны 30-е годы. «...Италия отвечала судорогами на гнет Меттерниха...», — писал Энгельс по поводу этих восстаний<sup>1</sup>. Главным требованием, выдвигаемым восставшими, была конституция образца монархии Луи-Филиппа. Восставшие успели даже учредить в Парме и Модене временные правительства и образовали национальную гвардию. Затем они обратились к Луи-Филиппу за помощью, в которой он им отказал. И теперь дело решило австрийское войско. Все эти восстания были жестоко подавлены при помощи австрийского оружия, и герцоги были восстановлены в своих владениях. В подавлении революционного движения 1830—1831 гг. в Папской области особо отличались наемные швейцарские полки. Лишь одна Тоскана, которая была наименее деспотическим государством в Италии, в этот период избежала революции, и сюда сбежали изгнанники-патриоты.

<sup>1</sup> Энгельс, Революционные движения 1847 года, Сочинения Маркса и Энгельса, т. V, стр. 239.

### 3. Джузеппе Мадзини и «Молодая Италия». Революционное движение 30-х годов и оформление республиканской и либеральной партий

Но задуть движение хотя бы на время не удавалось. Революционное движение распространялось все больше и больше, и возмущение масс проявлялось все с большей и большей силой. С 30-х годов XIX в. национально-объединительное движение Италии вступает в новую фазу своего развития. С этого времени движение встречает более активную поддержку народных масс городов и деревень. В этот период полностью оформляются умеренно-либеральная и республиканская партии и вырабатывается программа итальянской революционной буржуазии. В новый период своего развития революционное движение уже не может удовлетвориться старыми организациями, и в 1831 г. оно призывает к жизни «Молодую Италию», организатором которой был Джузеппе Мадзини (1805—1872), сыгравший виднейшую роль в национально-освободительном движении Италии. Требования карбонариев — установление федеративной Италии — уже устарели, как устарели и формы их борьбы — узкое заговорничество. Необходима была новая организация, которая обладала бы большою силою и жизненностью. Новое общество, «Молодая Италия», выставляло два главных требования: единая Италия и республиканский строй. Средством для осуществления этой программы, по мнению идеолога и вождя общества Мадзини, могло быть только восстание. Но этому восстанию должна была предшествовать основательная пропаганда. И с момента основания общества его руководители целиком отдаются пропаганде. Важно отметить, что «Молодая Италия» была составной частью «Молодой Европы» (тоже организованной Мадзини), куда входили «Молодая Польша», «Молодая Германия», «Молодая Швейцария» и др.; а будущее устройство Европы Мадзини представлял себе в виде федерации республик.

Теоретические взгляды идеолога революционной итальянской буржуазии Мадзини не отличались особой четкостью и ясностью. Они представляли собой смесь, путаницу идей утопического социализма<sup>1</sup> с христианством. Он

<sup>1</sup> Ленин относит идеологию мадзинизма, как и прудонизма, к «непротетарскому, домарксовому социализму». См. его статью «Карл Маркс», Соч., т. XVIII, стр. 7.

был против уничтожения частной собственности и против социализма. Он хотел лишь уничтожить собственность как привилегию немногих и сделать всех собственниками. Он был за создание производственных ассоциаций, в которых, по его мнению, осуществлялось бы соединение труда с капиталом. Хотя к католической церкви Мадзини относился враждебно, его мировоззрение было пронизано религиозностью. Свобода является для него каким-то нравственным идеалом. В ряде своих теоретических произведений Мадзини вы-

двигает этико-идеалистическую концепцию истории и революции. Согласно этой концепции, мир управляется «моральными законами прогресса», а будущее революции является «эстетической необходимостью». Для Мадзини участие в революции является святой религиозной обязанностью каждого человека. Поэтому на знамени римской республики, диктатором которой Мадзини был в 1849 г., он пишет лозунг «Бог и народ» («Dio e Popolo»). Эту путаницу идей у Мадзини Маркс назвал «космополитически-неокатолически-идеологическими» фразами<sup>1</sup>.

Путаница в идеологии Мадзини определяла и его тактику. Будучи на словах против мелких заговоров и за организацию *народной революции*, он фактически продолжал ту же заговорщическую политику карбонариев. Мадзини вначале сам был карбонарием и в организованной им «Молодой Италии»

он сохранил некоторые из традиций карбонариев (например клятву при вступлении в общество, ритуалы посвящения и пр.). Сторонник революционного пути объединения Италии, Мадзини не брезгал объединением ее под скипетром какого-нибудь короля и даже папы. В 1831 г., когда после смерти Карла-Феликса пьемонтский престол занял Карл-Альберт, Мадзини, несмотря на свои республиканские убеждения, обратился к нему с призывом возглавить борьбу за освобождение и воссоединение Италии. За это свое первое письмо к королю Мадзини был приговорен королевским судом к смертной казни, но ему удалось бежать в Марсель (впоследствии он с такими же письмами обращался к папе Пию IX и Виктору-Эммануилу II). Все эти «слабости» руководителя республиканской партии Мадзини вполне отражали стремления самой партии: выше и дороже всего было для республиканской буржуазии объединение Италии.

Основные кадры «Молодой Италии» составляла преимущественно буржуазная интеллигенция: юристы, врачи, профессоры, низшее офицерство и др. Однако к партии примыкали также значительное количество среднего и мелкого дворянства, городской мелкой буржуазии и незначительная часть ремесленного пролетариата и крестьянства. Отсталую массу крестьян Мадзини привлекал к себе реакционным лозунгом «Бог и народ».

Ко времени оформления республиканской партии капитализм в Италии уже успел сделать значительные успехи,

<sup>1</sup> Маркс, Письмо к Вейдемейеру от 11 сентября 1851 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXV, стр. 112.

хотя в основном страна еще оставалась земледельческой. В 30-е годы мы уже встречаем на севере Италии машинное производство. В Ломбардии, как указывает Энгельс<sup>1</sup>, в начале 30-х годов вводится машинное шелкоткачество. Постепенная отмена феодальных прав сопровождалась обезземелением крестьян, и с усилением революционного движения крестьяне все в большей массе привлекались к нему (особенно на севере Италии), отказываясь выполнять свою прежнюю реакционную роль. Таким образом республиканская партия усиливалась. 30 и 40-е годы были годами расцвета мадзиниевской партии, и под руководством самого Мадзини она организует ряд восстаний, которые однако имели характер мелких заговоров.

В 1833 г. страстные мадзинисты братья Руффини с несколькими десятками сообщников организуют восстание в Генуе. Это восстание было подавлено самым свирепым образом; некоторые его участники были казнены, а его организатор Яков Руффини в тюрьме покончил с собой, перерезав себе вены. Эта жестокая расправа пьемонтского правительства побуждает Мадзини в 1834 г. снова поднять восстание. На этот раз он из сотни эмигрантов организовал отряд, который под руководством полковника Раморино вторгся со стороны швейцарской границы в Савойю. Отряд вступил в бой с королевским войском, однако, видя превосходство сил противника и равнодушие населения, отряд с небольшими потерями вернулся в Швейцарию. В этой экспедиции участвовал молодой моряк Джузеппе Гарибальди (1807—1882), незадолго до этого примкнувший к «Молодой Италии» и сыгравший затем крупнейшую роль в национально-освободительном движении Италии.

Гарибальди был за это восстание приговорен к смертной казни, но ему удалось бежать в Южную Америку, где он прославил себя как народный герой борьбой и руководством в партизанских отрядах республики Рио-Гранде против бразильского императора.

В 1837 г. при участии мадзинистов происходит восстание в Сицилии. В это время там свирепствовала холера, поглотившая десятки тысяч жертв. Так как правительство очень равнодушно относилось к страданиям масс, в народе распространился слух, что правительство отравляет население. Массы поднялись на стихийные бунты. Республиканцы восполь-

зовались ими и сделали попытку организовать это стихийное движение как всенародное восстание. Восстание распространилось в небольших городах Сицилии (Мессина, Сиракузы, Катания и др.). В Катании массы даже захватили власть в свои руки; был избран гражданский совет из двадцати членов, к которому перешла вся власть, были арестованы все королевские чиновники. Но все же восстание не приняло всеобщего характера, так как массы были безоружны. Тем не менее, для того чтобы навести «порядок», королю Обеих Сицилий Фердинанду II пришлось послать из Неаполя в Сицилию три армейских корпуса, которые учинили жестокую расправу с бунтарским населением острова. Десятками смертных приговоров (в том числе женщин и детей), сотнями приговоров к долголетнему тюремному заключению закончил самый кровожадный из всех деспотов Италии Фердинанд II свою расправу с героическим сицилийским народом.

Прошло всего лишь семь лет после этой расправы, и в королевстве Обеих Сицилий снова было поднято восстание, организованное братьями Бандиера. Это восстание и геройская смерть братьев Бандиера окружены ореолом славы в глазах поколений, боровшихся за освобождение Италии. Братья Бандиера — молодые венецианские офицеры, командовавшие судном. В 1841 г. они вступили в «Молодую Италию» и с тех пор находились в близких сношениях с Мадзини. Летом 1844 г. по договору с Мадзини было решено, что члены «Молодой Италии» поднимут восстание в Калабрии; им на помощь должны были прийти братья Бандиера со своим судном и командой, рассчитывая на то, что восстание в Калабрии увлечет на восстание все королевство Обеих Сицилий. Восстание в Калабрии было поднято, но братья Бандиера не успели прийти ему на помощь. Дело в том, что план своего десанта они сообщили Мадзини, проживавшему в то время в Англии. Английское правительство же перехватывало все письма к революционным эмигрантам и вскрывало их. Письмо попало в руки английского правительства, и содержание его было сообщено Фердинанду II, который устроил засаду у места десанта братьев Бандиера<sup>1</sup>. 17 июня 1844 г. братья Бандиера и два десятка их сообщников высадились в Калабрии,

<sup>1</sup> Энгельс, Начало конца Австрии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. V, стр. 253.

<sup>1</sup> После этого случая Мадзини разоблачил в печати английское правительство, хваставшее на весь мир «гостеприимством», оказываемым революционным эмигрантам из других стран, и в то же время занимавшееся перлюстрацией (вскрытием) их переписки.



где были захвачены засадой и на месте расстреляны. Они умирали, восклицая: «Да здравствует Италия!». Расстрел братьев Бандиера и их товарищей вызвал взрыв возмущения народных масс Италии. Жестокое подавление всех перечисленных (и неперечисленных) выше восстаний, правда, иногда очень бессмысленных и имевших характер заговоров, еще больше возбуждало национально-освободительные стремления масс. Революционное направление в объединительном движении Италии охватывало все более и более широкие круги народных масс.

Итальянский историк Пиетро Орси, который является далеко не республиканцем, а «воодушевленным сторонником савойского дома», описывая состояние умов в Италии в то время, указывает, что «вся итальянская поэзия и проза того времени была... постоянным заговором»<sup>1</sup>. Такие книги, как «Мои тюрьмы» Сильвио Пеллико, описавшего страдания итальянских революционеров в австрийских тюрьмах, или «Осада Флоренции» Гвераци (впоследствии диктатора Тосканской республики), описавшего революционную борьбу народных масс Тосканы, — такие книги и много им подобных читались нарасхват. Угнетенные массы, жаждавшие освобождения, видели в этой буржуазной романтической литературе, рисовавшей борьбу за освобождение Италии как борьбу за священное дело, описание какого-то фантастического блаженного будущего, когда они избавятся от всех своих страданий, и страстно увлекались ею. Эта литература сыграла немалую роль в оформлении революционного направления национально-объединительного движения в Италии. Наряду с оформлением революционного направления в национально-объединительном движении оформлялось умеренное направление этого движения, отражавшееся либеральной партией. Борьбу республиканской и умеренно-либеральной партий мы можем проследить уже в карбонаризме и масонстве. Эти организации, как выше было отмечено, преследовали различные цели. Если общество карбонариев стремилось объединить Италию хотя бы в виде федерации, а средством для достижения этой цели должно было служить вооруженное восстание, то франкмасоны хотели лишь своей *гуманитарной пропагандой убедить* монархов Италии в необходимости введения некоторых конституционных реформ. Позднее соответственно такие же требования (и методы их осуществле-

ния) выдвигали республиканская и либеральная партии. Но все же необходимо отметить, что нельзя отождествлять общество карбонариев с «Молодой Италией». Последняя являлась более передовой, по сравнению с карбонариями, партией поднимающейся итальянской буржуазии и притом в новый период, когда Италия сделала значительный шаг вперед в своем промышленном развитии. Лишь наиболее революционные элементы из карбонариев перешли в «Молодую Италию».

*Республиканская партия Мадзини отражала интересы средней и мелкой буржуазии* и пользовалась значительным влиянием на ремесленный пролетариат. Но даже в той довольно отсталой среде ремесленников, где Мадзини пользовался влиянием, массы не довольствовались его тактикой и толкали его вперед (об этом ниже). Вот эта-то разношерстность мадзиниевской партии, а также неудавшиеся заговоры, которыми она руководила, ослабили, а позднее привели к развалу «Молодую Италию».

*Умеренно-либеральная партия*, которая оформилась в конце 30-х и в начале 40-х годов и идеологом которой впоследствии стал граф Кавур, *отражала интересы либеральных обуржуазившихся помещиков и торгово-промышленной буржуазии*. Идеалом этой партии была конституционная монархия, и больше всего она боялась революции народных масс снизу и вела кровавую борьбу с республиканской (тоже буржуазной) партией.

Эту различную классовую природу республиканской и либеральной партий нам особенно необходимо подчеркнуть в противоположность лицемерным утверждениям буржуазных историков (Орси, Сорен, Орлова и др.) о «полном единении итальянского народа с савойской династией», о «благородных и возвышенных идеалах во имя права и народа» у короля Виктора Эммануила при создании единой Италии, об «объединении... великим мужем и красой истории Кавуром многих миллионов людей чувством национальности» и т. д. и т. п.<sup>1</sup>.

Все это — лживые и лицемерные утверждения буржуазной апологетической литературы.

<sup>1</sup> П. Орси, Современная Италия, Спб. 1907, стр. 92.

<sup>1</sup> П. Орси, цит. соч., стр. 226; Эли Сорен, История Италии, Спб. 1898, стр. 359; О. Орлова, Граф Камилло Кавур по его письмам и современным запискам, «Русская мысль», 1898, кн. I—III, VII, IX, XI.

#### 4. Эпоха Risorgimento. Либеральные реформы. Оценка национального движения 40-х годов Марксом и Энгельсом

Либеральное движение буржуазии зародилось на севере— в более развитой в промышленном отношении части Италии— и особенно сильно было в Пьемонте. В конце 30-х и начале 40-х годов XIX в. на юге и на севере Италии началось оживление в развитии промышленности и торговли. Машинное производство, начало которого было положено в текстильной промышленности Ломбардии еще за 10 лет до этого, начинает постепенно проникать в другие отрасли промышленности и распространяется по другим областям страны (механизация в добычании серы на рудниках Сицилии, усовершенствование в производстве оливкового масла в Центральной Италии и др.). Начинают прокладываться первые железнодорожные линии (линия Неаполь—Портичи в 1839 г., линия Милан—Венеция в 1840 г., линия Ливорно—Пиза в 1843 г.). В этом промышленном строительстве буржуазия встречает сопротивление со стороны отдельных монархов. Так например, король Обеих Сицилий Фердинанд II не хотел разрешить строить железные дороги в своем королевстве. Абсолютистский строй, австрийское владычество и раздробленность являются теперь ощутительным тормозом в развитии страны. Перед буржуазией более остро встает вопрос о необходимости создания внутреннего рынка для своей промышленности. Буржуазия видела настоятельную необходимость в объединении страны и проведении политических реформ. Таким образом усиливается патриотическое и национально-объединительное движение и возникает движение либеральной буржуазии и обуржуазившегося дворянства— движение умеренного и зачастую консервативного типа. О возникновении этого движения в начале 40-х годов Энгельс писал:

«... точно так же, как 1830 год был кульминационным пунктом революционного движения буржуазии, 1840 год оказался кульминационным пунктом реакции. С 1840 г. снова начинают возникать движения, направленные против существующих порядков. Они терпят неоднократно поражения, но постепенно все больше и больше завоевывают почву»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Энгельс, Революционные движения 1847 года, Сочинения Маркса и Энгельса, т. V, стр. 240.

С середины 40-х годов начинается эра так называемых «ученых конгрессов»<sup>1</sup>, на которых о политике говорят больше, чем о науке. Это было уже легальное движение, которое особого сопротивления со стороны правительства не встречало. А некоторые монархи, как например сардинский король Карл-Альберт, сам видевший необходимость реформ во избежание революции, даже поддерживают движение. Так началось движение, вошедшее в историю под названием Risorgimento (Возрождение), и этим окончательно оформилась либеральная партия. Выше уже было отмечено сходство этого движения с масонством, и несомненно в последнем нужно искать его зародыш. Необходимо также отметить и новое в этом движении: в отличие от масонства Risorgimento носило общенациональный характер и ставило цель создания единой Италии. Однако патриотизм либеральной партии был династического происхождения, это был патриотизм преимущественно савойской династии. Все главные деятели Risorgimento—Джиоберти, Бальбо и д'Азелио—были пьемонтцами и считали своего государя Карла-Альберта главным борцом за независимость и объединение Италии: объединение мыслилось ими главным образом в виде сплочения всех королевств вокруг Сардинии с Карлом-Альбертом во главе. Такую политику впоследствии и проводил министр короля Виктора-Эммануила II граф Кавур, начавший свою политическую деятельность в Италии изданием в 1847 г. газеты «Risorgimento». Усилению умеренного крыла итальянского освободительного движения способствовало недовольство некоторых слоев буржуазии неудачными мелкими заговорами республиканцев, от которых отвернулась часть буржуазии, считавшая для себя необходимым прибегнуть к более «разумным» и умеренным средствам борьбы.

С проповедью воссоединения Италии «сверху», путем либеральных реформ, первым выступил аббат Джиоберти, издавший в 1843 г. книгу о «Нравственном и гражданском первенстве итальянцев», имевшую громадный успех. Автор доказывал, что Италия предназначена богом «служить центром человечества и духовным вождем народов». Для выполнения этой своей миссии Италия должна освободиться от иностранного владычества и объединиться путем создания союза итальянских государей под властью папы.

<sup>1</sup> Ср. с либеральной «банкетной кампанией» накануне революции 1905 г. в России.

Джиоберти считал папство центром, объединяющим нацию, а папа, по его мнению, должен был стать вождем объединительного движения, главою Италии и всего мира. Эту свою «божественную миссию», по мнению Джиоберти, Италия сможет сама выполнить лишь «при незначительной доле желания и силы воли, без всяких потрясений, без революций»<sup>1</sup>. Несмотря на свою умеренность, книга Джиоберти была встречена папой Григорием XVI в штыки. Этот старый деспотический иезуит начал еще более жестоко преследовать национальное движение. Банды иезуитов, объединившиеся с разбойничьими шайками, безнаказанно убивали на улицах каждого встречного итальянского патриота.

Другим сочинением этого же направления была книга графа Чезаре Бальбо «Надежды Италии», вышедшая в 1844 г. и на шумевшая по всей стране. Автор этой книги, всячески преклоняясь перед папством, также выдвигал требование образования федерации итальянских государств, с тем однако, чтобы во главе федерации стоял не папа, а король Сардинии Карл-Альберт, так как последний является единственным государем Италии, обладающим сильным войском для освобождения и защиты страны от иностранного ига.

Подобные мысли высказывались в книге известного уже в то время в Италии писателя д'Азелио «Последние события в Романье», вышедшей в 1846 г. и также получившей широкое распространение. В этой книге д'Азелио описывает восстание в Римини (Романья) в 1845 г. Это восстание было вызвано репрессиями папы в ответ на упомянутую выше книгу Джиоберти, и папская власть самым свирепым образом его подавила. Автор описывает страдания народных масс Романьи от произвола папской власти и протест против этого режима, изложенный в «Манифесте населения Церковной области к государям и народам Европы», издан-

<sup>1</sup> Интересно отметить и другую сторону книги Джиоберти. Описывая все достоинства Италии и итальянцев и все невзгоды раздробленности страны, автор указывает, что объединение нужно Италии не только для выполнения своей «божественной миссии». «Где флот наш и наши колонии? — вопрошает Джиоберти. — Какое место занимают, какое значение имеют, каким влиянием пользуются, в смысле авторитета или влияния, наши послы при иностранных дворах?» Оказывается, что либеральная буржуазия, выдвинувшая интересы которой был Джиоберти, несмотря на то что крупная промышленность в Италии была еще в зародке, уже тогда мечтала о колониях, и у нее слюнки текли изо рта при мысли о том, что другие европейские страны имеют «флот и колонии», а Италия этого еще не имеет. См. П. Орси, цит. соч., стр. 97.

ном повстанцами в Римини в 1845 г. Критикуя папское правительство за «небожественное» обращение с народом, автор однако обрушивается на своих же друзей либералов, участвовавших в восстании в Римини. Он всячески осуждает заговоры и насилия как средство воссоединения Италии и достижения политических реформ и советует действовать «среди бела дня», т. е. путем упрашивания папы и других государей провести либеральные реформы и добровольно объединиться в союз.

Наконец отметим книгу Якова Дурандо «Итальянская национальность», также на шумевшую в то время. Автор этой книги предлагал образовать Италию из союза трех государств: Северного — под властью Карла-Альберта, Южного — под властью Бурбонов и Центра — под властью папы.

Так отражалось движение Risorgimento в литературе. Как видно из вышеизложенного, четко сформулированной программы у этого движения не было: идеологи либеральной буржуазии по-разному представляют себе будущее устройство Италии. Однако все сходились в трех пунктах: 1) Италия должна прежде всего освободиться от австрийского ига; 2) Италия должна быть объединена и должны быть проведены политические реформы; 3) Италия достаточно сильна, чтобы достичь всего этого собственными силами. Выражение последнему пункту было дано королем Карлом-Альбертом в лозунге «Italia fara da se» (Италия справится сама).

Энгельс дал следующую исчерпывающую характеристику этому движению и его перспективам:

«Сейчас в Италии... оно (движение. — В. Н.) имеет две цели: внешнюю независимость и внутренние реформы. Пока не требуют конституции, а добиваются лишь административных реформ; пока что избегают серьезных конфликтов с правительством, для того чтобы сохранить наибольшее единство перед лицом иноземного насилия. Но каково свойство требуемых реформ и кому они должны пойти на пользу? Прежде всего буржуазии... Движение в Италии является таким образом совершенно определенным буржуазным движением. Все сочувствующие реформам классы, начиная от князей и дворянства и кончая пифферари и лаццарони, выступают сейчас как буржуа... Но все эти классы испытывают жесточайшее разочарование, как только удастся свергнуть австрийское иго. Как только буржуазия справится с внешним врагом, она произведет у себя дома отделение

овец от козлич. И тогда князьям и графам снова придется обращаться с воплями о помощи к Австрии, но уже будет поздно; рабочие же Милана, Флоренции и Неаполя увидят, что их работа еще только начинается»<sup>1</sup>.

Этот блестящий прогноз Энгельса полностью оправдался. Не прошло и года, после того как были написаны эти слова Энгельса, а итальянская буржуазия уже «отделяла овец от козлич»; после победы Римской и Венецианской республик 1848—1849 гг. контрреволюционная часть буржуазии эмигрировала в Австрию и «обращалась к ней с воплями о помощи», и только при помощи Австрии эти республики были задушены. Однако на данном этапе развития национально-освободительного движения, когда в Италии еще господствовал абсолютистский строй и когда страна находилась под иностранным игом, буржуазия была гегемоном движения, она являлась наиболее передовым классом, вокруг которого объединились все остальные классы, участвовавшие в движении. И недаром Энгельс говорит в вышеприведенной цитате, что все классы тогда выступали как буржуа. В этой же статье Энгельс прямо указывает, что пролетарские массы Италии разделяют иллюзии буржуазии. Роль буржуазии в освободительном движении того периода Энгельс оценивает следующим образом:

«... Сейчас в Италии буржуазия становится, благодаря росту своего богатства, а особенно благодаря возросшему значению промышленности и торговли для жизни всего народа, тем классом, от которого главным образом и зависит освобождение страны от чужеземного господства»<sup>2</sup>.

Либерально-патриотическое движение особенно усилилось с лета 1846 г. в связи с избранием нового папы. Летом 1846 г. умер папа Григорий XVI, отличавшийся крайней реакционностью и деспотизмом. Кандидат на папский престол, поддерживаемый австрийским правительством, не был избран, и прошел кандидат из оппозиции против Австрии, поддерживаемый Францией — архиепископ Мاستай-Феррети, переименовавшийся в Пия IX. Либералы, считавшие первоочередной задачей освобождение Италии от австрийского ига, рассматривали избрание в папы антиавстрийского кандидата как победу идей Джиоберти,

Бальбо и других деятелей Risorgimento, возлагавших и раньше большие надежды на папу. Либералы встретили Пия IX с восторгом и начали петь ему дифирамбы, превращая его в «национального героя». Этим они сумели привлечь на свою сторону значительную часть отсталых религиозных масс, ненавидевших австрийцев. И новый папа Пий IX, чтобы удержать эти массы за собой, действительно принял за проведение некоторых, как говорит Энгельс, «весьма сомнительных», либеральных реформ: он дал политическую амнистию, смягчил цензуру, учредил государственный совет (консульту), в который были допущены светские люди. Маркс и Энгельс сразу же разоблачили этот маневр Пия IX, написав в конце 1847 г. в «Коммунистическом манифесте», что это он соединился с Николаем I, Меттернихом и Гизо для священной борьбы с призраком коммунизма в Европе.

Испугавшись сильного размаха движения, выразившегося в демонстрациях с требованиями введения реформ в духе папских, сардинский король Карл-Альберт также ввел в своем королевстве в 1847 г. некоторые реформы (смягчение цензуры, расширение власти муниципальных советов и др.). Великий герцог Тосканский также последовал примеру папы и ввел в Тоскане некоторые реформы. Принудили его к этому мощные демонстрации и волнения, происшедшие в Ливорно, Пизе и Флоренции.

Видя, что дело грозит восстанием, луккский герцог в конце 1847 г. решил присоединить свое карликовое владение к Тоскане. Таким образом избрание Пия IX и введение им некоторых реформ послужили толчком к широкому размаху либерального движения. Вот что пишет Энгельс о силе этого движения и о самом Пие IX, который, по его выражению, играл тогда роль «первого буржуа Италии»:

«Италия показала нам необычайное зрелище того, как человек, занимающий самый реакционный пост в Европе, представляющий собой окаменевшую идеологию средневековья, — как римский папа стал во главе либерального движения. Движение это в мгновение ока приобрело могучий размах; оно увлекло за собою австрийского эрцгерцога в Тоскане и предателя Карла-Альберта Сардинского; оно расшатало устои трона Фердинанда в Неаполе; его волны перекатываются через Ломбардию до Тиролевских и Штирийских Альп»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Энгельс, Революционные движения 1847 года, Сочинения Маркса и Энгельса, т. V, стр. 242.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>1</sup> Энгельс, Революционные движения 1847 года, Сочинения Маркса и Энгельса, т. V, стр. 242.

Все эти «весьма сомнительные» реформы, предпринятые итальянскими государями, были проведены с расчетом обмана масс и из боязни революции. После подавления революции 1848—1849 гг. во всех итальянских государствах, за исключением Сардинии, где была оставлена жалкая конституция, был восстановлен прежний деспотический режим с жесточайшим террором. На то, как вначале все были увлечены этими реформами и в особенности «либерализмом» папы, указывает тот факт, что даже Мадзини написал папе письмо, призывая его встать во главе национально-освободительного движения.

### III. РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. в ИТАЛИИ

#### 1. Первый период революции (январь—август)

Проведенные реформы накануне революции 1848 г. отдельными государями Италии не могли уже удержать движения, принявшего столь грозные размеры. Так называемая «эра либерализма» 1846—1847 гг. была лишь предзнаменованием революции 1848—1849 гг. Как вообще в Европе, так в особенности в Италии кризис 1847 г. являлся предвестником революции, а революционное движение этого года подготовило революцию. Маркс и Энгельс, с нетерпением ожидавшие революционного взрыва, следили с пристальным вниманием за революционными движениями 1847 г. Эти движения приняли всеобщий характер и охватили оба полушария. Вот как Энгельс описывает движения 1847 г.:

«1847 год был, несомненно, самым богатым событиями среди целого ряда последних лет. Он принес с собою в Пруссии—конституцию и соединенный ландтаг, в Италии—неожиданно резкое пробуждение политической жизни и *всеобщее* выступление против Австрии, в Швейцарии—гражданскую войну, в Англии—новый парламент определенно радикальной окраски, во Франции—ряд скандалов и банкротств в честь реформы, в Америке—завоевание Мексики Соединенными штатами. Иными словами, мы видим целый ряд изменений и движений, подобных которым мы не найдем ни за один из последних годов»<sup>1</sup>.

В Италии эти изменения и движения показывали, что правители *уже не могли* править, а массы *не хотели* жить по-старому. Крестьянство, которое не получило ничего ни от наполеоновского владычества, ни от последующих движе-

<sup>1</sup> Энгельс, Революционные движения 1847 года, Сочинения Маркса и Энгельса, т. V, стр. 239. Курсив наш.

ний, оставалось забитой, полунищей массой, все больше обезземеливалось и не находило в городе работы. Ремесленный пролетариат городов также влачил жалкое, полунищее существование, подвергаясь жестокой эксплуатации со стороны торгово-промышленной буржуазии. Многие из ремесленников, разоряемые вследствие растущей промышленности, которая не могла им всем дать работу, опускались на дно общества и превращались в люмпен-пролетариев — лаццарони. Эта безработная городская «чернь» в зависимости от отношения к ней различных партий и правительств играла различную роль в разных государствах Италии, служа то революции (например в Венеции), то контрреволюции (в Неаполе). О том, как буржуазия и обуржуазившаяся дворянство тяготились старым порядком, мы уже говорили. И если мы вспомним тройной гнет на Апеннинском полуострове, если мы вспомним абсолютистский строй и господство австрийцев и духовенства, тогда нам станет ясно, что в Италии была благоприятная почва для революции.

Итальянская буржуазная революция 1848 г. была преимущественно городской революцией. Деревня осталась мало затронутой ею. Вследствие вредной политики Мадзини и его партии, о чем у нас речь будет ниже, крестьянство лишь в незначительной части участвовало в революции, сохраняя в своей массе в лучшем случае сочувственный нейтралитет к ней. В городах же ко времени революции пропаганда республиканцев успела проникнуть в довольно широкие круги народных масс, и это придавало движению более организованный и более массовый характер по сравнению с предыдущими движениями.

Революционные выступления начались в Италии с первых чисел января 1848 г. И начались они в государствах, где произвол власти и угнетение масс были наиболее сильны: в Ломбардо-венецианской области и в королевстве Обеих Сицилий.

Ломбардо-венецианская область стонала от политического произвола и от налогового гнета. Налоги накладывались на все съестные припасы — на хлеб, мясо, табак, вино и др. Австрийский император получал четверть всего своего дохода от налогов со своих итальянских подданных, в то время когда они составляли лишь восьмую часть населения империи. Наместник австрийского императора кровавый фельд-маршал Радецкий превратил Ломбардо-венецианскую область в громадную тюрьму. Почти за каждым домом итальянца

следил австрийский шпион. За малейшее проявление недовольства полицейским произволом бросали на долгие годы в тюрьму. Итальянцы не имели права не только говорить о государственных делах, они не имели права и думать о них. «Ломбардцы должны забыть, что они итальянцы», — неустанно повторял деспот вся Европы князь Меттерних. И фанатик деспотии 80-летний солдафон Радецкий тщательно проводил этот лозунг в жизнь «кровью и железом». Хотя официальным правителем Ломбардо-венецианской области считался брат австрийского императора эрцгерцог Ренье, фактически вся власть была в руках кровавого Радецкого, он держал в ежовых рукавицах все светские власти и установил в Ломбардо-Венеции свою полную единоличную диктатуру.

Жителям Ломбардо-венецианской области стало ненавистно все, что только являлось австрийским, и на издевательства австрийцев они часто отвечали пассивным сопротивлением — бойкотом. С бойкота же началась революция. В день нового, 1848, года никто из жителей Милана (столица Ломбардии) не покупал австрийского табака. Все молча воздержались от курения, чтобы этим нанести вред Австрии, получавшей громадные доходы от табачной монополии<sup>1</sup>.

1 и 2 января 1848 г. никто из итальянцев Милана не курил, лишь одни австрийские солдаты и полицейские ходили по улицам и демонстративно курили сигары. Миланские граждане встречали их свистками и криком. Тогда правительство Радецкого решило спровоцировать народные массы на выступление, чтобы иметь возможность вооруженной силой в корне задушить волнение. Солдатам было выдано большое количество сигар и приказано 3 января ходить по улицам и демонстративно курить. Солдаты курили и пускали дым в лицо проходящим. Массы забрасывали их камнями. Солдатам с самого начала было приказано пускать в ход оружие, и в этот день в Милане было около 100 жертв этой провокации. Движение бойкота австрийского табака происходило и в других городах Ломбардо-венецианской области (в Венеции, Павии, Падуе и др.). Однако кровавым террором Радецкого удалось лишь на время задушить движение; оно началось вновь в марте с героических «пяти миланских дней». Январские волнения в Ломбардо-венецианской области были

<sup>1</sup> За один лишь год бойкота доходы Австрии упали на 250 тыс. флоринов.

лишь «судорогами» революции, которая скоро разразилась по всей стране.

Спустя всего несколько дней после этих волнений в Ломбардо-венецианской области началось уже настоящее восстание в столице Сицилии — Палермо. Маркс в своей статье «Сицилия и сицилийцы» подробно описывает невыносимые условия, в которых находилось крестьянство Сицилии. Там господствовала еще средневековая система землепользования; крестьяне работали почти исключительно на сборщиков податей и на баронов. О страданиях и борьбе сицилийцев Маркс писал: «История человечества не знает другой такой страны и другого такого народа, который бы столь ужасно страдал от рабства, от иностранных завоеваний и иностранного гнета и который столь неутомимо боролся бы за освобождение, как Сицилия и сицилийцы»<sup>1</sup>.

В Сицилии было сильно развито сепаратистское движение против неаполитанского «короля-бомбы», установившего жестокий режим на острове и отнявшего у сицилийцев их былую самостоятельность.

Сицилийцы хотели отделиться от Неаполитанского королевства и требовали восстановления независимости Сицилии. В начале января 1848 г. на стенах Палермо республиканцы расклеили прокламацию, в которой указывалось, что мирный путь борьбы кончился, и все призывались к оружию. 12 января Палермо восстало. Народные массы построили баррикады и вступили в бой с войском. Народ героически сражался на баррикадах почти непрерывно с 12 до 27 января. Восставшие требовали восстановления сицилийской конституции 1812 г., давшей Сицилии независимость. Фердинанд II перебросил крупные военные силы с материка на остров. Но на помощь восставшим собрались отряды крестьян из окружающих деревень, и после двухнедельной кровопролитной борьбы Бурбоны вынуждены были покинуть город. Сразу, после того как стало известно о событиях в Палермо, восстал и Неаполь. Скоро восстание распространилось по другим городам королевства. 29 января Фердинанд II, прогнанный из Сицилии, решил «добровольно» объявить конституцию по образцу французской конституции монархии Луи-Филиппа с двухпалатной системой. Революция в королевстве Общих Сицилий была первой революцией 1848 г. в Европе. Она дала толчок разрыванию революции не только в остальной

Италии, но и во *всей Европе*. Маркс указывает на непосредственное воздействие палермского восстания на Францию, говоря, что это восстание явилось сигналом к февральской революции:

«Кровавое восстание народа в Палермо действовало, как электрическая искра, на парализованную народную массу (Франции. — В. Н.) и разбудило ее великие революционные воспоминания и страсти»<sup>1</sup>.

Еще в самом начале января, сразу после событий в Ломбардии, происходили волнения в Пьемонте. 7 января журналисты из либеральной партии решили составить петицию Карлу-Альберту с требованием введения реформ. Когда же вскоре распространилась весть о победном восстании в Палермо, туринский муниципалитет постановил (5 февраля) просить короля ввести конституцию. 8 февраля король сообщил о том, что правительство приступило к работе над конституцией, а 4 марта уже был объявлен сардинский конституционный статут, легший впоследствии в основу конституции Итальянского королевства. Известия из Сицилии и Турина вызвали мощные демонстрации в Тоскане, где была сильна республиканская партия Мадзини. Муниципалитет Флоренции, во главе которого стоял либерал Риказоли — будущий министр Сардинии, — обратился с приветственным посланием к «либеральному» королю Карлу-Альберту. 11 февраля герцог Тосканы тоже объявил конституцию.

<sup>1</sup> Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. 2-я, стр. 54.

<sup>1</sup> Маркс, Борьба классов во Франции в 1848—1850 гг., «Красная новь», 1923, стр. 24.

В Риме во главе движения встал ремесленник Чичероваккио. В феврале и марте имели место бурные демонстрации с требованиями введения конституции. Папа вначале отказался от всякой конституции и просил «не обращаться к нему с требованиями, противными святости церкви». Но 14 марта Пий IX вынужден был обнародовать основной статут светского правительства Церковной области, установивший двухпалатную систему правления с коллегией кардиналов во главе.

24 февраля грянула революция в Париже, а за нею — мартовская революция в Вене. Революция в Австрийской империи снова разбудила революционные страсти народных масс Ломбардо-венетической области. Теперь движение приняло здесь более бурный характер, чем в какой-либо другой части Италии. Героическая пятидневная борьба народных масс Милана вписала бессмертные страницы в историю революционного движения. 17 марта, когда в Милане стало известно о революции в Вене, все уже было готово к героическому восстанию. Напрасно пытался вице-председатель ломбардо-венетического правительства граф О’Доннель успокоить возмущение народных масс сообщением, что «его императорское величество» собирается дарить конституцию ломбардцам, после того как в Вене его империя потерпела крушение. По улицам Милана была расклеена анонимная прокламация, призывавшая «завтра в 3 часа всем явиться в Аллею рабов». 18 марта восставшие массы мелкой буржуазии и ремесленного пролетариата захватили власть в свои руки. Была захвачена городская ратуша и образован военный совет, игравший роль временного правительства. Начала создаваться национальная гвардия, к участию в которой призывались даже дети. Восстанием руководил молодой республиканец мадзинист Черниски. 19 марта по всем улицам Милана были воздвигнуты баррикады. Палач Радецкий, располагавший 75-тысячным войском, по всем правилам военной стратегии занял форты на валу, окружавшем город. Народные массы Милана имели мало оружия и вооружались чем кто мог. На баррикадах героически сражались женщины и дети. 20 и 21 марта австрийские войска со всех сторон бомбардировали город. Сбежавшиеся из окрестностей Милана массы сумели прорвать несколько фортов и сомкнуться с миланцами. Видя свое бессилие перед героическим народом, Радецкий предложил 21 марта перемирие. Миланцы отказались. Тогда Радецкий, осознав безвыходность своего положения

и боясь попасть в плен к окружавшей город массе, решил (22 марта) отступить из Милана. Семидесятипяти тысячная армия отступала под прикрытием пушечных выстрелов. Героическая борьба народных масс Милана заставила Радецкого превратить это отступление в трусливое бегство. Кровавый Радецкий сжигал по дороге все города и деревни. Население преграждало ему путь и вступало с ним в бой. В самой армии вспыхнул бунт, и многие из австрийских солдат перешли на сторону восставшего народа. Армия Радецкого еле-еле добралась до четырехугольника крепостей (Мантуа, Верона, Пескьера и Леньяно), лежащего между Венецией и Ломбардией. Так в героической борьбе народных масс Милана была одержана первая победа над австрийским деспотизмом. Энгельс, с величайшим вниманием, до подробностей следивший за героической борьбой миланцев, называл пятидневную миланскую революцию «...самой славной революцией из всех революций 1848 г....»<sup>1</sup>.

Как только распространилось известие о восстании в Ломбардии, народные массы Венеции тоже подняли восстание. Уже 18 марта при первой вести о революции в Вене рабочие и ремесленники Венеции направились к тюрьме, где находился руководитель республиканцев адвокат Манин. Манин был одним из выдающихся мадзинистов и пользовался большой популярностью в массах. С начала революционных событий 1848 г. австрийские власти арестовали его. Массы требовали его освобождения. После же отказа властей выполнить это требование восставшая Венеция бросилась к тюрьме, и Манин и еще многие республиканцы были освобождены. Манин встал теперь во главе движения. 21 марта массы горожан во главе с Маниным направились к военному арсеналу, чтобы предупредить возможность бомбардировки города австрийцами. После непродолжительного сопротивления был убит начальник венецианского арсенала, и массы захватили арсенал. Тут же австрийцам стало известно, что Радецкий отступает из Милана, и австрийское войско Венеции, чтобы не оказаться в плену, покинуло город. 22 марта, в день изгнания Радецкого из Милана, Венеция была провозглашена республикой, и во главе временного правительства встал Манин, получивший впоследствии диктаторские полномочия.

<sup>1</sup> Энгельс. Кельнская газета об Италии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 259.



Аналогичные события произошли и в небольших герцогствах Парме и Модене. Восставшие массы изгнали своих князьков, бывших в союзе с Австрией, и присоединились к ломбардцам и венецианцам в их войне с австрийцами. Таким образом в течение двух месяцев вся Италия была охвачена революцией. Как во всей Европе, так и в Италии казалось, что абсолютизму наступил конец. Однако в Италии, более чем где-либо в другой стране, главная борьба еще была впереди. Абсолютизм был подорван, но не сломлен; в большей части Италии монархический строй еще продолжал господствовать, и своей борьбой массы добились лишь незначительных реформ. Рабочие и ремесленники, борьбой которых были достигнуты эти жалкие реформы, оставались обойденными: конституции не касались их интересов и никаких прав им не давали. Провозглашение римской республики и славная оборона венецианской и римской республик в 1849 г. были еще впереди.

## 2. Первая австро-итальянская война

Сразу после первой своей победы временные республиканские правительства Ломбардии и Венеции призывали к войне с Австрией. Ломбардское правительство обратилось в воззвании «К итальянскому народу» с призывом покончить с палачами итальянского народа — габсбургской династией. Не дождавшись ответа других итальянских государств, Ломбардия и Венеция начали войну. 23 марта 1848 г., как только в Турине стало известно о победе миланцев и было получено их воззвание, рабочие, студенты и ремесленники начали организовывать добровольческие отряды и направляться к австрийской границе. Либеральная партия Пьемонта решила воспользоваться популярной в народе войною против Австрии в интересах савойской династии с расчетом, чтобы после победы над австрийцами присоединить Ломбардию и Венецию к Пьемонту. И, считаясь с духом времени, Кавур (о нем мы будем говорить подробно ниже) теперь выступает на сцену и тоже требует войны с Австрией. После некоторого колебания король Карл-Альберт<sup>1</sup> решил (25 марта) начать войну. Он издал манифест, «во имя бога, Италии и... Пия IX»

<sup>1</sup> Карл-Альберт получил кличку «колеблющегося короля»: он вечно колебался между либеральной партией и партией старого порядка, клонясь конечно к последней.

призывавший к войне с Австрией. Война эта была так популярна в народе, что из-за страха перед революцией другие государи Италии также вынуждены были послать свои войска на войну. Послал свое войско герцог Тосканы, Фердинанд II послал армию, которой командовал Пепе — участник революции 1820 г., а папа, видя патриотизм масс и их рвение к войне, издал даже воззвание, «благодарившее» эту войну.

Но участие почти всех правителей итальянских государств в войне с Австрией явилось лишь средством подавления революции в их владениях и средством распространения их власти на другие владения. Маркс и Энгельс, приветствуя войну против реакционной Австрии в 1848—1849 гг., одновременно подчеркивали корыстные цели династий в этой войне. Особенно они разоблачали предательского и трусливого Карла-Альберта, который вместе с Австрией находился в контрреволюционном заговоре против всей европейской революции. Война против Австрии, по расчетам главных деспотов Европы — Меттерниха и Николая I, — дала бы России возможность притти на помощь Австрии и своим вмешательством задушить революции в Италии и Австро-Венгрии, а затем и во Франции. Вот что Энгельс писал еще в самом начале войны об этих планах реакции:

«Карл-Альберт получил приказ начать войну с Австрией, дать нанести себе поражение и тем доставить австрийцам возможность восстановить «спокойствие» в Пьемонте, Флоренции, Риме и ввести повсюду сословную конституцию. За это Карл-Альберт должен получить Парму и Пьяченцу, русские — умиротворить Венгрию, Франция должна стать империей — и мир в Европе был бы восстановлен»<sup>1</sup>.

Как известно, этот прогноз Энгельса блестяще оправдался. С начала войны благодаря энтузиазму масс удалось нанести австрийцам поражение. Особенно героически дрались волонтерские отряды под командой Гарибальди. Когда в 1847 г. обострившееся движение в Италии подготовляло революцию, Гарибальди уже закончил при Монтевидео победную войну на стороне южноамериканских республик против местных деспотов. В этой войне Гарибальди участвовал почти непрерывно восемь лет, встав во главе революционных армий. И когда после славной победы Гарибальди

<sup>1</sup> Энгельс, Война в Италии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 339.

ему предложили большое вознаграждение, он отказался от него, предлагая раздать эти деньги солдатам. Гарибальди просил лишь дать ему на дорогу, чтобы доехать с сотней итальянских волонтеров до Италии. Он со страстью народного героя рвался на родину, где его ждали с нетерпением. Один из биографов Гарибальди совершенно правильно отмечает, что «американские походы подготовили не только Гарибальди для Италии, но и Италию для Гарибальди»<sup>1</sup>. Благодаря своим героическим подвигам он создал себе славу среди широких масс Италии. Приехав на родину, Гарибальди предложил свои услуги Карлу-Альберту, тому самому королю, который в 1834 г. приговорил его к смертной казни. Но король боялся принять военные услуги человека, который пользовался неувядаемой славой в народе и который неминуемо завоевал бы на свою сторону всю армию и повел бы войну дальше династических интриг савойского дома. Получив отказ от короля, Гарибальди предложил свои услуги миланскому временному правительству, которое поручило ему сформировать корпус волонтеров. По призыву Гарибальди волонтерский отряд был сформирован в течение нескольких дней. Пятитысячная армия Гарибальди, состоявшая преимущественно из ремесленников и рабочих, дралась героически, одерживая ряд побед. Но было уже поздно. Государи Италии, которые вначале вынуждены были послать на войну по несколько тысяч войска, начали отзывать свои армии обратно, видя, что война с Австрией еще больше усиливает революционное и демократическое движение масс. К тому же в руководстве сардинской армии, которая была наиболее сильной и считалась «мечом Италии», находились предатели с главным предателем Карлом-Альбертом во главе, а во главе интендантства стояли воры. Ясно, что при таком положении дел нельзя было победить австрийцев.

Папа Пий IX, выступивший вначале как первый «либерал» Италии, первым же отстал от национального движения либералов. Всего через месяц после своего «благословения» войны, 29 апреля, папа выступил с речью против национальной войны Италии. Этим он окончательно разоблачил себя. Никто уже больше не верил в «либерализм» папы, и массы обвиняли его в заговоре против итальянского

единства. Идея Джоверти о миссии папства была окончательно скомпрометирована. В Риме вспыхнуло восстание, заставившее Пия IX учредить (в начале мая) чисто светское министерство во главе с Мамияни, участвовавшим в 1831 г. в восстании и жившим до 1848 г. в эмиграции во Франции. Но папа уже не мог удержаться на своем престоле, и вскоре ему пришлось бежать.

Развертывание революционных событий на юге Италии заставило Фердинанда отозвать свои войска с австрийского фронта. Сицилия, не удовлетворившаяся конституцией неаполитанского короля и требовавшая независимости, 13 апреля откололась от Неаполя, и парламент объявил о низложении Фердинанда II. В самом Неаполе также произошло восстание, вызванное роспуском (15 мая) неаполитанских палат, которые король считал чрезмерно «национальными». Во главе восстания стояли республиканцы. По улицам Неаполя строились баррикады. Лаццарони Неаполя (их насчитывалось до 40 тыс.), которых их главный вождь Фердинанд II натравил на повстанцев, казались недостаточной силой для подавления восстания, и правительство отозвало обратно армию Пепе, посланную на австрийский фронт. Майское восстание в Неаполе было самым свирепым образом подавлено хищными лаццарони и военной силой. С сицилийской же революцией Фердинанду II не так легко было справиться, и Сицилия была окончательно покорена лишь в октябре. В течение нескольких месяцев неаполитанские войска бомбардировали остров со всех сторон. Особенно свирепо Фердинанд II бомбардировал непокорный город Мессину, массы которого героически боролись все до последнего человека. Город был полностью разрушен и сожжен дотла. За эту бомбардировку итальянский народ дал Фердинанду II прозвище «короля-бомбы».

Таким образом уже скоро после начала войны с Австрией, весной 1848 г., контрреволюция в Италии начала поднимать голову. Если в начале войны правители Италии посылали свои войска против Австрии с расчетом усыпить революционное возбуждение масс, то с развертыванием войны они увидели, что с победой над Австрией они сами свалятся со своих тронов. Поэтому часть из них решила отозвать свои войска с фронта, чтобы ими задушить революцию у себя дома, другая же часть с Карлом-Альбертом во главе решила «дать нанести себе поражение», как указывает Энгельс, чтобы, рисуя себя «единственной национальной

<sup>1</sup> С. Степняк (Кравчинский), Дж. Гарибальди, изд. Алексеевой, Спб. 1906, стр. 27.

силой Италии», одновременно иметь повод к восстановлению «спокойствия» в своих владениях. Ведя войну на поражение, Карл-Альберт был наголову разбит австрийской армией при Кустоцце (25 июля). 6 августа Радецкий снова вступил в Милан, а 9 августа Карл-Альберт заключил с ним капитулянтское, позорное перемирие, вызвавшее взрыв возмущения широких масс.

Гарибальди не признавал этого перемирия и во главе своих геройских волонтеров продолжал сражаться. Но он один не мог, понятно, устоять против семидесятипяти тысячной армии Радецкого и в конце концов был прижат к швейцарской границе и вынужден был со своим отрядом уйти в Швейцарию, сложив таким образом последним свое оружие. Ломбардия, которая в начале войны была народным голосованием присоединена к Пьемонту, вновь перешла к Австрии.

Падение революционного Милана, который был промышленным центром и имел большое значение в стратегическом отношении, являлось сильным поражением итальянской революции. Вот как Энгельс оценивал это событие:

«...Обратное завоевание Милана Радецким является, действительно, первым событием европейского значения после парижской июньской победы (контрреволюции. — В. Н.). Двойной орел на куполе миланского собора означал не только поражение всей Италии, — он означал также возрождение центра тяжести европейской контрреволюции, возрождение *Австрии*»<sup>1</sup>.

После этого поражения все правители Италии были одинаково разоблачены как изменники родине. Начался новый период итальянской революции. С одной стороны, надвигалась контрреволюция, с другой — загоралась заря новой революции, установившей диктатуру демократии, все более откалывавшейся от предательской умеренно-либеральной буржуазии.

Мы можем указать на две главные причины поражения национально-освободительного движения в Италии 1848 г. на этом первом этапе: во-первых, недостаточность силы и размаха революционно-освободительного движения, явившуюся следствием доверия масс к своим правителям, следствием иллюзий масс насчет того, что некоторые из этих правите-

---

<sup>1</sup> Энгельс, Революционное движение в Италии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 92.

лей (Ший IX и Карл-Альберт) могут взять на себя миссию освобождения Италии (как мы видели, вначале верили в это даже Мадзини и Гарибальди!); во-вторых, предательство умеренно-либеральной буржуазии, претендовавшей на роль руководителя движением и обманувшей многих своей либеральной и патриотической демагогией, тормозившей этим революционное движение. В связи с этим поражением Энгельс разработал революционную стратегию и тактику и на примере этого поражения дал непревзойденные до сих пор образцы военной стратегии. Разбирая все до мельчайших деталей, он указывает, как должна действовать революционная партия, как должны действовать массы, чтобы победить:

«Народ, который хочет завоевать независимость, не может ограничиться *обычными* способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды — вот способы, при помощи которых маленький народ может одолеть большой»<sup>1</sup>.

И именно этих способов борьбы недоставало итальянскому движению на первом его этапе. Один Гарибальди со своим отрядом вел революционную партизанскую войну, но это не было массовым явлением.

### 3. Маркс — Энгельс и итальянская революция 1848 г. Тактика Маркса и Энгельса в первую австро-итальянскую войну

Маркс и Энгельс не ограничивались указаниями на слабости итальянского движения: они призывали рабочие массы к международной солидарности с итальянским освободительным движением; они призывали республиканские государства к оказанию помощи итальянской революции; они старались, как мы покажем ниже, оказать свое влияние на движение и, поскольку это было возможно, руководить им.

Всем известна острая критика Маркса и Энгельса, направленная против «франкфуртской говорильни» за ее ничтожество и бездеятельность. Они критиковали эту говорильню, называвшуюся Германским национальным собранием и прозванную ими «собранием старых баб», и по итальянскому вопросу. В своих статьях в «Новой Рейнской газете» Маркс и Энгельс от имени немецкой демократии требовали вмеша-

тельства франкфуртского Национального собрания, считавшегося верховным всегерманским органом, в австро-итальянскую войну. Они требовали, чтобы это собрание предъявило Радецкому ультиматум с приказом отвести австрийские войска с итальянской территории и чтобы оно признало независимость Италии. Вначале эта говорильня совершенно не вмешивалась в войну; впоследствии, под влиянием Австрии, она решила вмешаться в нее и приняла решение, фактически защищавшее австрийское господство в Италии. Собрание постановило, что всякое нападение итальянцев на Триест — итальянский город на австро-итальянской границе, находившийся тогда под господством Австрии, — будет рассматриваться как повод к войне всей Германии против Италии. Со всей силой Маркс и Энгельс обрушились на Франкфуртское собрание за это решение, называя его «косвенным и поэтому вдвойне постыдным объявлением войны Италии». Вот что писал Энгельс по этому поводу:

«...Германское национальное собрание с сердечным согласием с союзным сеймом разрешает австрийцам совершать в Италии величайшие насилия, грабить, убивать, пускать зажигательные ракеты в каждый город, в каждую деревню и потом в полной безопасности отступать в нейтральную германскую союзную область! Оно позволяет австрийцам в любую минуту с германской территории наводнить Ломбардию хорватами и пандурами, но хочет воспретить итальянцам преследовать разбитых австрийцев в их убежищах! Оно разрешает австрийцам из Триеста блокировать Венецию... но всякое враждебное действие против Триеста итальянцам строжайше запрещено!»<sup>1</sup>.

Маркс и Энгельс разоблачали лживый патриотизм немецкой буржуазии, вопившей о помощи Австрии в ее защите якобы общегерманских интересов в Италии, указывая, что буржуазия за этим «официальным патриотизмом обдeldывает прибыльные дела», что она «торгует патриотизмом». Они указывали, что «масса немецкого среднего класса и рабочего класса понимает или чувствует, что свобода соседних народов является гарантией ее собственной свободы»<sup>2</sup>.

Уже в самом начале развертывания революционных событий Маркс и Энгельс связались с деятелями революцион-

<sup>1</sup> Энгельс, Первое деяние Германского национального собрания, Сочинения Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 231.

<sup>2</sup> Энгельс, Внешняя политика Германии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 238.

но-демократического движения Италии и старались соответствующим образом воздействовать на них, чтобы провести свою единственно революционную политику в итальянском освободительном движении. Как в Германии, так тем более и в Италии, которая была наиболее отсталой страной и имела очень слабый пролетариат, Маркс и Энгельс считали *возможным* на этот период революции входить в организации *крайне левой* демократии, одновременно откалывая от этой демократии пролетарские элементы, сплывая вокруг себя пролетарское ядро, беспощадно критикуя ошибки и шаткость мелкобуржуазной демократии, толкая ее вперед и нисколько не отказываясь от принципов пролетарской демократии. Энгельс поясняет, почему необходимо было в интересах пролетариата вести именно такую политику:

«Если бы мы не пошли на это, если бы мы не захотели пойти в ногу с исторически данным, наиболее прогрессивным, фактически пролетарским флангом движения, чтобы толкать его вперед, нам оставалось бы только проповедывать коммунизм в каком-нибудь захолустном листке и основать, вместо большой партии действия, маленькую секту»<sup>1</sup>.

С начала революции в Тоскане, во Флоренции, начала выходить демократическая газета «Alba». Эта газета отстаивала революционный путь объединения Италии и утверждения республиканского строя. Маркс лично связывается с редактором газеты Алиари и оказывает на него большое влияние. Посредством Алиари Маркс дает направление газете «Alba». Впоследствии Маркс и Энгельс связались и с другими деятелями революционного движения Италии. Как только начала выходить «Новая Рейнская газета», Маркс сообщает об этом Алиари и указывает, что газета будет бороться «за те же демократические начала, которые «Alba» представляет в Италии», и обещает ему ежедневно посылать газету. О позиции, какую займет «Новая Рейнская газета» в итальянском вопросе, Маркс пишет:

«...Не может, следовательно, быть никакого сомнения относительно того, какую позицию «Новая Рейнская газета» займет в стоящих между Италией и Австрией спорных вопросах. Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, мы будем вести самую ожесточенную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как и в Германии

и Польше. Братски протягиваем мы руку итальянскому народу и хотим ему доказать, что немецкий народ отвергает какое бы то ни было участие в деле угнетения, угнетения, которое и у вас ведется теми же людьми, что и у нас постоянно боролись против свободы. Мы сделаем все возможное, чтобы подготовить союз и доброе согласие между обоими великими и свободными народами, которые благодаря роковому образу правления казались враждебными друг другу»<sup>1</sup>.

Это обещание Маркс и Энгельс полностью выполнили. Они всеми силами боролись и руководили движением за революционный путь воссоединения Германии и Италии, в то время как другие деятели рабочего движения, например Лассаль, были отравлены шовинизмом своей буржуазии. Маркс и Энгельс призывали к защите Италии от австрийского гнета не только Германию, но и республиканскую Францию. Они указывали, что победа австрийского деспотизма в Италии является угрозой для французской республики. Когда революционные события во Франции развивались по восходящей линии, французское правительство вынуждено было обещать помощь Италии и даже сконцентрировало армию в 200 тыс. человек на итальянской границе. Но после июньских дней, когда во Франции была установлена диктатура Кавеньяка, правительство заявило, что желает «сохранить независимость» Италии и не вмешиваться в итальянские дела (а позднее, в 1849 г., оно все-таки вмешалось, но в качестве плеча итальянской революции). Маркс и Энгельс разоблачали эту политику «республиканского» правительства Франции и указывали, что этот «нейтралитет» на самом деле является со стороны Франции поддержкой своего же врага — Австрии — в подавлении итальянской революции. Маркс писал об этой политике французской буржуазии:

«...«Честные» республиканцы перешеголяли Гизо. Офицеры французского флота угощают на банкете, устроенном неаполитанскими офицерами, и на дымящихся еще развалинах Мессины пьют за здоровье *неаполитанского короля, слабоумного тигра* Фердинанда. А над их головами реют фразы Ламартина...»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Маркс, Письмо редактору газеты «Alba», Сочинения Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 240.

<sup>2</sup> Маркс, Англо-французское посредничество в Италии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 480.

<sup>1</sup> Энгельс, Маркс и «Новая Рейнская газета», Сочинения Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 5.

Такой же политики «невмешательства» придерживалось правительство Пальмерстона в Англии, всячески стараясь не допустить Францию вмешаться в войну и на деле подерживая контрреволюцию.

Ясно, что вмешательство Германии<sup>1</sup>, Франции и Англии в австро-итальянскую войну 1848 г. сразу изменило бы картину в пользу итальянской революции: они вынуждены были бы нанести сокрушительный удар своему врагу и сопернику—Австрии, и тем самым был бы нанесен удар монархии Италии.

Великие творцы научного социализма, Маркс и Энгельс умели всегда ухватиться за главное звено в цепи революционных событий, чтобы этим повести революцию вперед. Они умели всегда своевременно указывать, в каком направлении нужно нанести главный удар. В период революции 1848 г. центром тяжести европейской реакции были Австрия и Россия. И Маркс и Энгельс призывали к войне против жандарма Европы—деспотической России—и против реакционной Австрии—тюрьмы народов, главного препятствия к воссоединению Германии и Италии и опоры реакции в этих государствах. Австро-итальянскую войну Маркс и Энгельс считали удобным поводом к войне демократических государств против Австрии, и они призывали к разгрому Австрийской империи. При этом Маркс и Энгельс указывали, что в падении австрийской монархии заинтересованы не только трудящиеся Австрии и всей Германии, но и буржуазия, жаждавшая объединения и встречавшая препятствия со стороны Австрии. Вот что писал Энгельс о заинтересованности немецкого и итальянского народов в падении австрийской монархии:

«Для нас, немцев, падение Австрии будет иметь особое значение. Австрия повинна в том, что мы пользуемся дурной славой угнетателей других наций и наемников реакции во всех странах. Под австрийским флагом немцы держат в рабстве Польшу, Богемию и Италию. Если на всем протяжении от Сиракуз до Триента и от Генуи до Венеции немцев ненавидят как презренных ландкнехтов деспотизма, то этим мы обязаны австрийской монархии. Тот, кому воочию пришлось видеть, какая смертельная ненависть, какая жажда кровавой и совершенно справедливой мести царит

в Италии против «тедески» (немцев.—В. Н.), уже по одному этому должен сам смертельно ненавидеть Австрию и будет с радостью приветствовать падение этого оплота варварства, этого позорища Германии»<sup>1</sup>.

В другом месте Энгельс пишет, что «...общественное мнение в Германии решительно на стороне итальянцев. Немецкий народ так же заинтересован в падении Австрии, как и итальянский»<sup>2</sup>.

Маркс и Энгельс считали, что в результате вмешательства всей Германии в войну против Австрии усилилось бы революционное движение во всех германских государствах; поднялась бы волна революционного энтузиазма народных масс Германии в их братании с итальянским народом; революционные массы окончательно свергнули бы монархии в своих государствах и произошло бы *воссоединение Германии и Италии революционным путем*. Но, как мы знаем, события разыгрались не так. Шовинистическая немецкая буржуазия, пугавшаяся революционного движения, была в австро-итальянской войне 1848—1849 гг. на стороне Австрии, считая, что она защищает в Италии общегерманские интересы. Но Маркс и Энгельс приложили все усилия, чтобы разоблачить немецкую буржуазию и чтобы ход войны 1848—1849 гг. направить согласно интересам революции.

#### 4. Второй период революции (август 1848 г.—март 1849 г.). Установление диктатуры революционной демократии

После поражения сардинской армии при Кустоце обострилась классовая борьба в итальянских государствах. Началось более четкое партийное разграничение, и усилилась борьба между различными партиями. В итальянской революции наступил период, который буржуазные историки называют «периодом внутренних раздоров» (см. Сеньобос, Кареев и др.). Но эти «раздоры» являлись самой ожесточенной классовой борьбой между пролетарскими массами, буржуазией и дворянством. Консервативно-монархическая партия начала вести войну против тех конституционных уступок, которые были сделаны народным массам в отдельных государствах в результате револю-

<sup>1</sup> Энгельс, Начало конца Австрии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. V, стр. 256.

<sup>2</sup> Энгельс, Несколько слов о газете «Riforma», Сочинения Маркса и Энгельса, т. V, стр. 258.

<sup>1</sup> Под словом «Германия» мы здесь подразумеваем Германский союз, так как Германии как целого государства тогда еще не существовало.

ции, и некоторые правительства начали отказываться от реформ и уничтожать «дарованные» ими прежде конституции. Первым восстановил абсолютистский строй в своем королевстве «король-бомба», начавший еще весной 1848 г. уничтожать всякие реформы, бомбардировавший революционные города и окончательно покоривший себе революционную Сицилию 14 мая 1849 г. Затем реакция усилилась и в других государствах, не исключая «либерального» Пьемонта. Либеральная партия раскололась<sup>1</sup>. Часть ее представителей — крупная торгово-промышленная буржуазия и обуржуазившееся дворянство, — испугавшись, что реформы зашли уже слишком далеко, примкнула к партии старого порядка — консервативно-монархической. Эта партия довольствовалась воссоединением Италии в форме федерации монархов. Наиболее сильна эта партия была на юге, но имела значительное влияние также в Пьемонте, где в общем преобладала либеральная партия. В центре Италии и в Венеции сильна была республиканская партия. Сила республиканской партии в Папской области, Тоскане и Венеции привела к установлению в этих государствах революционно-демократической диктатуры. С начала войны с Австрией Венеция (как и Ломбардия, Парма и Модена) присоединилась к Пьемонту (3 июля), считавшемуся вместе со своим королем Карлом-Альбертом «мечом Италии». Руководитель венецианских республиканцев Манин стал призывать всех к единству и потребовал прекратить классовые раздоры и пожертвовать республиканскими принципами<sup>2</sup> ради освобождения страны от австрийцев. Но капитуляция и предательское перемирие Карла-Альберта с Радецким вызвали взрыв возмущения против Пьемонта у народных масс Венеции, столь долго испытывавших австрийское иго. Массы требовали отделения Венеции от Пьемонта и провозглашения республики. 11 августа вынуждены были уйти в отставку комиссары, правившие от имени Карла-Альберта Венецией после ее присоеди-

<sup>1</sup> Именно из расколовшихся групп этой партии впоследствии, уже после воссоединения Италии, образовались две крупных буржуазных партии: партии так называемого «левого» и правого центра в итальянском парламенте, неоднократно сменявшие друг друга у власти и обе стороны савойской династии.

<sup>2</sup> Важно отметить негавильную оценку, которую дает г. А. В. Луначарский позиции Манина. Тов. Луначарский одобрительно относится к согласию Манина на присоединение уже освобожденной и демократической Венеции к монархии Карла-Альберта и к уступке власти Маниным в самой Венеции либералам и их вождю Кастелли ради «спасения

нения к Пьемонту. Собранным у здания ратуши возмущенным массам Манин заявил, что через два дня будет образовано временное республиканское правительство и что в течение 48 часов он «сам будет править». Массы встретили с одобрением это заявление. 13 августа народным представителем избирается новое правительство (триумvirат), Венеция объявляется республикой, а Манину предоставляются диктаторские полномочия. С установлением Венецианской республики новая революционная волна прокатилась и по другим итальянским государствам.

Сразу после заключения Карлом-Альбертом предательского перемирия и после падения Милана началось народное возмущение в Тоскане. Во Флоренции происходят «беспорядки», и правительство Леопольда II вводит осадное положение. В портовом городе Ливорно рабочие, ремесленники и матросы поднимают восстание. Известие об установлении республики в Венеции и арест популярного в народе писателя и радикала Гвераци поднимает на восстание и Флоренцию. 23 августа рабочие и ремесленники захватывают оружейные магазины и освобождают Гвераци; происходит братание между восставшими и посланным на их подавление войском. Тогда герцог Леопольд II вынужден был призвать Гвераци к образованию министерства, чтобы этим прекратить восстание. Гвераци вначале именно такую политику и проводил: он старался «наводить порядок». Он не был решительным республиканцем и колебался между либералами и демократией, не решался сразу объявить Тоскану республикой и этим ослабил свое правительство в борьбе с монархической оппозицией. Но разрывавшиеся события в Риме, о которых мы будем говорить ниже, подтолкнули правительство Гвераци к более решительным мерам, и оно выдвинуло требование созыва итальянского учредительного собрания. Несмотря на половинчатость правительства Гвераци, само установление его революционным путем

отечества». Тов. Луначарский, совершенно умалчивая об оппортунизме и шаткости Манина, всячески превозносит его и незаслуженно называет «величайшим из вождей итальянской революции», «сверкающей личностью, выделяющейся, как звезда первой величины», при сравнении даже с Гарибальди и Мадзини и т. д. и т. п. Мы же, наоборот, считаем, что при сравнении с Мадзини и Гарибальди Манин теряется на заднем фоне и что его колебания заходили значительно дальше вправо, даже по сравнению с довольно сильными оппортунистическими колебаниями Мадзини и Гарибальди. См. статью *Луначарского*, *Революция 1848 г. в Италии*, сб. «К 75-летию революции 1848 г.», «Красная новь», М. 1923 г., стр. 203—204 и 230.

имело большое значение для дальнейшего развертывания революционных событий. Это послужило сигналом к восстанию в Риме. Энгельс следующим образом оценил осенние события в Тоскане и установление правительства Гверацци:

«...Ливорно,—единственный итальянский город, который падение Милана подтолкнуло к победоносной революции,—Ливорно наконец охватил своим демократическим поветрием всю Тоскану и добился определенно демократического министерства... которое на падение Вены (после подавления революции Виндизгрецом в начале ноября 1848 г.—В. Н.) и возрождение Австрии отвечает провозглашениям итальянского учредительного Национального собрания. И революционная искра, которую этим актом бросило это демократическое министерство в итальянский народ, зажгла пожар: в Риме народ, национальная гвардия и армия восстали как один человек, низвергли отступническое, контрреволюционное министерство, добились демократического министерства, и во главе проведенных ими требований стоит: правительство на основе принципов итальянской национальности, т. е. предложенное Гверацци участие в итальянском учредительном собрании»<sup>1</sup>.

Несмотря на все старания Гверацци избежать гражданской войны, развертывающиеся события в Тоскане приняли именно такой оборот. Массы требовали от Гверацци объявления Тосканы республикой и принятия решительных мер против монархистов. В январе 1849 г. герцог Леопольд II, видя, что он скоро может очутиться в плену у восставшего народа, решил бежать в Гаэту под крылышко «короля-бомбы», где уже «гостил» прогнанный из Рима Пий IX. Тогда Мадзини, организовавший вместе с Гарибальди партизанские отряды в Альпах, поспешил в Тоскану. Он потребовал от Гверацци провозглашения Тосканы республикой, но тот колебался. И лишь благодаря сильному возмущению масс Мадзини удалось настоять на своем. Тоскана объявляется республикой, и 19 февраля триумvirату, состоявшему из Гверацци, Монтанелли и Мацони, вручаются диктаторские полномочия.

Мы уже упомянули, что осенние события в Тоскане дали толчок Риму. В сентябре в Риме происходят демонстрации

рабочих и мелкобуржуазных масс, требовавших продолжения войны с Австрией и отделения светской власти от папской. Под напором масс правительство, возглавлявшееся умеренным либералом Мамияни, пытается провести некоторые реформы. Папа и коллегия кардиналов вступают в конфликт с правительством, и последнее вынуждено уйти в отставку. Тогда папа назначает главой правительства Росси, также либерала, но более умеренного, чем Мамияни, ненавидевшего «чернь» и пользовавшегося дурной славой в массах. Назначение Росси вызвало возмущение широких масс. 15 ноября, в день созыва палаты, перед ее зданием собралась громадная демонстрация. Приезд Росси в палату был встречен возгласами негодования и угроз со стороны масс. Поднимавшийся в здание по лестнице Росси был убит кинжалом каким-то неизвестным из толпы. 18 ноября состоялась громадная демонстрация перед Квириналом, где находился папа. По приказу Пия IX его наемная армия швейцарцев стреляла в толпу, ответившую на это градом камней. Пришедший в ужас папа решил на «либеральный» жест и поручил образовать радикальное министерство, снова введя в него и Мамияни. Это «примирение» с радикалами было со стороны папы только маневром. 24 января переодетый и загримированный папа бежал в Гаэту к своему «дорогому сыну» Фердинанду Бурбону, пригласив перед тем иностранных послов, чтобы они «засвидетельствовали», что он «уступает насилию». Первым делом папа послал из Гаэты проклятие образованному в Риме временному правительству из радикалов и всем тем, кто собирался участвовать в выборах в учредительное собрание. Затем папа призвал к себе подлого иезуита Антонелли, заявив, что он вручает ему «всю свою светскую власть», так как он с этого дня хочет отдаться лишь духовному промыслу. Но этот отказ папы от светских дел не помешал ему писать письма к австрийскому императору и к кровавому Кавеньяку с призывом о помощи для удушения римской революции. Те обещали ему свою помощь и действительно оказали ее. По поводу этого «мученического изгнания», как сам папа называл свое бегство, Энгельс писал:

«... Папа (который раньше дал революционному движению «церковное благословение». —В. Н.), изгнанный из Рима, сидит в Гаэте под охраною кровавого идиота Фердинанда; этот «iniziatore» Италии интригует против Италии с ее ве-

<sup>1</sup> Энгельс, Революционное движение в Италии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 93.



ковым смертельным врагом, Австрией, которой он в свой счастливый период угрожал отлучением»<sup>1</sup>.

В декабре в Рим приезжает Гарибальди, а через некоторое время и Мадзини. Они ведут деятельную агитацию за созыв учредительного собрания и вскоре приобретают большое влияние в широких массах. Гарибальди начинает формировать добровольческие отряды. 21 января происходят выборы в учредительное собрание, а 5 февраля оно уже собирается для решения вопросов о форме правления. Подавляющим большинством голосов учредительное собрание объявляет о лишении папы светской власти и провозглашает римскую республику. 13 февраля собрание передает правление республикой триумвирату (Мадзини, Саффи и Армеллини), и Мадзини получает диктаторские полномочия. Так упорными боями народных масс—мелкой буржуазии и ремесленного пролетариата—в Риме была установлена революционно-демократическая диктатура.

Таким образом в начале 1849 г. республиканские правительства существовали в трех итальянских государствах: Венеции, Тоскане и Папской области. Существование республиканского строя в этих государствах отражалось и на других государствах. В Пьемонте, где либеральная партия имела наиболее глубокие корни, умеренные начали терять свое влияние, усиливалось влияние республиканцев. В феврале 1849 г. Карл-Альберт вынужден был дать отставку умеренному министерству Джиоберти и назначить более «патриотическое» министерство.

## **5. Новая война с Австрией. Интервенция европейской реакции против итальянской революции. Падение диктатуры революционной демократии**

Между тем Ломбардия стонала от грабежей разбойников Радецкого, а героическая Венеция осаждалась австрийской армией. Все это опять сделало популярным в широких мас-

<sup>1</sup> *Энгельс*, Революционное движение, Сочинения Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 102.

Для подробного ознакомления с тем, как реагировал папа на лишение его светского престола, мы рекомендуем блестящий памфлет Поля Лафарга «Пий IX в раю», в ярких красках с свойственным Лафаргу сарказмом рисующий все проделки и намерения папы. См. *П. Лафарг*, На капиталистической каюте (против бога и капитала), памфлеты, изд. 2 е. «Московский рабочий», 1923 г., стр. 59—71.

сах лозунг войны с Австрией. Карл-Альберт, который скомпрометировал себя в глазах народных масс как предатель, решил воспользоваться этими настроениями, чтобы реабилитировать себя и снова сделать попытку воссоединить Италию вокруг савойской династии. 20 марта он прекратил перемирие и двинул свою армию в Ломбардию против австрийцев. Сознвая собственную неспособность и тупоумие пьемонтских генералов, Карл-Альберт согласился назначить главнокомандующим польского генерала Хшановского. По предложению Мадзини римский триумvirат сформировал десяти тысячную армию на помощь Пьемонту. Однако и на этот раз война не могла кончиться победой: Карл-Альберт, как и многие его генералы-предатели, и теперь затеял войну с изменническими намерениями. К тому же во главе интендантства опять были поставлены воры и мошенники. Эта война длилась недолго: всего четыре дня. 24 марта пьемонтская армия была наголову разбита Радецким при Новаре. Эта победа австрийцев означала начало конца итальянской революции. После этого предстояли лишь последние арьергардные бои. Энгельс следующим образом оценил поражение при Новаре:

«То обстоятельство, что такой мошенник (генерал Раморино, которому Карл-Альберт дал большой пост и который впоследствии был расстрелян как изменник.—В. Н.) был привлечен к делу, доказывает, что Карл-Альберт, который больше боится геновских и туринских республиканцев, нежели австрийцев, уже с самого начала задумал предательство.

Что после этого поражения ждут революции и провозглашения республики в Турине—видно из того, что это хотят предупредить отречением Карла-Альберта от престола в пользу своего старшего сына.

Поражение пьемонтцев имеет больше значения, чем все немецкие императорские клоунады вместе взятые. Это—поражение всей итальянской революции. После победы над Пьемонтом очередь за Римом и Флоренцией»<sup>1</sup>.

Этот прогноз Энгельса полностью оправдался. В эту же ночь изменник Карл-Альберт бежал переодетым из Италии и поселился в Португалии, где вскоре умер. Его сын Виктор-Эммануил II заключил с Радецким перемирие, вызвавшее возмущение широких масс. В Генуе вспыхнуло восстание, которое новый король подавил вооруженной силой.

Сардинскую палату, которая не хотела утвердить это перемирие, король распустил. И здесь опять Энгельс указывает, что война могла кончиться таким образом лишь благодаря недостаточной силе революционного движения, благодаря тому, что эта война не превратилась в народную войну и что ею руководил один из монархов.

Указывая, что «поражение при Новаре причинило лишь стратегический ущерб...», Энгельс говорит, что «этот ущерб совсем не имел бы значения, если бы вслед за проигранным сражением началась подлинная революционная война, если бы уцелевшая часть итальянской армии провозгласила себя ядром всеобщего национального восстания, если бы обычная стратегическая война армий превратилась в народную войну, подобно той, которую вели французы в 1793 г.»<sup>1</sup>.

Эти указания Энгельса об особенностях революционной войны и революционной стратегии в отличие от обычной военной стратегии имеют особое значение теперь, когда усиливаются народные движения против подготовки новой империалистической войны.

Революционные события в Италии не развивались изолированно от всей европейской революции. Здесь было взаимовлияние. Битва при Новаре происходила в период усиления реакции, в период, когда европейская революция начала терпеть крушение. И это безусловно отразилось на состоянии итальянской революции и дало Радецкому больше шансов на победу. «...Июньской победе (реакции во Франции.—В. Н.) и диктатуре Кавеньяка в Париже соответствовало победоносное шествие Радецкого вплоть до Минчио (сражение при Кустоце.—В. Н.); избрание в президенты Бонапарта, Барро и закон о клубах совпадают с победой при Новаре...»,—писал впоследствии Энгельс<sup>2</sup>.

После этой победы Радецкий начал осаждать область за областью. Первым делом он начал бомбардировать Венецианскую республику. Но народные массы Венеции героически сражались, и ему нелегко было здесь задушить революцию. Тогда он бросил значительные силы против Тосканской республики, наименее сильной и раздираемой контрреволюционными заговорами. Глава тосканского триумvirата Гверацци все еще продолжал свою колеблющуюся политику и этим способствовал усилению реакции. В то время когда

<sup>1</sup> Энгельс, Война в Италии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 335.

<sup>1</sup> Энгельс, Война в Италии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 339.

<sup>2</sup> Там же, стр. 336.

массы требовали присоединения Тосканы к римской республике, Гверацци под всякими предлогами тормозил это присоединение. В это же время монархисты и либералы вели контрреволюционную агитацию и натравливали крестьян на революционное правительство. Приближение австрийских войск ободряло контрреволюционеров, и они подготовили контрреволюционный переворот, используя для этого недовольных крестьян. 11 апреля вспыхнул мятеж крестьян. Несколько крестьянских отрядов, которыми руководили сторонники Леопольда II, ворвались во Флоренцию и потребовали низложения правительства Гверацци. Муниципальный совет, находившийся под влиянием либералов, объявил себя временным правительством, а глава муниципалитета либерал Риказоли—будущий министр Виктора-Эмануила II—был объявлен председателем правительства. Вскоре из Гаэты был приглашен Леопольд II для управления своими владениями. Так либералы и монархисты при помощи австрийцев задушили тосканскую республику.

Во всей стране началась агония революции. За Тосканой последовал Рим. Римскую республику все—и враги и сторонники—рассматривали как центр распространения республиканского правления по всей Италии. Поэтому для защиты этой республики в Рим стекались демократы со всех концов страны, а для ее подавления объединилось все, что только было реакционного,—враг и внутренний и внешний. Римскую республику душил омерзительнейший итальянский деспот Фердинанд Бурбон; ее душил деспотический выскочка Наполеон Бонапарт; ее душил кровавый палач итальянского народа солдафон Радецкий; ее душила католическая Испания. Кавеньяк еще в 1848 г. готовил поход против итальянской республики, а избранный президентом Франции Луи-Наполеон ускорил это дело. В апреле 1849 г. французское правительство снарядило экспедицию генерала Удино в Италию, формально «для защиты Папской области от посягательства Австрии и Фердинанда Бурбона», а на деле, чтобы задушить республику. Экспедиция высадилась в Чивита-Веккио и 30 апреля подошла к Риму. Обмыв республиканское правительство о целях своего прибытия, Удино без всякого предлога начал бомбардировать Рим. Но тут быстро была сформирована армия из доблестных волонтерских отрядов Гарибальди, которая нанесла сильное поражение Удино. Этим Удино только «прощупал» Рим и мог телеграфировать Бонапарту, что «рекогносцировка проведена прекрасно». Но

это было лишь хвастовством неудачливого генерала. После этого Наполеон Бонапарт не решался действовать открыто и послал в Рим своего представителя для переговоров о перемирии. Это, понятно, было сделано для того, чтобы выиграть время, пока к Риму подоспеют новые силы.

Между тем Гарибальди со своими волонтерами вел войну с Фердинандом II Бурбоном, наступавшим с юга. 19 мая Гарибальди наголову разбил у Валлетри неаполитанскую армию и, преследуя противника, успел даже перейти границу, пока наконец не был отозван в Рим главнокомандующим республиканской армией Роселли.

Между тем Удино получил приказ от Наполеона закончить переговоры и объявил последним днем перемирия 4 июня. В это же время австрийцы продвигались с севера, приближаясь к Риму. Тогда Гарибальди, учитывая создавшееся тяжелое положение и то, что главнокомандующий Роселли неспособен организовать защиту Рима, потребовал у Мадзини диктатуры. Тот его высмеял. Здесь нужно отметить оппортунизм Мадзини: его пугала решительность Гарибальди в революционных мероприятиях, и он боялся назначить его главнокомандующим, назначив на этот пост более умеренного, но неспособного генерала. Эта нерешительность Мадзини безусловно сыграла известную роль в падении Рима. Впоследствии Гарибальди писал в своих мемуарах об этом конфликте с Мадзини:

«...Увидев, что гибель неминуема, я потребовал диктатуры, точно так же как в известных случаях жизни потребовал бы управления лодкой, которую шторм бросает о скалы. Но Мадзини и его сторонники нашли мое требование странным. Однако несколькими днями позднее, а именно 3 июня, когда враг одурачил их и овладел господствующими позициями, которые мы потом напрасно старались вернуть ценой драгоценной крови, глава директории (Мадзини.—В. Н.) написал мне и предложил пост главнокомандующего. Я был обязан принять на себя почетную должность»<sup>1</sup>.

Но было уже поздно, и спасти положение теперь было невозможно. Удино обманул республиканцев, сказав, что он кончает перемирие 4 июня: чтобы застичь римскую армию врасплох, он уже 2 июня начал бомбардировать город, окружив его со всех сторон своей стотысячной армией. Героически сражались гарибальдийцы в красных рубахах. Но они не

могли устоять против противника, в несколько раз превосходившего их численно. Тщетно пытался Мадзини расклеиванием прокламаций к французским солдатам убедить их в том, что они «нарушают принципы свободы и демократии, провозглашенные французской республикой». Армия Удино завладела важнейшими фортами города и почти в течение месяца бомбардировала город при геройском сопротивлении волонтеров. К началу июля наступили решительные дни, осажденный город больше не мог сопротивляться. 1 июля в учредительном собрании решался вопрос: продолжать или прекратить оборону? Был вызван Гарибальди, чтобы он сказал свое веское слово. Он пришел прямо с фронта борьбы, весь в поту и в грязи, и был встречен овацией всего собрания. Гарибальди заявил, что сопротивление безнадежно. 2 июля собрание решило прекратить оборону, издав последнее свое воззвание, а 3 июля 1849 г. армия Удино вступила в Рим. Так французскими и австрийскими штыками была задушена римская республика и была восстановлена власть папы. Гарибальди созвал своих волонтеров и заявил им:

«Тем из вас, кто захочет последовать за мной, я предлагаю голод, жажду, холод и зной, никаких запасов, но постоянные тревоги, отсутствие пороха, но битвы со штыками, форсированные марши день и ночь, словом, кто любит славу, пусть идет за мной!»

Таких нашлось 4 тыс. человек. С этим отрядом Гарибальди двинулся на помощь осаждаемой австрийцами Венецианской республике. Преследуемый французами и австрийцами, Гарибальди лишь с частью своего отряда добрался до Пьемонта, остальные были захвачены в плен австрийцами, учинившими над ними жестокую расправу. Среди многих других был расстрелян вождь римского плебейства ремесленник Чичероваккио со своими двумя сыновьями. Гарибальди был арестован пьемонтскими властями, и ему дали 24 часа, чтобы удалиться из Италии. Похоронив свою жену Аниту, героически сражавшуюся вместе с ним у фортов Рима и умершую по дороге от истощения, Гарибальди снова удался в изгнание.

Венецианская республика была образована раньше других, и она держалась дольше всех. Австрийская армия осаждала Венецию в течение пяти месяцев. Но плебейство Венеции без различия пола и возраста сражалось до последних сил. Особенно титанический характер борьба приняла в августе

<sup>1</sup> Гарибальди, Мои мемуары, «Молодая гвардия», 1931, стр. 45.

1849 г. К этому времени австрийская армия заняла всю Романию (северная часть Папской области), а Удино задушил остальную часть римской республики. Австрийцы получили теперь возможность сконцентрировать все свои военные силы вокруг Венеции и бомбардировали город со всех сторон. За двадцать два дня Радецкий пустил на Венецию около 23 тыс. снарядов. Венецианцы все еще не сдавались. Было разрушено две трети города, и героическим защитникам Венеции приходилось жить на чердаках оставшихся домов и отсюда же отстреливаться. И лишь когда иссякли все запасы продуктов, *когда в городе свирепствовали голод и холера*, когда сотни людей валялись мертвыми по улицам почти целиком разрушенного города, лишь тогда армия кровавого Радецкого могла вступить в город. Это было 22 августа 1849 г.—последний день последней республики Италии. Австрийское владычество вновь было восстановлено по всей Ломбардо-венецианской области. Теперь монархия была восстановлена во всей Италии, и все правители вернулись в свои владения.

## 6. Причины поражения итальянской революции 1848—1849 гг.

Революция 1848—1849 гг. в Италии была подавлена при помощи иностранной интервенции. Как главные душители революции в Италии выступали австрийская и французская контрреволюции. Беда итальянской революции заключалась в том, что она достигла своего кульминационного пункта тогда, когда европейская революция переживала нисходящий фазис своего развития. Революционные правительства в Риме, Тоскане и Венеции были установлены уже после июньской победы реакции, когда революционная волна на европейском континенте спадала и некоторые революции уже потерпели поражение. Вместо помощи от европейской революции итальянская революция дождалась разгрома европейскими деспотами.

Однако победа контрреволюции в Италии обуславливалась не только внешними причинами, но и внутренними. Поражению революции способствовало то, что революционные города оставались изолированными от всей Италии (а это в свою очередь было следствием неправильной политики республиканской партии во главе с Мадзини по крестьянскому вопросу). Бесстрашный боец итальянской буржуазной

революции, Гарибальди писал, что «Италия была обречена благодаря бессилию и слабости своих вождей». Это совершенно правильно. В силу своей ограниченности мелкобуржуазные вожди не сумели дать правильного направления революции, не сумели расширить ее базу, не привлекли широких масс, главным образом крестьянства. Правда, мелкобуржуазные революционеры—Мадзини и Манин,—опираясь на широкие народные массы городов, начали проводить в своих республиках некоторые революционные мероприятия. Так например 4 апреля 1849 г. был издан декрет римской республики о разделении церковной земли на небольшие арендные участки, был издан декрет о ликвидации квартирной нужды и др. Но всего этого было совершенно недостаточно, для того чтобы укрепить революцию. Главный порок революционных правительств и их диктаторов Мадзини и Манина заключался в боязни развязывать классовую борьбу, в их стремлении к классовому миру. Мадзини, Манин и их сторонники вели гибельную для революции политику, желая удовлетворить интересы различных классов и боясь ставить вопросы классовой борьбы. Так, в своей прокламации от 5 апреля 1849 г. Мадзини писал: «Никакой классовой войны, никакой вражды к существующему богатству, никакого несправедливого нарушения прав собственности». А Манин, со своей стороны, запретил священнику Гавацци читать лекции о христианском социализме, мотивируя это в письме к нему от 14 января 1849 г. следующим образом:

«...Венеция не может быть защищена, если в ней не будет поддерживаться спокойствие и согласие. А ведь эти необходимые условия могут быть нарушены вследствие социалистических теорий, которые начали здесь проповедоваться.

Вы хорошо знаете, что рабочие — пылкие, энергичные, но невежественные — легко могут быть увлечены этими соблазнительными теориями, ужасное практическое применение которых погубит общество... Франция в последнее время дала весьма серьезный и ужасный пример этому»<sup>1</sup>.

Рабочие, которые критиковали половинчатость вождей и требовали более решительных мероприятий, казались этим мелкобуржуазным революционерам «невежественными», но... пылыми. Они боялись, чтобы рабочие не повели революцию

дальше—против частной собственности. И Манин прямо намекает в своем письме к Гавацци на июньское восстание парижского пролетариата.

Гибельной для революции была политика республиканцев и в аграрном вопросе. Они не связывали национальную революцию с аграрной; они не понимали, что наряду с национальным аграрный вопрос также являлся одним из главных вопросов итальянской революции. К крестьянству они относились пренебрежительно и недооценивали его как одну из движущих сил революции. Оценивая деятельность триумvirата римской республики, Маркс писал об отношении мадзинистов к крестьянству:

«...Триумвирам римской республики 1848 г., предоставившим крестьянам Кампаньи пребывать в более безнадежном порабощении, нежели рабство их предков эпохи Римской империи, было легко разглагольствовать на счет низкого духовного уровня сельского населения»<sup>1</sup>.

Уже после поражения итальянской революции Маркс в письме к Вейдемейеру следующим образом оценил политику Мадзини по крестьянскому вопросу:

«Политику Мадзини я считаю в корне ложною... он забывает, что ему следовало бы обратиться к крестьянам, к угнетаемой в течение столетий части Италии... Господин Мадзини знает только города с их либеральным дворянством и их просвещенными гражданами. Материальные потребности итальянского сельского населения, из которого выжаты все соки и которое... систематически доводилось до полного истощения и отупения, слишком низменны для парящих в поднебесье фраз его... манифестов»<sup>2</sup>. А в письме к Энгельсу от 13 сентября 1851 г. Маркс указывает на раскол республиканской партии (руководимой мадзиниевским «Итальянским комитетом») и на отход от Мадзини части его прежних сторонников из-за недовольства его политикой по крестьянскому вопросу. Они были за «прямой призыв к осуществлению материальных интересов крестьян», чего Мадзини не делал.

О том, как крестьянство отвечало на такое отношение революции к его интересам, рассказывает Гарибальди в своих мемуарах. Он говорит, что из-за того, что крестьянство ему не помогало узнавать о врагах, у него «сложилось тогда

<sup>1</sup> Documents et pièces authentiques laissés par Daniel Manin, Paris 1860, t. II, p. 74.

<sup>1</sup> Маркс, Мадзини и Наполеон, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, -я, стр. 508.

<sup>2</sup> Маркс, Письмо к Вейдемейеру от 11 сентября 1851 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXV, стр. 112.

первое впечатление о малой преданности крестьянства национальному делу» и что в тех местах, которые были еще во власти революционной армии, крестьяне вооружались и под командой священников и чужеземных наемников всегда были готовы выступить против нее<sup>1</sup>. Далее Гарибальди указывает на то, что в его армии отсутствует крестьянский элемент, что крестьянство не шло в его армию. Вспомним, что были случаи (как например в Тоскане), когда контрреволюция сумела использовать крестьян для подавления революции. Неправильная политика Мадзини плюс контрреволюционная агитация духовенства и монархистов оттолкнули крестьянство от революции.

Как на одну из причин поражения революции 1848—1849 гг. необходимо указать на привлечение значительной части суеверных масс крестьянства и буржуазии на сторону государей, под флагом которых эти массы надеялись достигнуть освобождения Италии. Страх перед революцией заставлял отдельных итальянских правителей выступать в роли «поборников» за воссоединение Италии, и этой своей демагогической тактикой они сумели ослабить фронт революции. Особенно гнусна была в этом отношении роль сардинской монархии, претендовавшей на руководство национально-освободительным движением и сумевшей обмануть даже часть республиканцев и использовать их в своих династических интересах. Но в процессе революции, когда Карл-Альберт и позднее Виктор-Эммануил II изменнически вместе с австрийцами душили всякое освободительное движение, сардинская монархия была разоблачена. Маркс писал о роли этой «национальной монархии»:

«...Она (сардинская монархия. — *В. Н.*) может играть роль освободителя Италии только в эпоху, когда революция приостановлена в Европе, а контрреволюция властно господствует во Франции. При таких условиях она может воображать себя в роли вождя Италии, в качестве единственного итальянского государства с прогрессивными тенденциями... события 1848—1849 гг. рассеяли последние иллюзии насчет ее революционной миссии. Таким образом, надежды савойского дома связаны с сохранением *status quo* в Европе»<sup>2</sup>.

Нам нужно наконец указать на разношерстность республиканской партии, что ослабило ее как партию революционную

в ее борьбе против контрреволюции. Эта партия базировалась на мелкой и средней буржуазии, части крупной буржуазии, части ремесленного пролетариата и даже части мелкого либерального дворянства. Эта разношерстность революционной партии также была одной из причин поражения революции 1848—1849 гг. и привела к развалу самой партии. И, как мы увидим дальше, все эти слабости партии революционной итальянской буржуазии — республиканской партии — отразились на ходе революции и в последующие двадцать лет.

<sup>1</sup> Гарибальди, Мои мемуары, стр. 24 и 28 — 29.

<sup>2</sup> Маркс, Сардиния, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 1-я, стр. 14.

#### IV. ДВА ТЕЧЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНО-ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ ИТАЛИИ И БОРЬБА МЕЖДУ НИМИ

##### 1. Сардинское конституционное королевство и борьба за воссоединение Италии «сверху»

После подавления революции во всех итальянских государствах за исключением Сардинии были уничтожены всякие следы конституции. Опять началась черносотенная реакция, и белый террор свирепствовал по всей стране. Однако не все остались недовольны революцией: либеральная буржуазия Пьемонта считала, что она «одержала победу». Этой победой она считала оставление сардинского конституционного статута и восшествие на престол Виктора-Эммануила. Дело в том, что либеральная буржуазия питала ненависть к Карлу-Альберту за его вечные колебания между нею и сторонниками абсолютистской самодержавной монархии. После Новары она даже считала Карла-Альберта изменником родине и подозревала его в связи с австрийскими угнетателями Италии. Поэтому приход к власти Виктора-Эммануила II, считавшегося «либералом», буржуазия рассматривала как свою победу и рассчитывала опереться на него в осуществлении своих объединительных стремлений. Виктор-Эммануил, желая стать королем Итальянского королевства, поощрял либеральное движение, стремясь привлечь этим на свою сторону сочувствие всего итальянского населения. Воссоединение Италии и после поражения революции оставалось очередной исторической задачей и основным вопросом классовой борьбы. В объединении страны была заинтересована не только буржуазия более развитого Севера, но и часть дворянства, земельная собственность которого втягивалась в систему капиталистического хозяйства. Виктор-Эммануил решил сохранить конституционный статут, чтобы

этим прославить савойскую династию как «либеральную» и превратить Пьемонт в центр объединительных стремлений Италии. Но эта политика Виктора-Эммануила означала не более как установление блока торгово-промышленной буржуазии с либеральными обуржуазившимися помещиками. Сардинский статут представлял собою октроированную конституцию, «дарованную» королем в знак «доверия к населению» и не подлежавшую пересмотру народным представительством. Она была издана «на вечные времена», и на ее основе королевство должно было управляться «монархическим и представительным правительством». Согласно этой конституции законодательная власть осуществлялась королем совместно с обеими палатами—палатой депутатов и сенатом. Исполнительная власть принадлежала одному королю. Членов сената назначал лично король пожизненно из среды дворянства, чиновничьей бюрократии и высшего офицерства. Члены нижней палаты избирались на основе высокого ценза, требовавшего либо уплаты налогов в размере 20—40 лир (в зависимости от местности), либо уплаты аренды в 500 лир<sup>1</sup>. Эта конституция объявила католицизм государственной религией, а формально объявленная свобода печати ограничивалась необходимостью испрашивания епископского разрешения на печатание книг по религиозным вопросам. Вот эту куцую конституцию, представлявшую собой разновидность конституции в монархии Луи-Филиппа, получила Италия в результате революции 1848—1849 гг.

Но все же революция не прошла бесследно для страны. В этой революции классы распознали друг друга, увидели, «куда кто идет». В результате революции усилилась классовая дифференциация, что способствовало более четкому разграничению партий. Республиканская партия Мадзини раскололась (раскол эмигрантского «Итальянского комитета» в 1851 г.). Более революционные элементы, отколовшиеся от мадзиниевской партии, начали выдвигать более передовые требования по крестьянскому и по другим вопросам и впоследствии примкнули к зарождавшемуся рабочему социалистическому движению. Говоря словами Маркса, часть бур-

<sup>1</sup> Для того чтобы иметь представление о том, кто мог воспользоваться этой конституцией, стоит только обратить внимание на тот факт, что даже в 1871 г. в объединенной Италии из 27-миллионного населения имели право голоса всего около 600 тыс. человек. Эта же конституция с несущественным изменением оставалась в Итальянском королевстве 1861—1871 гг. и в воссоединенной Италии после 1871 г.



жуазии, ища опоры в массах, начала увязывать «национальное освобождение с социальным возрождением»<sup>1</sup>. Осознавший свои интересы ремесленный пролетариат не довольствовался уже одними только демократическими требованиями, он стремился к социальному освобождению. И, для того чтобы восторжествовать, демократическое движение должно было разрешить и социальный вопрос (аграрный и рабочий вопросы).

Отмеченный нами выше блок торгово-промышленной буржуазии с помещиками был выгоден не только королю, боявшемуся потерять престол, но и буржуазии: в своей борьбе за национальное объединение Италии она могла теперь опираться на вооруженные силы хотя бы одного государства—Сардинии. Сардиния превратилась таким образом в центр объединительного движения всего полуострова. Но это был центр, откуда исходила политика объединения Италии «сверху». Во главе этого движения встал один из руководителей либеральной партии—граф Кавур.

## 2. Идеолог и руководитель монархической буржуазии граф Кавур

Кавур (1810—1861)—обуржуазившийся пьемонтский дворянин. Он имел крупное поместье (в Лери), поставленное на капиталистическую ногу. В своем хозяйстве Кавур вводил все существовавшие в то время сельскохозяйственные машины; он сеял технические культуры, рис и лучшие сорта зерновых культур, занимался разработкой леса и прорытием каналов на своих полях; он построил фабрики искусственных удобрений, сахарный завод и паровую мельницу; он участвовал своими капиталами в банках и промышленности. Таково социальное лицо Кавура. И он проводил политику, соответствующую интересам своего класса, интересам обуржуазившегося дворянства.

Еще в молодости, чтобы изучить «нравы конституционного правления», он уехал за границу и несколько лет провел в Англии и во Франции. В Англии он сделался поклонником английской конституции, во Франции же, где социалистические доктрины были популярны в массах, он стал врагом коммунизма. Тогда он в одном французском журнале поместил статью «О коммунистических идеях и спосо-

бах борьбы с их распространением». В этой статье Кавур характеризовал идеи утопического социализма как идеологию «черни», «возникшей в результате зависти и невежества», и в качестве лучшего средства борьбы с ними он рекомендовал распространение истин... политэкономий и благотворительность.

С возникновением движения Risorgimento Кавур примкнул к нему. А когда в январе 1848 г. на Апеннинском полуострове начали раздаваться грозные раскаты революции, Кавур «разумно» советовал «королю-бомбе» и Карлу-Альберту вводить в своих государствах конституции, чтобы предупредить революции. Затем, приложив все свои усилия для того, чтобы помочь Карлу-Альберту подавить революцию 1848—1849 гг., Кавур был избран в сардинский «парламент». Здесь он в 1850 г. обратил на себя внимание своим участием в прениях по «сиккардиевскому закону» (по фамилии министра Сиккарди), отменявшему церковные суды. Нужно было утвердить верховенство судов конституционной монархии, придать конституции авторитет в глазах народа, и Кавур выступил прогив церковных судов и против папы, конечно умоляя при этом Пия IX, чтобы он сам понял необходимость проведения этого нужного их общего дела. Во время этой «борьбы» с папой Кавура упрекали в сношениях с клерикальными кругами.

Оценив способности Кавура, король Виктор-Эммануил II предложил своему правительству ввести его в министерство, заметив однако при этом, что возможно, что он «выставит всех министров из кабинета». Так и случилось. Кавур выставил не только министров, но отчасти и короля... Некоторые историки указывают, что главная власть находилась не в руках Виктора-Эммануила, а в руках Кавура. Во всяком случае бесспорно то, что Кавур имел крупнейшее влияние на короля и что в среде либерального дворянства и торгово-промышленной буржуазии он пользовался большим влиянием, чем король, и что в силу этого король не мог без него обойтись. В 1850—1851 гг. Кавур получил пост министра торговли и земледелия, затем—финансов, а с 1852 г. (после непродолжительной отставки) он стал премьером, продержавшись на этом посту (с полугодовым перерывом в 1859 г.) до самой смерти.

Сравнивая Германию с Италией, Маркс заметил, что «Пруссия—это Пьемонт Германии»<sup>1</sup>. Можно также сказать,

Маркс, Сардиния, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 1-я, стр. 17.

<sup>1</sup> Маркс, Вопрос об объединении Италии, Сочинения Маркса Энгельса, т. XI, ч. 2-я, стр. 62.

что Италия, как и Германия, имела своего Бисмарка. Между Бисмарком и Кавуром много общего. В своих правительствах они оба были алчными диктаторами; они оба были заклятыми врагами демократии и революции; оба выступали как «объединители» своих стран, руководствуясь при этом династическими интересами и стремясь к их объединению вокруг гогенцоллерновской и савойской династий. Вопреки популярному раньше лозунгу умеренных кругов, провозглашенному Карлом-Альбертом, о том, что «Италия справится одна», Кавур считал необходимым заручиться помощью иностранных держав в деле объединения Италии вокруг савойской династии. Когда в 1848—1849 гг. Франция была республикой, Кавур искал помощи итальянскому делу у Англии. Тогда он боялся, что сношения с республиканской Францией могут усилить революционное движение в Италии. После контрреволюционного переворота Луи Бонапарта (декабрь 1851 г.) Кавур стал надеяться и на Францию. Воспользовавшись временной отставкой (в 1852 г.), он отправился в Париж для переговоров с Наполеоном III. Император обещал «помогать итальянскому делу» и поддерживать сардинскую конституцию как гарантию против революционного движения. Вернувшись из Франции, Кавур образовал так называемое «великое министерство», забрав важнейшие министерские портфели в свои руки. Теперь Кавур начал проявлять весь свой «талант». Первым делом он издал закон против остатков свободы печати. Закон этот был издан под флагом «джентльменства», для борьбы против оскорбления иностранных правительств. Нужно было ведь угодить герою переворота 2 декабря, против которого возмущалась вся демократическая печать Европы! Затем, заручившись поддержкой Наполеона, Кавур взялся за подготовку Пьемонта к войне с Австрией. Для этого он реорганизовал и усилил армию, поставив во главе ее генерала Ламармора, отличившегося свирепым подавлением республиканского восстания в Генуе после битвы при Новаре. Будучи не только помещиком, но и крупным капиталистом, Кавур руководствовался в своей экономической политике интересами развития промышленности.

Период его деятельности (50-е годы) был для промышленности периодом «строительной горячки». Быстрыми темпами развивается железнодорожное строительство. Если в 1845 г. только началась постройка Пьемонтской железной дороги, то в 1858 г. длина железнодорожных линий Сардинии

равнялась 872 километрам<sup>1</sup>. Кавур переоборудовал и расширил Генуэзский торговый порт; строил торговый флот<sup>2</sup>;

<sup>1</sup> Н. А. Добролюбов, Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура Сочинения, т. IV, изд. Панафидиной, СПб. 1911, стр. 705.

<sup>2</sup> Этим Кавур обнадежил ту часть буржуазии, которая стремилась к возрождению Италии как крупной средиземноморской державы и к завоеванию колоний, чтобы обеспечить себя не только внутренним, но и внешним рынком.

всячески поощрял развитие банковских и коммерческих предприятий и т. д. В 50-е годы, за время правления Кавура, сильно увеличивается шелковое и хлопчатобумажное производство, происходит быстрое внедрение машин в промышленность и т. д. За этот строительный период беспрерывно рос государственный долг Сардинии, что вместе с тем означало накопление капиталов у отдельных капиталистов. В 1847 г. государственный долг Сардинии составлял 100 млн. лир, после войны 1848—1849 гг.—300 млн., а в 1858 г.—725 млн. Для увеличения государственных средств Кавур прибегнул к секуляризации части церковного имущества, что вызвало трения с Пием IX. После этого папа объявил войну пьемонтскому «либерализму».

Вся эта деятельность Кавура соответствовала конечно интересам крупной буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Трудящиеся массы от этой «строительной горячки» ничего не получили. Наоборот, усиливалась интенсификация труда рабочих, увеличивался рабочий день, возрастала дороговизна, что ухудшало положение рабочих. «Но в этом,— как саркастически заявляет Добролюбов,— Кавур не виноват: по всем экономическим теориям его меры должны были оказаться благотворными для масс»<sup>1</sup>.

Экономическая же доктрина Кавура заключалась во фритредерстве. В 1853 г. Кавур заключает «либеральные» торговые договоры с Англией и Францией<sup>2</sup>, снижает пошлины на промышленные товары и отменяет пошлину на хлеб<sup>3</sup>. Эта политика свободной торговли соответствовала интересам главным образом помещиков, экспортировавших сельскохозяйственные продукты (растительное масло, рис, вина и др.): с открытием сардинского рынка для французской и английской промышленности пьемонтские помещики получили широкие возможности сбыта своих продуктов в Англии и Франции. Но эта фритредерская политика Кавура не была в ущерб также и крупной торгово-промышленной буржуазии. Промышленность Сардинии была еще слабо развита, и буржуазия не могла даже и думать о конкуренции с английской и французской промышленностью, доставлявшей в Сардинию товары не имевшихся здесь видов

производства; затем свободная торговля доставляла сардинской буржуазии дешевое оборудование для ее промышленности.

Но фритредерская политика Кавура была рассчитана главным образом на привлечение союзников на сторону Сардинии в ее борьбе за объединение Италии «сверху», вокруг савойского дома. И благодаря своей дипломатической игре и услужливости Кавур получил должную поддержку у Англии и в особенности у Франции в борьбе с революционным движением, в борьбе против Мадзини и Гарибальди, возглавлявших движение за объединение Италии «снизу».

Вышеизложенное рисует нам суть внешней и внутренней политики графа Кавура, прославленного буржуазией как «освободителя» Италии. Страстный патриот и республиканец Ф. Орсини, погибший на эшафоте за свою борьбу за независимость Италии, еще в 1854 г. писал по поводу этой лицемерной и лживой похвалы Кавуру: «Бедная Италия, если только от Ратацци или Кавура ожидает своего спасения и независимости. Один — законоискусник и абсолютист, другой — смесь старого ума и деспотического высокомерия. Он хлопочет, чтобы ожиреть самому и обескровить нацию»<sup>1</sup>.

### 3. Италия и крымская война. Маркс об участии Италии в крымской кампании

Мы уже указали, что для осуществления кавуровской политики «собирания Италии» вокруг савойской династии Сардиния нуждалась в иностранных союзниках. Без иностранной помощи Сардиния не могла ни свергнуть отдельных итальянских государей, ни даже парализовать их влияние, с целью миновать революции, от которых вместе с другими погибла бы и сардинская монархия. И Кавур и Виктор-Эммануил считали, что их лучшим союзником в этом деле мог быть Наполеон III. Во-первых, им очень импонировал деспотический строй Франции, и они могли не опасаться, что этот союз внесет «республиканизм» извне; во-

<sup>1</sup> Н. А. Добролюбов, цит. соч., Сочинения, т. IV, стр. 704.

<sup>2</sup> Маркс подчеркивает выгодность для Англии сарино-английского договора и расценивает его также как удар по Австрии. См. «Международные обзоры», Сочинения Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 243.

<sup>3</sup> В 50-х годах хлеб ввозился в Сардинию.

<sup>1</sup> Цит. у Н. А. Добролюбова, Соч., т. IV, стр. 708. Важно отметить что первую наиболее правильную характеристику Кавура в русской литературе (и не только в русск й. если не считать, по-ятно, высказываний Маркса и Энгельса) дал Н. А. Добролюбов в цит. руемой нами выше статье, напечатанной впервые в «Современнике» в 1861 г.

вторых, сознавая существовавшие противоречия между Францией и «наследственным врагом Италии» — Австрией, они считали, что подешевле сторгуются с Бонапартом.

Крымская война 1854 г. послужила Кавуру (и умеренной итальянской буржуазии) удобным поводом для более тесного сближения Сардинии с императором французов. В начале 1855 г. Кавур вступает с Бонапартом в переговоры о союзе. Но Франции (как и Англии) Сардиния, имевшая незначительные для такой войны военные силы, нужна была лишь в качестве козыря против Австрии, которую она хотела привлечь в восточной войне как более мощного союзника. Австрия же, игравшая двойную игру с Россией и Францией, давала двусмысленные ответы и вначале не решалась твердо встать на ту или иную сторону, желая этим выторговать более выгодные условия союза. Тогда Бонапарт, воспользовавшись враждой между Сардинией и Австрией, решил первую привлечь к войне, чтобы этим заставить вторую изменить свою позицию. Однако, считаясь со слабостью Сардинии и с тем, что она нуждается в его помощи в Италии, Наполеон III мог диктовать условия союза и вынудить этот союз, зная, что его покорный слуга Кавур на все согласится.

Приглашая Виктора-Эммануила II к участию в крымской кампании, император указывал, что Австрия не участвует<sup>1</sup> в этом деле из-за угрозы ее границе со стороны Сардинии. И поэтому он выставил следующие категорические требования: Сардиния должна или разоружиться, или разрешить австрийцам поставить свой гарнизон в Александрии, или же послать 30-тысячное войско в Крым. Кавур и Виктор-Эммануил II только этого и ждали. Они не посмели возражать и сразу же приступили к снаряжению войска. Для сохранения вида «самостоятельности» и для того, чтобы участвовать в войне как «равноправная держава», Кавур отверг предложение Англии участвовать в войне в качестве вспомогательного корпуса английской армии и снарядить армию на английские средства. В Италии был выпущен заем в 50 млн. руб. и было снаряжено 15-тысячное войско за свой счет. Маркс отмечает, что подготовка к крымской войне вызвала сильное возмущение и недовольство широких масс, на что пьемонтское правительство ответило усилением террора<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Хотя Австрия не принимала непосредственного участия в крымской войне, фактически она была на стороне Франции и Англии.

<sup>2</sup> Маркс, Соч., т. X, стр. 114.

Но даже в таком учреждении, как сардинский парламент состоявший из умеренных буржуа и помещиков, соглашение Кавура на участие в крымской кампании встретило оппозицию. Для многих было непонятно, на что рассчитывал граф, соглашаясь на участие Сардинии в войне против России, с которой у нее не было сколько-нибудь серьезных счетов, в войне, требовавшей столь огромных жертв. Кавур ответил на это совершенно недвусмысленно: своим участием в крымской войне Сардиния получает союзников в деле «возрождения Италии» (читай: распространение савойской династии на всю Италию); Сардиния вступает в разряд «великих европейских держав». Это — лишь одна сторона дела. Но была и другая причина, о которой Кавур вначале умышленно умалчивал. Об этом он наиболее четко писал в меморандуме, представленном им от имени Сардинии после окончания войны Парижскому мирному конгрессу 1856 г.:

«Смущаемый внутри революционной деятельностью, возбуждаемый извне режимом страшного гнета и иностранных оккупаций, опасаясь расширения австрийской власти, Пьемонт во всякий данный момент может быть вынужден принять чрезвычайные меры, предвидеть последствия которых невозможно»<sup>1</sup>.

Кавур здесь точно объясняет державам, для чего ему нужна их помощь: Пьемонт «смущен революционной деятельностью масс», возбужденных «режимом страшного гнета и иностранных оккупаций»; нужно укротить эти массы, но это может привести к «непредвиденным последствиям» — поэтому-то Пьемонту заранее нужно заручиться поддержкой иностранных держав и в первую очередь поддержкой Луи-Бонапарта. Вот где была собака зарыта!

Далее, участием в крымской войне Кавур хотел получить разрешение явиться на мирный конгресс (после окончания войны) и гласно предъявить там державам претензии Сардинии: официальное признание Сардинии гегемоном в Италии, признание савойской династии единственной итальянской династией. По окончании войны, хотя Австрия возражала против допущения Сардинии к участию на Парижском конгрессе, мотивируя это тем, что «такому незначительному государству не место заседать на политических собраниях Европы рядом с первоклассными державами», Кавур все-таки получил разрешение явиться на конгресс.

<sup>1</sup> Сорен, История Италии, Спб. 1898 г., стр. 259.

Но, как известно, делегаты конгресса, не имевшие на то полномочия от своих правительств, отказались от обсуждения итальянского вопроса, и дело кончилось только «сыновним» вручением меморандума Сардинии министру Наполеона Валуевскому. Поэтому Кавур решил написать меморандум постороже, пригрозить державам и доказать им, что дело умиротворения Италии—дело всей Европы. Вот что он писал в меморандуме по поводу отказа от обсуждения итальянского вопроса:

«...когда итальянцы... узнают об отрицательных результатах Парижского конгресса... то не может быть сомнения, что на миг уснувшее раздражение пробудится с большей яростью, чем когда бы то ни было. Итальянцы, убедившись, что им нечего больше ждать от дипломатии, с присущим им южным темпераментом снова бросятся в ряды разрушительной революционной партии, и Италия опять сделается очагом заговоров и беспорядков, которые конечно можно будет подавить с удвоенной суровостью (1), но которые малейшее движение в Европе заставит вновь разразиться с величайшей силой»<sup>1</sup>.

Запугивание европейской революцией, «беспорядками»— вот приемы, какими Кавур хотел вымолить у держав помощь для подавления революционного движения Италии и для осуществления династических интересов сардинской монархии. Но это не помогло. Если Кавур нуждался в помощи императора французов, то Бонапарт, после того как он использовал тысячи итальянцев в качестве пушечного мяса при битве у Черной речки, пока совершенно не нуждался в союзе с Сардинией. И Кавуру пришлось уехать с конгресса ни с чем, лишь с надеждами на моральную поддержку своих претензий. Послушаем однако, как сам Кавур оценивал результаты войны и Парижского конгресса. Докладывая в парламенте о конгрессе, в общем не удовлетворяясь его результатами, Кавур заявил:

«Правда, мы еще не достигли никаких положительных результатов, но тем не менее мы сделали две вещи, по моему, самые существенные: во-первых, возвести Европе о положении итальянских дел, и, главное, не в революционных, сумасбродных, журнальных выходках, а с приличной торжественностью, в могучем собрании высоких особ; во-

вторых, Европе внушено убеждение, что уврачевать язвы Италии нужно не только для самой Италии, но и для всей Европы»<sup>1</sup>.

Так оценивает результаты участия Италии в крымской кампании граф Кавур. Контрреволюционная коалиция против революционной Италии была создана! И все это делалось под видом «освобождения» и «борьбы за независимость» Италии. В роли «освободителей» здесь в одинаковой мере выступали Виктор-Эммануил, Наполеон III и Кавур.

Маркс, подводя итоги крымской кампании, указывал, что Пьемонт в этой войне ничего не получил, «таская лишь из огня каштаны для иностранных держав». «Савойский дом,—говорит Маркс по поводу результатов Парижского конгресса,—снова потерпел неудачу в своей наследственной политике влиятий и в своих повторных попытках сделать итальянский вопрос основой для своих династических интриг»<sup>2</sup>.

И если Сардиния могла надеяться на поддержку Бонапарта в своей борьбе с революционным движением—единственное ее достижение в крымской войне,—то она за это должна была поплатиться своей независимостью. После Парижского конгресса Сардиния фактически находилась под протекторатом Франции. Маркс прямо указывал на установление этой зависимости Сардинии, высмеивая «великих людей маленького государства», хваставшихся силой пьемонтского конституционализма.

«...Для всякого беспристрастного наблюдателя,—писал Маркс,—является бесспорным, что если во Франции существует крупная монархия, то Пьемонт должен оставаться малой монархией, что если во Франции царит императорский деспотизм, то существование Пьемонта в лучшем случае будет зависеть от его милости...»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Цит. у Добролюбова, цит. соч., Соч., т. IV, стр. 721.

Необходимо отметить, что эта кавуровская оценка значения крымской войны для Италии в общем сходится с оценкой, данной в свое время русским историком Западной Европы Е. Тарле. Излагая всю историю Италии XIX в. на 50 страницах, Тарле всячески восхваляет «замечательного государственного деятеля» Кавура, «появление звезды» которого совершенно «вытеснило республиканцев и Мадзини» и т. д. Крымская же кампания была «гениальным прозорливым действием Кавура». В комментариях эта апология не нуждается (см. Е. Тарле, История Италии в новое время, СПб. 1901, стр. 173—176 и 179).

<sup>2</sup> Маркс, Сардиния. Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 1, стр. 16.

<sup>3</sup> Там же, стр. 14. Курсив наш.

<sup>1</sup> Маркс, Сардиния, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 1, стр. 16.

Необходимо отметить, что республиканцы разоблачали кавуровскую клику — этих мнимых «освободителей», а на деле кровавых угнетателей Италии. Мадзини указывал, что, боясь революционного народа, Кавур ищет иностранных союзников в деле осуществления своих чисто династических интересов — в объединении Италии вокруг савойского дома — и что Кавур хочет заменить зависимость Италии от Австрии зависимостью ее от Франции. Но далеко не все республиканцы сумели распознать истинную политику Кавура и Луи Бонапарта. Даже убежденный республиканец и народный герой Гарибальди часто использовался Кавуром, как мы увидим ниже, как орудие для осуществления контрреволюционных, династических, замыслов.

Лишь Маркс и Энгельс полностью разоблачили классовую корыстность пьемонтской либеральной буржуазии, руководимой Кавуром, и указывали, что в результате участия Сардинии в крымской кампании в широких народных массах рассеялись иллюзии на счет призвания Пьемонта быть «главой Италии» и что вопреки расчетам буржуазии результатом войны, стоившей тысяч ненужных человеческих жертв, будет еще большее усиление революционного движения. В заключение итогов крымской кампании Маркс пишет:

«...Их (пьемонтцев. — В. Н.) собственная армия призывает их к ответу. Буржуазия снова должна будет искать опоры в народных симпатиях и увязать национальное освобождение с социальным возрождением. Пьемонтский кошмар сброшен, дипломатические чары рассеяны, и вулканическое сердце революционной Италии снова начинает биться»<sup>1</sup>.

#### 4. Революционно-демократическое направление в национально-освободительном движении Италии

Мы до сих пор изображали одно направление, одну линию в национальном движении Италии. Это — линия объединения Италии «сверху», вокруг савойской династии, линия обуржуазившихся помещиков и либеральной торгово-промышленной буржуазии. Но в объединительном движении Италии существовала и другая линия — линия объединения Италии «снизу», линия революционной итальянской буржуазии (*главным образом мелкой и средней*). Между этими двумя направ-

лениями шла борьба не на жизнь, а на смерть. Революционное направление в итальянском национальном движении возглавлял Мадзини. В начале 50-х годов национально-революционное движение было наиболее сильно в Ломбардо-венцианской области. Народные массы здесь находились под тройным гнетом. В системе правления австрийцы ввели «терроризм осадного положения». «...Чтобы удержать свое господство в Италии, Австрия вынуждена обращаться со своими политическими противниками, т. е. с каждым итальянцем, который себя чувствует итальянцем, хуже, чем с обыкновенными преступниками», — писал Энгельс<sup>1</sup>. Кровавый Радецкий превратил Ломбардо-венцианскую область в «революционный кратер» и «ввел систему ограбления»<sup>2</sup>. Поэтому Мадзини имел здесь большую опору, чем в других местах.

В 1852 г. Мадзини начинает в Милане готовить восстание с расчетом распространения его на всю Италию. Но в то время это была лишь фантазия: массы не успели еще оправиться от кровавого террора после подавления революции в 1848—1849 гг., республиканская партия была подавлена и *расколота*. Нельзя было еще и думать о всеитальянском восстании. Энгельс писал по поводу подготовки этого восстания, что «вся эта история очень несвоевременна»<sup>3</sup>. А Маркс, оценивая подготовку к миланскому заговору<sup>4</sup>, писал, что «...эти господа (Мадзини и Кошут. — В. Н.) чувствуют себя несчастными, если каждый год не терпят поражений и не получают ударов. Они никак не хотят признать, что мировая история развивается без их содействия, без их вмешательства... Если дело не выгорит, что несомненно, у господина Мадзини будет новый повод с серьезным видом излить свое негодование...»<sup>5</sup>. Но Мадзини не слушался и решил «содействовать развитию мировой истории». Когда уже начало восстания было предрешиено и нельзя было его приостановить, Энгельс писал:

«Теперь посмотрим, как будут действовать итальянские крестьяне; даже в случае неслыханных и невероятных удач

<sup>1</sup> Энгельс, По и Рейн, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 31.

<sup>2</sup> Маркс и Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 461.

<sup>3</sup> Энгельс, Письмо к Марксу от 11 февраля 1853 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXI, стр. 459.

<sup>4</sup> Маркс и Энгельс держали связь с Мадзини и были осведомлены о его планах.

<sup>5</sup> Маркс, Письмо к Энгельсу от 6 мая 1852 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXI, стр. 361.

<sup>1</sup> Маркс, Сардиния, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 1, стр. 17.

папаша Мадзини и его буржуа и дворяне могут пережить здесь очень неприятные вещи; и если австрийцы найдут возможность натравить этих крестьян на дворянство, они, наверное, сделают это»<sup>1</sup>.

Да, посмотрим, как будут действовать крестьяне!

Восстание должно было начаться 6 февраля 1853 г. По спискам Мадзини «числилось» 3 тыс. повстанцев, организованных по подразделениям. Но только числилось... К означенному времени восстания явилось всего... 130 человек. Да и то большая часть из них была заранее арестована, так как заговор был раскрыт предателями. Восстание было подавлено самым свирепым образом. Как предсказывал Энгельс, австрийцы сумели отвлечь крестьян от национального восстания и натравили их на итальянское дворянство. Крестьянство оставалось, как говорил Маркс, «...если не реакционно, то по меньшей мере равнодушно к национальной борьбе своей страны»<sup>2</sup>. А причины этого — вредная политика Мадзини и «тонкая» политика австрийских оккупантов. Мадзини, хотя и начал после раскола «Итальянского комитета» разговаривать о крестьянстве — и это Маркс приветствовал как «большой прогресс» его партии, — все же недооценивал крестьянство (и не вел среди него никакой работы) как движущую силу национально-освободительного движения, он продолжал базироваться на городской буржуазии и даже на части дворянства. Крестьяне, угнетавшиеся «своими», итальянскими, помещиками не в меньшей мере, чем австрийцами, отнюдь не хотели бок-о-бок с помещиками участвовать в их патриотической борьбе против австрийских оккупантов. И поэтому в Ломбардии их «ненависть против землевладельцев далеко превосходила их отвращение к чужеземному угнетателю» (Энгельс). Австрийцы же в свою очередь сумели это использовать. Уже позже, в 1859 г., Энгельс следующим образом характеризовал ловкую политику австрийских оккупантов в Италии:

«... Их реквизиции и поборы, повидимому, насколько возможно, ограничивались собственностью знати и городами, являющимися центрами итальянского патриотизма, между тем как крестьянство было, насколько возможно, пощажено. Та-

кая политика является характерно австрийской, и она была такой с 1846 г.»<sup>1</sup>.

Поэтому австрийцы если не всегда могли натравить крестьян на революционное движение, то они их по крайней мере нейтрализовали. В этом кроются причина слабости национально-революционного движения и причина неудачных восстаний мадзиниевской партии. Неучастие крестьянства является также одной из причин поражения миланского восстания 1853 г. Но каким бы безумным ни был миланский заговор, Маркс, умевший всегда правильно оценивать героические подвиги народных масс, писал о нем:

«Как ни жалка миланская история в качестве финала вечных заговоров Мадзини, и как глубоко я ни убежден, что он лично себе сильно повредил, — я все же уверен, что это событие в общем и целом полезно для революционного движения»<sup>2</sup>.

Да, безусловно, народным массам нужно было закалиться в боях для более успешной борьбы, которая предстояла всего через несколько лет после миланского восстания. Но и здесь дело не было доведено до победного конца благодаря нерешительности и колебаниям мелкобуржуазных вождей революционного движения, а также благодаря контрреволюционности крупной буржуазии.

Выше было уже отмечено, что в результате революции 1848—1849 гг. усилились классовая дифференциация и расслоение партий. Первым делом раскололась республиканская партия, пережившая упадок в 50-е годы, как и вся идеология мадзинизма в этот период. Часть мелкой буржуазии, разочаровавшись в революции и испугавшись ее возможных последствий, шаркнула вправо.

Для характеристики настроений кадров Мадзини и буржуазии вообще после поражения революции 1848—1849 гг. интересно будет привести оценку одного из агентов Мадзини — генерала Феттера, буржуазного революционера и венгерского эмигранта, проживавшего в Лондоне. Летом 1852 г. по поручению Мадзини он отправился в Италию для ознакомления с готовностью к восстанию, подготовляемому в Милане мадзинистами. После возвращения он представил «Ев-

<sup>1</sup> Энгельс, Письмо к Марксу от 11 февраля 1853 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXI, стр. 459.

<sup>2</sup> Маркс, Кошут и Мадзини, Сочинения Маркса и Энгельса, 1853 г., т. IX, стр. 284.

<sup>1</sup> Энгельс, Наконец сражение, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 172—173.

<sup>2</sup> Маркс, Письмо к Энгельсу от 23 февраля 1853 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXI, стр. 460.

ролейскому центральному комитету» (буржуазная эмигрантская организация в Лондоне) отчет, который Маркс передает своими словами в письме к Энгельсу:

«Италия совершенно погрузилась в материализм. Там говорят только о торговле, о делах, о шелке и масле и других жалких, земных вещах. Буржуа крайне деловым образом исчисляют убытки, нанесенные им мартовской революцией, и думают только о том, как бы теперь вознаградить себя за них. Инициативу восстания они охотно предоставляют французам, этому легкомысленному и чувственному народу. Единственное, чего они боятся, — это то, как бы французы не слишком поторопились. Ты можешь себе представить, мой дорогой, каким громом среди ясного неба было это для архангела Мадзини. Генерал Феттер, уже назначенный верховным главнокомандующим отрядов Мадзини — Кошута, заявил им, что при таком положении вещей он не видит иного выхода, как уехать вместе со своей любовницей в Америку»<sup>1</sup>.

Таковы были настроения буржуазии. И многие из мадзиниевских кадров с этими настроениями далеко ушли... Бывший республиканец и глава триумvirата Венеции Манин в 1855 г. обратился с открытым письмом к королю, призывая его «создать Италию, и тогда все республиканцы и патриоты будут с ним», и, разочаровавшись в возможности воссоединения Италии революционным путем, стал поддерживать пьемонтцев<sup>2</sup>. А в 1857 г. отколовшаяся от Мадзини группа образовала новую партию (Национальный союз), существовавшую в Сардинии легально. Руководитель этой партии Лафарини имел тайные свидания с Кавуром, который обещал ему поддержку. Эта партия надеялась на

<sup>1</sup> Маркс, Письмо к Энгельсу от 30 августа 1852 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXI, стр. 400—401.

<sup>2</sup> Здесь опять-таки необходимо отметить ошибочную оценку т. А. В. Луначарским деятельности Манина, которого он называет «изумительной личностью, поражающей всех своей необыкновенной проницательностью».

«На спутанном фоне итальянских событий, — пишет т. Луначарский, — среди ошибок, падений, фанфаронств, измен благородно рисуется профиль Манина, всегда делающего то, что нужно. Заканчивает же т. Луначарский свое преклонение перед Маниным заявлением, что его герой «до конца своих дней остался верен своему делу».

О колебаниях и ошибках Манина мы уже знаем, так что не всегда Манин «делал то, что нужно». Как видим, он также не остался верен «до конца своей жизни своему делу», а стал сближаться с пьемонтским либерализмом (Манин умер в 1857 г.). См. цит. статью Луначарского, (сб. «К 75-летию революции 1848 г.», стр. 214—215 и 239).

объединение Италии королем и отказалась от революционных методов действия; она стремилась лишь к введению некоторых государственных реформ.

Другая группа откололась от Мадзини влево. Это была уже более передовая партия революционной итальянской буржуазии. Раскол этот начался с эмигрантского «Итальянского комитета», находившегося в Лондоне. Маркс следующим образом характеризует этот раскол и его причины:

«Итальянский комитет также раскололся. Ушло значительное меньшинство. Мадзини со скорбью рассказывает об этом событии в «Voix du Peuple». Главными поводами были якобы: во-первых, бог. Они не желают бога. Затем, и это более важно, они упрекают маэстро Мадзини в том, что он работает в интересах Австрии, проповедуя восстание, т. е. в том, что он его слишком форсирует. Наконец они настаивают на прямом обращении к материальным интересам итальянских крестьян, что невозможно без того, чтобы, с другой стороны, не задеть материальных интересов буржуазии и либерального дворянства, составляющих большую мадзиниевскую фалангу»<sup>1</sup>. В ответ на это Энгельс писал: «...Раскол среди итальянцев великолепен. Замечательно, что наконец-то этот отчаянный фантазер Мадзини наткнулся на своем пути на преграду материальных интересов и притом в своей собственной стране. Итальянской революции хватило на то, чтобы втянуть в движение наиболее отсталые классы, а теперь в противовес старо-мадзиниевской эмиграции *образуется новая, более радикальная партия*, которая постепенно вытесняет господина Мадзини. И даже по газетным отчетам создается впечатление, что «il Mazzinismo» начинает пользоваться дурной славой даже среди людей, не являющихся ни конституционалистами, ни реакционерами...»<sup>2</sup>.

Мы привели эти длинные цитаты из писем Маркса—Энгельса потому, что они наиболее полно вскрывают положение дел в мадзиниевской партии. Итак, от Мадзини начали отворачиваться, с одной стороны, умеренно настроенная буржуазия, а с другой стороны, низшие слои масс, которые он раньше притягивал к себе своим богом, но которые теперь больше не хотят бога, а хотят «прямого обращения к их материальным интересам». И с этих пор национально-осво-

<sup>1</sup> Маркс, Письмо к Энгельсу от 13 сентября 1851 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXI, стр. 269.

<sup>2</sup> Энгельс, Письмо к Марксу от 23 сентября 1851 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXI, стр. 271. Курсив наш.



бодительное движение вступает в новый этап своего развития. Выкристаллизовываются более революционные элементы, что явилось предпосылкой оформления рабочего социалистического движения.

Что касается бывшей умеренно либеральной партии, партии крупной буржуазии и обуржуазившихся помещиков, господствовавшей в парламенте, то к концу 50-х годов небольшая часть, отколовшаяся от нее, перешла на сторону абсолютистов и клерикалов, *противников всякой конституции*, а партия в целом эволюционизировала *вправо* и сделалась консервативной; лишь незначительная группа ее продолжала еще применять «левую» демагогию и образовала в парламенте так называемый «левый» центр, по сути дела несколько но отличаясь от консервативной партии.

Такую эволюцию проделали классы и партии в 50-х годах. Это разграничение партий предопределялось классовыми позициями в обострившейся в конце 50-х годов XIX в. борьбе за объединение Италии.

## У. ВТОРАЯ АВСТРО-ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ 1859—1860 гг.

### 1. Предпосылки революции. Новый революционный подъем 1858 г.

Пережив некоторое затишье после подавления революции 1848—1849 гг., революционное движение в Европе снова оживает во второй половине 50-х годов. Быстрый рост капитализма в продолжение нескольких лет после революции сменил торгово-промышленный кризис в Европе, наступивший в 1857 г. Рост капитализма за эти годы сопровождался ростом эксплуатации и обнищания рабочих масс и ростом политической реакции.

В такой обстановке наступивший кризис был толчком к новому революционному подъему, выразившемуся главным образом в национальных движениях (в Италии, Польше, Венгрии и др.). «Весь период времени от середины 1849 г. до нынешнего момента, — писал Маркс по поводу наступившего кризиса, — представляется таким образом в виде простой передышки, дарованной историей старому европейскому обществу в целях дать ему возможность последний раз показать в сгущенном виде все свои тенденции. В политике — поклонение сабле, в нравственности — всеобщая продажность и лицемерный возврат к разоблаченным суевериям, в политической экономии — мания обогащения без хлопот производства, — таковы тенденции, проявленные этим обществом в период его контрреволюционных оргий 1849—1856 гг.».

Но «... самые их победы над революцией, — указывает Маркс, — содействовали созданию в 1857 г. материальных условий для идейных течений 1848 г.»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Маркс, Экономический кризис в Европе, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 1, стр. 58.

Эти «идейные течения» революции усилились с наступлением нового кризиса. Наиболее остро кризис отразился на Италии, все еще раздробленной, находившейся под гнетом своих и иностранных деспотов.

Анализируя итальянский кризис в начале 1858 г., Маркс писал Энгельсу, что «в Италии экономическое положение действительно ужасно. Наряду с промышленным кризисом — бедственное положение в сельском хозяйстве»<sup>1</sup>. На Италию нахлынула волна банкротств, предприятия закрывались, росла безработица. К тройному гнету на большей части территории Италии теперь еще прибавился голод. Поэтому здесь раньше, чем в других странах Европы, начался революционный подъем. Но в Италии все еще не было настоящей революционной партии, которая направила бы стихийное движение масс по правильному пути. Мадзиниевская партия после двух новых неудачных попыток восстания в 1857 г. (в Генуе и Ливорно) была разгромлена, а остатки ее раздирались внутренними разногласиями, выразившимися в недовольстве политикой Мадзини. Поэтому возмущение и отчаяние масс направились вначале по ложному пути — по пути индивидуального террора.

Одним из таких террористических актов было неудачное покушение страстного патриота и республиканца и бывшего мадзиниста Феличе Орсини на Наполеона III 14 января 1858 г. Орсини (1819—1858) — один из крупнейших деятелей национально-освободительного движения Италии. Он был типичным мелкобуржуазным революционером, и его республиканские идеи смешивались у него с мистицизмом. Однако он выгодно отличался от других буржуазных революционеров своей самоотверженностью и революционным героизмом. Он неоднократно участвовал в заговорах, совершал побеги из тюрем и т. д.

Маркс высоко ценил Орсини и называл его «великим мучеником». Отчаявшись после неудачных мадзиниевских заговоров, он отвернулся от Мадзини. По этому поводу он писал:

«Я не знаю, что значит *сторонник Мадзини*. Я был заодно с Мадзини, когда думал, что большинство итальянцев считает его своим главой и что он обладает физическими и моральными средствами для выполнения революции в Италии.

Теперь, когда я уверен в противном, я более не участвую в заговорах»<sup>1</sup>.

Оценивая положение мадзиниевской партии, Орсини писал: «Повторяю еще раз: после попытки 6 февраля 1853 г. (миланское восстание. — В. Н.) республиканская партия впала в полную дезорганизацию, лишилась влияния и средств. Чтобы бороться против армии, нам нужны солдаты, а где они, эти наши солдаты? Где у республиканской партии армия? Ее нет!»<sup>2</sup>. Орсини рассказывает далее о настроениях (в 1857 г.) бывших республиканцев как в самой Италии, так и среди эмиграции: «Все теперь надеются на сардинское правительство, имеющее войско. Это правительство — единственное, дающее известную свободу своим подданным и питающее у итальянцев надежды на освободительную войну»<sup>3</sup>. И хотя Орсини (как и многие другие республиканцы) сомневается в истинных намерениях Пьемонта во главе с Кавуром и Виктором-Эммануилом, он все же надеется, что «если пьемонтское правительство начнет войну с искренним доверием, итальянская нация, руководясь духом благодарности, сможет избрать его главой объединенной и независимой Италии»<sup>4</sup>. Однако, по мнению Орсини, «все зави-

<sup>1</sup> Ф. Орсини, Воспоминания, изд. Academia, М. 1934, стр. 222.

<sup>2</sup> Там же, стр. 295.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 296.

<sup>1</sup> Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 308.

сит от Наполеона»<sup>1</sup>. Орсини считал, что пьемонтское правительство давно уже начало бы войну за объединение Италии, но Наполеон не допускает до этого, боясь, что в результате такой войны «Франция пробудится от ее нынешнего сна»<sup>2</sup>. Эта догадка Орсини (в части, касающейся Наполеона) близка к истине. Наполеон конечно боялся распространения революционного движения из Италии во Францию, но суть дела не в этом. Дело в том, что буржуазные революционеры типа Орсини после своего разочарования в возможности объединения Италии «снизу» надеялись не только на пьемонтское правительство, но даже на Наполеона III. Они считали, что Наполеон *может и должен* помочь Италии в ее объединительном движении; они считали Наполеона обязанным Италии. «Война за независимость Италии заставила бы французов краснеть за позицию (здесь имеется в виду не столько позиция французов, сколько позиция Наполеона. — В. Н.), какую они теперь занимают», — говорит Орсини<sup>3</sup>.

Даже Мадзини, который прекрасно понимал и видел династические интриги Наполеона III и вел с ними борьбу, также надеялся на императора французов. Об этом свидетельствует Маркс. Отмечая слабость мадзиниевской партии во время подготовки миланского восстания 1853 г.<sup>4</sup>, Маркс писал: «...В конце концов злосчастный Мадзини договорился с Кошутом<sup>5</sup> предоставить инициативу восстания французам. Однако не грубой черни, но Бонапарту»<sup>6</sup>. В этом-то и заключается одна из слабых сторон национально-освободительного движения Италии. Здесь все еще сказывается старый карбонаризм, что мы отмечали в самом начале. Даже часть революционной итальянской буржуазии надеялась в борьбе за объединение Италии на «Наполеона маленького». Они не «раскусили» его династических замыслов и интриг. Этим республиканцам вспоминались распространенные легенды

о карбонаризме «дяди и племянника»<sup>1</sup>; им вспоминалась борьба Наполеона I с ненавистным им «наследственным врагом Италии» — с Австрией, они не понимали династического характера этой борьбы; им вспоминались обещания Луи-Наполеона помочь делу освобождения Италии и т. д. И, убедившись, что Наполеон III нисколько не помогает делу Италии, эти мелкобуржуазные революционеры начали видеть в «бывшем карбонарии» «предателя» и «изменника» (мы берем эти слова в кавычки, так как Бонапарту нечего было «предать» и «изменять» в итальянском революционном движении). Теперь они поняли, что Наполеон является помехой национально-освободительному движению Италии и что его нужно устранить с пути. Так возникла мысль о покушении на европейского деспота у видного деятеля национально-освободительного движения Италии Ф. Орсини. Однако важно отметить, что в своем покушении Орсини ставил себе задачу, далеко превосходящую задачи объединения Италии. Покушение на Наполеона он понимал как сигнал к революции в Париже, а крушение наполеоновской империи он считал крушением деспотизма в Европе. Орсини писал, что «война за независимость в Италии, революция в Париже, война за торжество принципов республики в континентальной Европе — таковы три великих события, которые должны последовать одно за другим»<sup>2</sup>.

Но расчеты Орсини не оправдались, так как они в самом корне своем были ложными. Они выражали лишь отчаянность оторванных от масс мелкобуржуазных революционеров типа Орсини, стремившихся — вместо организации народных масс в революционной борьбе — вызвать революцию террористическими актами «избранных» одиночек. В этой тактике сказывались реакционные «народнические» взгляды, разделяемые многими мадзинистами. 13 марта 1858 г. Орсини погиб на эшафоте, а «Наполеон маленький» в течение более чем десятилетия все еще продолжал помогать итальянским правителям душить народные массы Италии.

Сразу после покушения Наполеон отправил угрожающую ноту Кавуру. Император требовал принять срочные меры против заговорщиков. Кавур, с ужасом встретивший весть

<sup>1</sup> В буржуазной литературе до сих пор распространена легенда о том, что Наполеон I и Наполеон III (в молодости) состояли членами общества карбонариев. Это весьма сомнительно и не подтверждается фактами.

<sup>2</sup> Ф. Орсини, цит. соч., стр. 296.

<sup>1</sup> Ф. Орсини, цит. соч., стр. 295.

<sup>2</sup> Там же, стр. 296.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Важно, что это было восстание против австрийцев, — это было в Ломбарии.

<sup>5</sup> Кошут — венгерский буржуазный революционер, образовавший в Лондоне вместе с Мадзини, Ледри-Ролленом и другими «Европейский комитет». Как указывает Маркс, Кошут находился в прямой связи с Наполеоном.

<sup>6</sup> Маркс. Письмо к Энгельсу от 30 августа 1852 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXI, стр. 401.

о покушении Орсини и видевший в этом сигнал к народному восстанию, не замедлил провести в парламенте закон против террористов и даже против либерального движения. Но, несмотря на свирепость кровавого террора, установленного деспотом всея Европы в Италии и во Франции после покушения Орсини, остановить революционный подъем не удалось. Маркс указывал, что террор после покушения Орсини показывал лишь изолированность Наполеона и во Франции и в Европе<sup>1</sup>.

Вскоре после казни Орсини Мадзини написал открытое письмо Наполеону. В этом письме Мадзини указывал императору, что все меры, принятые им после покушения, вызваны страхом перед надвигающейся гибелью империи; он указывал на то, что бомбы Орсини, миновавшие императора, поразили империю. Маркс, с величайшим вниманием следивший за разворачивающимися событиями в Европе в конце 50-х годов, оценил это письмо Мадзини как *шаг вперед* с его стороны. Маркс писал, что теперь Мадзини «не брезгает обращать внимание на социальную действительность, на интересы различных классов, на экспорт и импорт товаров, на квартирную плату и тому подобные вульгарные вещи». Но, одобряя в целом содержание письма Мадзини, Маркс отмечает, что в письме все же еще осталось «...немного следов той псевдо-возвышенности, напыщенной величавости, многоречивости и пророческого мистицизма, которые являются столь характерными для писания Мадзини...»<sup>2</sup>.

Да, эти следы остались у Мадзини, и не только в его писаниях, но и в его *практической деятельности* на наступившем новом этапе национально-освободительного движения Италии, этапе, являвшемся высшей точкой революционного движения. Эти слабости Мадзини и его партии наложили свой отпечаток на движение, не завершившееся победным концом. Мадзиниевская партия, совершенно ослабевшая в 50-е годы, не сумела организовать и направить стихийное движение масс, и движение расплылось. Республиканская партия не сумела первой начать революцию. Революция вспыхнула лишь после объявления войны в 1859 г.

<sup>1</sup> Маркс, Мадзини и Наполеон, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI ч. 1, стр. 512; *его же*, Начало конца Луи Бонапарта, там же, стр. 487.

<sup>2</sup> Маркс, Мадзини и Наполеон, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 1, стр. 508.

Оценивая манифест, выпущенный Мадзини летом 1858 г. в связи с усилившимся освободительным движением, Маркс дал следующую оценку готовности республиканской партии и самой Италии к революции.

Мадзини—«все тот же старый осел... Нет ничего смешнее противоречия, в которое он впадает, когда, с одной стороны, говорит, что в Италии революционная партия организована в его духе, с другой же стороны, «по-своему» доказывает, что партия имеет за собой всю нацию и что все внешние условия обеспечивают ее успех, а в конце концов все-таки *не объясняет*, почему же Италия, несмотря на «Бога и Народ», и Мадзини в придачу, остается спокойной»<sup>1</sup>. Таким образом хотя Мадзини под напором масс и делал шаги вперед (он теперь боролся не только за воссоединение Италии, но и начал выдвигать требования — путанные и туманные конечно,— связанные с материальными интересами народных масс), но он все же оставался «старым ослом»; он хотел привлечь в свою партию *всю нацию* и поэтому не сумел как следует организовать революцию.

## 2. Луи-Наполеон и итальянская война. Позиции либеральной и революционной буржуазии в войне 1859 г.

Между тем надвигалась война. Казнь Орсини не прошла бесследно для Бонапарта. Как Маркс говорит, она, так же как и покушение, поразила «...не только людей, но известное положение вещей»<sup>2</sup>. Имеется ряд фактов<sup>3</sup>, доказывающих, что казнь Орсини *затруднила* династические закулисные интриги императора и заставила его прибегнуть к новым

<sup>1</sup> Маркс, Письмо к Энгельсу от 8 октября 1858 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXII, стр. 361.

<sup>2</sup> Маркс, Начало конца Луи Бонапарта, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 1, стр. 483.

<sup>3</sup> Некоторые такие факты приводит Н. Г. Чернышевский, хорошо знакомый в то время с положением дел в Европе и в Италии и написавший об итальянском движении много статей. О связи казни Орсини с усилением подготовлений Бонапарта к итальянской войне Чернышевский писал: «В конце прошлого года он (Наполеон. — В. Н.) снова потребовал к себе бумаги, оставшиеся после Орсини, и когда вышла брошюра («Наполеон III и Италия». — В. Н.), служившая предшественницей тронной речи (в феврале 1859 г. — В. Н.), люди, знакомые с содержанием орсиниевских бумаг, увидели, что брошюра составлена главным образом из них» (см. Чернышевский, Соч. в 10 томах, Спб., 1906 г., т. V, стр. 8—9 и 21).

маневрам, к новым лавированиям и ускорить свои приготовления к войне. «...Угрозы личной мести со стороны соотечественников Орсини, — пишет Маркс, — отравили сон узурпатора (Бонапарта. — В. Н.)... Страх мести со стороны итальянцев является не последним мощным мотивом, толкающим его на войну во что бы то ни стало»<sup>1</sup>. К тому же в самой Франции возросло брожение масс против реакции, усилившейся после взрыва орсиниевской бомбы, и против казни Орсини. Войною Наполеон думал «успокоить» народное движение, грозившее ему потерей трона. Об этих расчетах Бонапарта и о положении Франции накануне войны 1859 г. Маркс писал:

«Со стороны Франции есть угроза революции... Единственная возможность отсрочить революцию во Франции заключается в европейской войне. В такой войне Россия, Франция и Сардиния соединятся против Австрии»<sup>2</sup>.

Чтобы удержаться на троне, Наполеон III вынужден был теперь прибегнуть к «освободительным» жестам и, чтобы отвлечь народное возмущение в сторону Австрии — своего династического соперника, — стал выступать в роли освободителя Италии от австрийской оккупации. Он стал выступать в роли «паладина итальянской независимости» и «защитника всех угнетенных наций»<sup>3</sup>.

Летом 1858 г. Наполеон посылает за Кавуром, и между ними происходит знаменитое свидание в Пломбьере. На этом свидании было решено начать войну против Австрии; согласно уговору Сардиния должна была получить Ломбардо-венетскую область и в компенсацию за это уступить Франции Савойю и Ниццу. У Наполеона здесь был простой расчет: ослабить Австрию и заменить австрийское иго в Италии свим. На новогоднем приеме 1859 г. Наполеон сказал австрийскому посланнику, что «сожалеет, что его отношения с австрийским императором не так хороши, как прежде». Это было возвешение Наполеона о войне, начавшейся через четыре месяца. Однако Наполеон хотел заставить Австрию начать войну первой, чтобы самому выступить

в роли «пострадавшего» за защиту итальянской независимости, и путем дипломатических уверток ему удалось достичь этого. Бонапарту легче всего было затеять войну под предлогом «борьбы за мир». Поэтому он выступил с предложением созыва мирного конгресса для обсуждения итальянского вопроса. Дело в том, что Австрия, как и Сардиния, лихорадочно вооружалась и готовилась к войне. Все видели неизбежность войны, к которой Австрия была уже вполне готова. Но главный инициатор и режиссер войны — Бонапарт — еще не был готов и, как он сам заявлял, мог быть готов лишь к концу мая. Таким образом предложение созыва мирного конгресса служило для Луи Бонапарта хорошим «...предлогом, для того чтобы выиграть время в целях завершения своих военных приготовлений»<sup>1</sup>. Но предложение созыва европейского конгресса, как и вся затея австро-итальянской войны, не было делом рук лишь одного Бонапарта. За спиной императора французов стояла Россия. Россия стремилась отомстить Австрии за «неблагодарность», выразившуюся в том, что Австрия совершенно забыла о помощи России в деле задушения венгерской революции и не помогала России во время крымской кампании. И Маркс констатировал, что «не может быть сомнения, что к этому делу (затея войны. — В. Н.) приложила свою руку Россия» и что «...предложение созвать конгресс шло от России...»<sup>2</sup>. Сардиния же должна была играть здесь роль второй скрипки, и Кавур должен был выполнять все, что приказывал Бонапарт. В марте граф Кавур ездил в Париж к императору и доложил ему, что он «почти готов». Луи-Наполеон ответил, что нужно подождать, и граф молча уехал домой.

Для того чтобы затянуть дипломатическую игру до того момента, когда французская армия будет уже вполне готова к войне, предложение Бонапарта о созыве конгресса не было основано на ясных началах, не были даже намечены ни день, ни место конгресса. Поэтому Австрия со своей стороны поставила два главных условия созыва конгресса: 1) вопросы, подлежащие обсуждению на конгрессе, должны быть предварительно точно установлены; 2) до всякой конференции Сардиния должна разоружиться. Тогда Бонапарт, не желая, чтобы его союзник — Сардиния — разору-

<sup>1</sup> Маркс, Перспективы войны во Франции, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 110 и 112.

<sup>2</sup> Маркс. Положение в Пруссии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 1, стр. 468.

<sup>3</sup> Энгельс, По и Рейн, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 49; его же, Сила и экономика в образовании Германской империи, М. 1923, стр. 25.

<sup>1</sup> Маркс, Предстоящий мирный конгресс, Сочинения Маркса и Энгельса т. XI, ч. 2, стр. 120.

<sup>2</sup> Там же, т. XI, ч. 2, стр. 123 и 125.

жился, в качестве предварительного шага к созыву конгресса выдвинул предложение (посредством Англии) всеобщего разоружения. Выставляя это предложение, император рассчитывал, что Австрия откажется от него, и тогда она будет «уличена» в стремлении к войне. Однако Австрия, «зная, что Бонапарт не может разоружиться, не освободив себя в то же время от беспокойного бремени императорской короны» (Маркс), согласилась принять это предложение. Этот «ход» Австрии вызвал замешательство императора, который через двадцать четыре часа сообщил всему миру, что предложение о всеобщем разоружении относится лишь к Австрии, которая готовится к войне, но отнюдь не к «миролюбивой империи французов». После этого ответа Бонапарта Австрия поняла, что она попала в ловушку в результате этой дипломатической интермедии, и, зная, что каждый день отсрочки означает для нее лишь проигрыш, а для Франции выигрыш, решила начать войну.

22 апреля император Франц-Иосиф послал Сардинии невыполнимый ультиматум, настаивающий на ее разоружении в течение трехдневного срока, по истечении которого будет объявлена война. Важно отметить, что накануне получения этого ультиматума изменник Кавур готов был согласиться на разоружение, рассчитывая совершить династическую сделку с Австрией, избегая войны. Однако Виктор-Эммануил, ждавший только *такого* ультиматума, так как он ставил в выгодном свете его монархию как «меч Италии», обратился с прокламациями к населению и армии, призывавшими их «храбро драться за дело Италии, которой будет помогать Наполеон III со своими храбрыми французскими солдатами». 29 апреля 1859 г. Австрия официально объявила войну.

Мы изложили всю эту дипломатическую игру, так как она чрезвычайно интересна для выяснения интриг Бонапарта и России в этой войне. И Маркс писал, что в результате этой игры «...в дипломатическом отношении Наполеон прижал Австрию к стене, ибо он заставил ее первую произнести сакраментальное слово — объявить войну»<sup>1</sup>.

В самом начале войны сардинское правительство объявило политическую амнистию, для того чтобы привлечь на свою сторону «всю нацию», включая республиканцев. Еще до начала войны Кавур пригласил к себе вернувшегося на родину

с начала нового революционного подъема Гарибальди и предложил ему начать вербовку добровольцев для формирования волонтерских отрядов. «Герой Монтевидео и Рима»<sup>1</sup>... принял предложение Кавура и сформировал отряд волонтеров. Перед началом войны республиканская партия Мадзини разоблачала планы Наполеона и Пьемонта и призывала к народной войне за объединение Италии, к войне против всяких угнетателей — и австрийских и французских. Маркс, называя мадзиниевскую партию «итальянской национальной партией», следующим образом описывает ее позицию в войне: эта «...партия заявляет, что поднимать войну за независимость под знаменем Франции и Пьемонта она считает национальным несчастьем», она считает, что инициаторы войны хотят заменить «...одно чужеземное иго другим...» и т. д.<sup>2</sup>. Эту позицию республиканской партии Маркс поддерживает. Но, как только война началась, мадзинисты изменили свою тактику. Они включились в войну, несколько не критикуя при этом ни Пьемонт, ни Наполеона. Республиканцы были охвачены энтузиазмом и героически дрались, одерживая победу за победой. Героизмом особенно отличались добровольцы под командованием Гарибальди.

Энтузиазм гарибальдийцев начал беспокоить пьемонтское правительство, и оно вместе с Наполеоном всячески сдерживало и преследовало их. Их нарочно посылали на такие позиции, где они должны были погибнуть. В их среду посылались наполеоновские провокаторы и полицейские. А храбрый Гарибальди во имя «единства» не только не разоблачал наполеоновскую клику, но даже не посмел упомянуть о ней, замалчивая перед массами истинную цель войны. Вот что Маркс писал об этом:

«...Парижский корреспондент «Times» пишет сегодня, что бонапартисты уже сильно ворчат на «славу» [Гарибальди] и что в его отряд проникло несколько отборных полицейских, посылающих подробные донесения о нем. В полном согласии с указаниями Мадзини Гарибальди в своей прокламации *не* назвал Бонапарта»<sup>3</sup>. Таким образом Бонапарт и Кавур использовали революционную итальянскую буржуазию в своих династических интересах, а вожди революционной буржуазии,

<sup>1</sup> Маркс, Вопрос об объединении Италии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 61.

<sup>2</sup> Там же, т. XI, ч. 2, стр. 64.

<sup>3</sup> Маркс, Письмо к Энгельсу от 1 июня 1859 г. Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXII, стр. 417.

<sup>1</sup> Маркс, Симптомы приближения войны, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 140.

которые хорошо знали планы инициаторов войны, решили пожертвовать своими принципами ради единства Италии. Здесь опять сказывалась боязнь «внутренних раздоров», какую мы видели у Мадзини и Гарибальди еще в 1848—1849 гг. Убеденный республиканец, ненавидевший всякий деспотизм, Гарибальди писал: «Я привык подчинять любые свои политические убеждения цели объединения Италии, каким бы путем это ни происходило»<sup>1</sup>. Но республиканцы скоро получили наглядный урок, к чему ведет их борьба под знаменами Виктора-Эмануила и Наполеона. Уроком послужил Виллафранкский мир.

Охваченная энтузиазмом итальянская армия и не менее воодушевленные солдаты наполеоновской армии, думавшие, что они несут свободу своим итальянским братьям, быстро разбили австрийцев. В июне австрийская армия потерпела два крупных поражения (при Мадженте и при Сольферино). Соединенная армия заняла Ломбардию.

Наполеон, видя, что народное движение в Италии приняло угрожающий характер и может привести к нежелательным для него последствиям (объединение Италии, лишение папы светской власти и др.), и, видя далее, что после одержанных побед он уже сможет добиться от австрийского императора нужных ему уступок, решил кончить войну и заключил мир с Францом-Иосифом (в Виллафранке 11 июня). Содержание мирного договора приблизительно следующее: австрийский император уступает французскому императору Ломбардию, которую тот затем «дарит» Сардинии; Италия превращается в конфедерацию конституционных монархий под почетным председательством папы; изгнанные народным движением из своих владений герцоги получают обратно свои владения и возвращаются в них; верховная власть в Венеции остается за Австрией.

Маркс со всей силой обрушился на эту проделку европейского деспота, стремившегося вначале войной, а затем Виллафранкским миром усилить реакцию в Европе и задушить революцию. Маркс указывал, что в результате Виллафранкского мира «...независимость Италии превратилась в зависимость Ломбардии от Пьемонта, а Пьемонта от Франции...», что «...вместо независимого Пьемонта возникла наполеоновская сатрапия»<sup>2</sup>. Этот мир разоблачил всю наполеоновскую

клику и пьемонтскую либеральную буржуазию. Оценивая последствия мира с точки зрения его значения для разных стран и партий, Энгельс писал:

«Для нас ничего не могло бы быть желательнее *такого мира* (т. е. позорного мира. — В. Н.), разве только продолжение войны. Пруссия опозорена, Австрия опозорена, Бонапарт опозорен, Сардиния и вульгарный итальянский либерализм опозорены, Англия опозорена, Кошут уничтожен, Фогт<sup>1</sup> и компания опозорены, не выигрывает никто кроме русских и революционеров; Лассаль назвал бы это «чисто революционной ситуацией». Но его превосходительство... особенно опозорен»<sup>2</sup> (заметьте: Лассаль с его тактикой в войне «особенно опозорен», о нем у нас будет подробно речь ниже).

Этот позорный мир вызвал возмущение народных масс в Франции и Италии. Во Франции массы увидели, что не для освобождения Италии Бонапарт повел свою армию в Ломбардию; широкие массы Италии начали понимать, что не за воссоединение и освобождение страны Виктор-Эммануил начал войну. Особенно были возмущены народные массы Сардинии, обманутые лживым патриотизмом савойской династии. На многих из колеблющихся республиканцев это подействовало отрезвляюще. Вот что Маркс писал об этом:

«*Наполеоновский мир* превосходит все мои ожидания. Вчера вся французская революционная шайка в Лондоне ликовала, Луи Блан бегал как очумелый, а итальянцы скрежетали зубами. Даже Мадзини, хотя он сам за шесть недель до окончания войны *предсказал* ее результаты, все же затем поддался иллюзии, что Бонапарт, по крайней мере, выкинет австрийцев из Италии»<sup>3</sup>.

И Мадзини и Гарибальди начали понимать теперь, что Италию можно освободить только революционной войной народа. Вот что пишет сам Гарибальди:

«Я скоро понял, с кем я имею дело и чего от меня хотят... но что я мог предпринять? Нужно было выбрать наименьшее зло. Гарибальди пришлось играть в прятки... Добровольцы должны были знать, что он в Турине, для того чтобы можно было собрать их вокруг него (Гарибальди. — В. Н.). Но в то

<sup>1</sup> Гарибальди, Мои мемуары, «Молодая гвардия», 1931, стр. 65.

<sup>2</sup> Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XI, ч. 2, стр. 228—229.

<sup>1</sup> Фогт—немецкий эмигрант, буржуазный политический деятель. В описываемый период он был агентом Бонапарта. Маркс его блестяще разоблачил в своей книге «Господин Фогт» (см. Сочинения, т. XII, ч. 1).

<sup>2</sup> Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXII, стр. 422.

<sup>3</sup> Маркс, Письмо к Энгельсу от 14 июля 1859 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXII, стр. 421.

же время Гарибальди просили оставаться на заднем плане и не давать повода для дипломатических обвинений»<sup>1</sup>.

И хотя Гарибальди понял, что монархическая клика использовала его для приманки добровольцев; хотя он после этого не выбирал «меньшего зла» и ему пришлось даже *вступить в сражение с пьемонтским войском*; хотя он повернул немного влево (он вышел из «Национального общества», которое было легальным и в котором было много ренегатов республиканизма) — он все же продолжал колебаться. Гарибальди и впредь готов был услужить Виктору-Эммануилу II, лишь бы тот разрешил ему вторгнуться в какую-нибудь область Италии, чтобы затем присоединить ее к Сардинии. И это дало повод Энгельсу подозревать Гарибальди в том, что он играет «двусмысленную роль». Вот что он писал по поводу использования Гарибальди Виктором-Эммануилом:

«Гарибальди играет, повидимому, несколько двусмысленную роль. Это не к лицу такому генералу. Он был вынужден протянуть чорту мизинец, а теперь уже, кажется, чорт схватил у него всю руку. Для Виктора-Эммануила, разумеется, было как нельзя более разумным сначала эксплуатировать [Гарибальди], а потом погубить его. Еще один пример того, как далеко можно зайти в революциях с «одним практицизмом». Его все же жаль. С другой стороны, превосходно, что разоблачается ложь, будто Пьемонт является представителем итальянского единства»<sup>2</sup>.

И, будучи врагом монархии и либеральной буржуазии, Гарибальди благодаря этому «практицизму» еще неоднократно давал себя использовать Виктору-Эммануилу и Кавуру в интересах савойской династии.

### 3. Тактика Маркса и Энгельса в итальянской войне 1859 г.

Маркс и Энгельс неустанно критиковали вождей итальянской революционной буржуазии за их шатания и нерешительность. Считая революционную буржуазию «передовым бойцом за национальную независимость» (Энгельс), что являлось тогда важнейшим вопросом революционного движения в Италии, Маркс и Энгельс старались подталкивать эту

буржуазию и выправить ее линию. Вопрос об отношении пролетариата Европы и пролетарской партии к итальянской войне Маркс и Энгельс поставили задолго до войны, когда уже видно было, что война и революция неизбежны в Италии. Основоположники марксизма считали, что «успешная революция в Италии послужит сигналом к общей борьбе всех угнетенных национальностей с целью освободиться от своих угнетателей». А войну, начавшуюся в любом месте Европы в тот период, они считали предвестником революции. «...Война не ограничится пределами простой борьбы, — писал Маркс, — ведущейся между двумя самодержавными правительствами и решаемой действием обученных армий. В своем дальнейшем развитии она превратится в общий революционный пожар континентальной Европы, из которого повидимому едва ли многим из нынешних правителей удастся спасти свои короны и свои династии... Серьезное поражение на поле битвы вызовет революционное движение во Франции или Австрии...»<sup>1</sup>.

Поэтому понятно, что перед Марксом и Энгельсом остро встал вопрос о тактике в надвигающейся итальянской войне. Основное же в их тактике заключалось в том, чтобы начавшуюся войну использовать для развязывания национально-освободительного революционного движения, чтобы в результате войны *революционным путем воссоединить Германию и Италию* и свергнуть деспота Бонапарта с пошатнувшегося трона.

Еще до начала войны Маркс и Энгельс разоблачали лживые заявления Луи Бонапарта о якобы его намерениях освободить Италию «от Альп до Адриатического моря». Вмешательство Франции в итальянскую войну они рассматривали как интригу русского царя с целью укрепиться в Европе.

«...Подобно тому как тронная речь короля маленькой Сардинии была предварительно просмотрена в Париже, точно так же новогодний выпад Бонапарта (Малого) явился всего лишь эхом лозунга, данного из Петербурга», — писал Маркс в январе 1859 г. по поводу заявлений Наполеона III и Виктора-Эммануила II, заявлений, предзнаменовавших войну<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Маркс, Вопросы об объединении Италии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 65; его же, Прусская точка зрения на войну, там же, т. XI, ч. 2, стр. 174.

<sup>2</sup> Маркс, Перспективы войны в Европе, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 68.

<sup>1</sup> Гарибальди, цит. соч., стр. 65 — 66.

<sup>2</sup> Энгельс, Письмо к Марксу от 4 ноября 1859 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXII, стр. 452.



Маркс и Энгельс указывали на существование тайного союза между реакционной Россией и Францией, стремившихся вернуть Европу к эпохе Священного союза. Они указывали, что бонапартистское «освобождение» Италии является лишь предлогом к ее подчинению императорскому деспотизму, что очищение реки По от австрийцев служит лишь предлогом для завоевания левого берега Рейна. Бонапартом и что при помощи войны император хочет создать громоотвод против революционного движения, чтобы дольше держать Францию под ярмом.

Этим реакционным планам Маркс и Энгельс противопоставляли лозунг объединения Германии и Италии «снизу», революционным путем, и лозунг войны против Наполеона III и России, бывших главным препятствием для национально-освободительного движения. Но вопрос осложнялся тем, что в Италии движение было направлено против угнетавшей ее Австрии, противником которой сейчас выступал Наполеон. Неужели революционной демократии воевать вместе с угнетающей Италию Австрией против Наполеона, выступающего вместе с итальянцами против австрийцев? Для подробного ответа на этот вопрос и для выяснения тактики революционной демократии и была написана Энгельсом (по согласованию с Марксом) накануне войны брошюра «По и Рейн»<sup>1</sup>.

Энгельс выступает здесь против великогерманских шовинистов, утверждавших, что для защиты общегерманских интересов Австрия должна удерживать за собой Верхнюю Италию и что река По—естественная граница Германии, так как Рейн можно удержать, лишь защищая его на реке По. Энгельс с мастерством военного стратега<sup>2</sup> доказывал (и доказал), что Германия не нуждается в реке По для защиты своих границ и что если исходить из теории «естественных границ», то Франция имеет больше оснований претендовать на Рейн, чем Германия на По. Энгельс доказывал, что не в интересах Германии (и члена Германского союза—Австрии) держать Италию в угнетении и раздробленности. Наоборот, германский народ должен поддерживать освободительное

движение и воссоединение Италии; тогда германский народ будет иметь своим союзником освобожденный итальянский народ, и этим облегчится воссоединение самой Германии. Поэтому Маркс и Энгельс выставляли лозунг единения германского и итальянского народов (имея в виду революционные массы) в борьбе против своих угнетателей. Критикуя шовинистическую великогерманско-австрийскую политику, Маркс и Энгельс не забывали и о Бонапарте, не сделали ему ни одной уступки в его борьбе против Германии. Они указывали, что вопрос о владении Ломбардией и Венецией является вопросом взаимоотношений Италии с Германией (т. е. всего Германского союза), но не Бонапарта с Австрией. «...По отношению же ко всякому третьему, — говорит Энгельс, — каким является Луи-Наполеон, который желает вмешаться лишь во имя своих, заведомо антигерманских интересов, дело сводится лишь к простому удержанию провинции, которую оставляют только тогда, когда к этому бывают принуждены, дело сводится к удержанию военной позиции, которую очищают лишь тогда, когда не могут ее более защищать. Политический вопрос в этом случае немедленно отступает перед вопросом военным: на нас нападают—мы защищаемся»<sup>1</sup>.

Таким образом вопрос о Верхней Италии должны решить германский и итальянский народы, революционные массы, но не отдельные монархи. И поскольку Бонапарт (а за его спиной и Россия) нападает на Австрию, имея в плане завоевание Рейна, германский народ должен быть «патриотичен», так как победа деспотического императора принесет неслыханное усиление реакции во всей Европе и новые бедствия народных масс Германии. Поэтому Маркс и Энгельс призывали к народной войне против Бонапарта и к защите Австрии от его поползновений.

«Нужно надеяться, — писал Энгельс, — что в случае войны германские солдаты на деле будут с большим успехом защищать Рейн на реке По, чем это теоретически делают проповедники средне-европейской великой державы»<sup>2</sup>.

Учитывая патриотическое настроение народных масс в Германии, их ненависть к бонапартизму, а также не-

<sup>1</sup> Этот же вопрос более подробно разбирают Энгельс в своей брошюре «Савойя, Ницца и Рейн» и Маркс в ряде других статей.

<sup>2</sup> Из политических соображений Энгельс первое издание брошюры выпустил анонимно, и это ввело в заблуждение некоторых видных военных специалистов, считавших, что брошюра принадлежит какому-нибудь генералу—крупному военному знатоку.

<sup>1</sup> Энгельс, По и Рейн, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 49.

<sup>2</sup> Там же, стр. 42. Идею создания такой державы под главенством габсбургской Австрии особенно усердно проповедовала «Augsburger Allgemeine Zeitung». Эту убогую идею Энгельс саркастически высмеивал в брошюре «По и Рейн».

способность немецких правительств вести национальную войну, Маркс и Энгельс считали, что в процессе войны всей Германии против Бонапарта слетят со своих тронов немецкие монархи, что война на ходу превратится в революционную войну, сокрушит наполеоновскую империю и приведет к воссоединению Германии и Италии революционным путем. Понятно, что в такой войне наравне с другими потерпела бы крушение и австрийская монархия и этим прекратилось бы владение Австрией Верхней Италией. Таким образом призыв Маркса и Энгельса к поддержке Австрии не был защитой ее против итальянцев, а против Бонапарта, что должно было привести (в случае вмешательства в войну всего Германского союза) к революции и в Германии, и в Италии, и во Франции.

Против этой тактики Маркса и Энгельса выступал Лассаль, считавший ее «австрофильской». Лассаль, со своим ограниченным кругозором «прусского социалиста», не понимал тактики Маркса и Энгельса, исходившей не из узких «германских интересов», а из интересов европейской революции. Маркс и Энгельс в своей тактике в австро-франко-итальянской войне 1859 г. решали «вопрос о том, успех какой стороны желательнее», они решали, что «является центральным злом» (Ленин) и победа какой стороны дает больше простора революционному движению. Мы уже видели, что в революции 1848 г. главными врагами революции были Россия и Австрия. И Маркс и Энгельс призывали тогда к войне против этих двух деспотических государств в первую очередь. В период австро-франко-итальянской войны главными врагами европейской революции были герой государственного переворота деспот Бонапарт и опять-таки старая Россия. Поэтому Маркс и Энгельс призывали к войне против них в первую очередь, конечно не забывая о второстепенных врагах и не переставая вести борьбу с ними. Вот чрезвычайно интересный документ, излагающий тактику Маркса и Энгельса в войне, мотивы, какими они руководствовались при построении этой тактики, борьбу различных фракций и положение дел в революционной партии Германии:

«...Положение революционной партии в Германии,— писал Маркс,— в данный момент безусловно затруднительно, но оно становится ясным при некотором критическом анализе обстоятельств. Что касается «правительств», то очевидно, что со всех точек зрения, хотя бы в интересах *существования* Германии, следует предъявить требования *не* оставаться

*нейтральными*, а быть *патриотическими*. Революционное же острие должно быть придано всему делу просто тем, что антагонизм к *России* будет подчеркнут еще сильнее, чем антагонизм к Бустрапе (Наполеон III.—В. Н.). Это должен был сделать Лассаль в противовес антифранцузскому крику «Новой прусской газеты». В то же время это как раз *тот* пункт, который на практике в ходе войны приведет немецкие правительства к государственной измене, и тогда их можно будет схватить за шиворот. Вообще же, если Лассаль берет на себя смелость говорить от имени партии, то на будущее время он либо должен быть готов к тому, что мы его открыто дезавуируем, если обстоятельства будут слишком серьезны, для того, чтобы с ним церемониться, либо же, вместо того чтобы вдохновляться огнем и логикой, он должен предварительно столкнуться с людьми, которые могут стоять на другой точке зрения. Мы должны теперь непременно поддерживать партийную дисциплину, иначе все пойдет на смарку.

Путаница в головах достигла удивительных размеров... Для одного сорта вульгарных демократов (некоторые честные из них думают, что поражение Австрии, дополненное революцией в Венгрии, Галиции и т. д., вызовет революцию в Германии, болваны забывают, что *теперь* революция в Германии, т. е. дезорганизация ее армии, пойдет на пользу не революционерам, а России и Бустрапе), разумеется, чистое удовольствие иметь возможность дуть в одну дудку с декабриствующими (бонапартистскими.—В. Н.) венгерцами, поляками... и итальянцами... Среди наших собственных партийных друзей и других честных революционеров господствует настоящий страх, что война против Бустрапе вернет нас к эпохе 1813—1815 гг.... Имея в виду эту путаницу и то, что, по моему мнению, в настоящее время решаются судьбы Германии, я считаю необходимым для нас обоих выпустить партийный манифест»<sup>1</sup>.

Повидимому обстоятельства не позволили Марксу и Энгельсу издать упомянутый манифест, но приведенный выше отрывок из письма Маркса дает достаточно яркую картину борьбы, какую приходилось вести Марксу и Энгельсу против существовавшей путаницы даже в своих собственных рядах. Одновременно здесь же изложена сама суть их тактики. Как видим, Маркс считает, что первым делом нужно было

<sup>1</sup> Маркс, Письмо к Энгельсу от 18 мая 1859 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXII, стр. 406—407.

нанести поражение Бонапарту и России (а не Австрии, от чего первые выиграли бы только); от германских же правительств нужно было требовать, чтобы они «были патриотичными» в расчете, что это их «приведет к государственной измене» и тогда им можно будет сломать шею, и короны немецких государей — в том числе и австрийских Габсбургов — полетят одна за другой. В этом и заключался марксовский план воссоединения Германии и Италии «снизу», революционным путем, план создания единой итальянской и германской (со включением Австрии) республики.

Важно отметить, что выработанная Марксом и Энгельсом тактика не оставалась для них лишь «теорией», лишь принципиальной позицией; они приложили все усилия, чтобы именно согласно этому своему плану разворачивались события; они сами, поскольку это только было возможно, старались взять руководство движением в свои руки, имея для этого связь с руководителями национально-освободительного движения в странах, где движения тогда происходили. Так например, с Гарибальди и Мадзини, несмотря на крупнейшие разногласия, отделявшие Маркса и Энгельса от этих буржуазных революционеров, они держали непосредственную связь, стараясь повлиять на них, научить их подлинно революционной тактике. Как только была написана Энгельсом брошюра «По и Рейн», Маркс потребовал у Энгельса экземпляр для посылки Мадзини, надеясь, что брошюра повлияет на его тактику. «Пришли мне для Мадзини твой «По и Рейн», — пишет Маркс. — Я напишу несколько сопроводительных слов или *лучше напиши ты сам*»<sup>1</sup>.

Маркс и Энгельс в данном случае показывали образец руководства в проведении в жизнь пролетарской тактики. Против этой тактики Маркса и Энгельса выступал один из основоположников оппортунизма в рабочем движении, Ф. Лассаль. Лассаль вопреки призыву Маркса и Энгельса к партийной дисциплине, полемизируя с брошюрой Энгельса «По и Рейн», выпустил спустя месяц брошюру «Итальянская война и задачи Пруссии». В этой брошюре Лассаль прямо обращается к реакционному прусскому правительству и предлагает ему выступить на помощь Наполеону и разгромить Австрию, чтобы потом создать так называемую малую Германию (без Австрии) под главенством Пруссии. Разгром

Австрии являлся для Лассалья первейшим условием воссоединения Германии. Лассаль считал, что в итальянской войне Бонапарт взялся за «большое, справедливое, цивилизаторское и в высшей степени демократическое дело»<sup>1</sup>. Лассаль считал, что хотя Луи-Наполеон как личность — деспот, но принципы, на которых он должен основывать свое господство, являются демократическими. Поэтому Лассаль считал, что борьба против Наполеона была франкофобией. «Если Луи-Наполеон борется за великое и истинно народное дело только для того, чтобы с помощью отклика, который оно находит в сердце народов, получить несколько грошей популярности, то надо отказать ему в этих грошах. Но как может у людей, обладающих обыкновенным здравым смыслом, явиться теперь желание самим поднять меч против дела?», — вопрошает Лассаль<sup>2</sup>.

Таким образом Лассаль поддался влиянию бонапартистской демагогии о том, что Луи-Наполеон принялся за «освобождение» Италии. Поэтому он считал, что император французов, разгромив Австрию, помогает объединению Германии. Лассаль прямо выражает интересы прусской буржуазии, когда он заявляет: «Единственным достойным и великим поведением, отвечающим одинаково интересам немецкой нации и Пруссии, было бы следующее заявление Пруссии: «Наполеон исправляет на юге европейскую карту согласно принципу национальностей. Хорошо, мы сделаем то же на севере. Наполеон освобождает Италию. Хорошо, в таком случае мы берем Шлезвиг-Гольштинию». И, сделав такое заявление, отправить наши войска против Дании»<sup>3</sup>.

Это и есть по сути дела та политика, которую несколько лет спустя проводил юнкер Бисмарк в шлезвиг-голштинском вопросе. И это называлось у Лассалья «выступлением в защиту итальянского народа»! Лассаль заявляет: «Пусть прусское правительство будет уверено: в этой войне, которая настолько же в интересах немецкого народа, насколько и Пруссии, сама немецкая демократия несла бы прусское знамя и с наступательной силой опрокидывала бы все преграды, встречающиеся ей на пути»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> F. Lassalle, Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens, Gesammelte Reden und Schriften, herausg. von Ed. Bernstein, Berlin 1919, B. I, S. 43.

<sup>2</sup> Ibid., S. 30.

<sup>3</sup> Ibid., S. 107.

<sup>4</sup> Ibid., S. 112.

<sup>1</sup> Маркс, Письмо к Энгельсу от 27 мая 1859 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXI, стр. 415.

На заявление, что Бонапарт стремится к завоеванию Верхней Италии, Лассаль отвечает, что он не имеет ничего против, если только Германия получит компенсацию за это.

«Самое большое, к чему Наполеон может стремиться, — говорит Лассаль, — если он преследует завоевательные цели, это присоединение Савойи к Франции».

И неизбежное рано или поздно соединение Савойи — французской по языку, положению, воззрениям и условиям сообщения — с Францией не может вызвать больше никаких возражений с того момента, как только Германия получит компенсацию, уравнивающую это территориальное увеличение Франции»<sup>1</sup>.

Лассаль, не веря в движение народных масс за объединение «снизу», обращался к монархам с призывом переоройки карты Европы «по национальному принципу»; он обращался к Пруссии *как к гегемону* в объединительном движении и обещал «поддержку демократии» этому прусскому способу объединения. При этом как покровитель воссоединения и Италии и Германии у него выступает Бонапарт. В этой тактике Лассалья — залог его позднейших заигрываний с князем Бисмарком, здесь имеются зернышки бисмарковского «социализма». Интересно отметить, что даже эпиграф, взятый Лассалем (у Виргилия) для брошюры, говорит сам за себя: по эпиграфу уже можно определить основной смысл брошюры. «Если я не смогу склонить богов, то я приведу в движение живущих там, внизу», — гласит этот эпиграф. Вот это-то «если» очень характерно для Лассалья: вначале он пробует «склонить богов» (читай: Бисмарков), а уже затем, когда у него ничего не выходит, он обращается к «живущим внизу». Поэтому-то Ленин и писал, что «Лассаль поглядывал больше не вниз, а вверх, заглядывался на Бисмарка»<sup>2</sup>.

Маркс и Энгельс со всей свойственной им резкостью осудили оппортунистическую и фактически бисмарковскую тактику Лассалья в итальянской войне. Это обострило их отношения с ним, и через два года Маркс даже прервал переписку с Лассалем. О самой брошюре Лассалья по поводу итальянской войны Маркс писал в письме к Энгельсу: «Этот балбес (Лассаль. — В. Н.) должен снова впутаться своим «анонимным» памфлетом, который написал потому, что ему не давал спать твой «анонимный» памфлет («По и Рейн»))».

<sup>1</sup> F. Lassalle, Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens, Gesamelte Reden und Schriften, herausg. von. Ed. Bernstein, Berlin 1919. B. I. S. 83.

<sup>2</sup> Ленин, «Под чужим флагом», Сочинения, т. XVIII, стр. 104.

В другом письме Маркс пишет, что памфлет Лассалья — «громкая ошибка»<sup>1</sup>.

Социал-демократические историки пытаются оправдать тактику Лассалья и опорочить тактику Маркса в итальянской войне. Так например махровый оппортунист Эдуард Бернштейн считает, что «трудно решить, какая тактика (Маркса или Лассалья. — В. Н.) была более правильной, так как война разыгралась иначе, чем это предполагали обе стороны»; что Лассаль хотя и обращался с призывом к прусскому правительству, «но с точки зрения своих предпосылок он действовал последовательно и демократично»<sup>2</sup>. Тем, что война разыгралась иначе, чем хотели обе стороны, оппортунист Бернштейн оправдывает ложную тактику Лассалья, именно мешавшего, чтобы война разыгралась так, как это желательно было для революционного движения. В другом месте<sup>3</sup> Бернштейн пишет, что вообще Маркс и Энгельс не всегда были правы в их отношении к Лассалю. Об этих оппортунистических выпадах Бернштейна Ленин писал:

«...Вместо точной, ясной, прямой характеристики оппортунистических ошибок Лассалья и Швейцера, разоблачаемых Марксом и Энгельсом, встречаешь (в предисловии Бернштейна к переписке Маркса и Энгельса. — В. Н.) эклектические фразы и выпады вроде того, что «Маркс и Энгельс не всегда были правы против Лассалья». Никакого иного содержания, кроме прикрытия и подкрашивания оппортунизма, в этих выпадах нет»<sup>4</sup>.

Франц Меринг — один из лучших представителей старой германской социал-демократии — считает, что никаких принципиальных разногласий в тактике в итальянской войне между Марксом — Энгельсом и Лассалем не было, что спорящие стороны «исходили из противоположных фактических предпосылок» и поэтому у них были различные мнения. И мимоходом Меринг отмечает, что «Лассаль по существу правильное оценил фактические предпосылки». Здесь условно на Меринге сказывалось влияние лассальянства, от которого он не был свободен. Но Меринг не только *замазывает* принципиальные разногласия между Марксом и Лас-

<sup>1</sup> Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXII, стр. 406 и 412.

<sup>2</sup> Биографический очерк Бернштейна к сочинениям Лассалья, изд. «Круг», т. I, стр. 30.

<sup>3</sup> См. предисловие Бернштейна к немецкому изданию переписки Маркса и Энгельса.

<sup>4</sup> Ленин, «Переписка Маркса и Энгельса», Сочинения, т. XVII, стр. 29.

сalem, он идет гораздо дальше: он оправдывает оппортунистическую и по сути дела бонапартистскую позицию Лассалья и пытается дискредитировать Маркса. Меринг считает, что «тактика Лассалья (в итальянской войне. — В. Н.) была во всех отношениях ясна и революционна», Маркс же «вынужден был (через год. — В. Н.) анализировать историю предыдущего года и приходит к выводам, которые в сущности делают очень большие уступки тактике Лассалья». Заканчивает же Меринг свою оценку полемики между Марксом — Энгельсом и Лассалем следующим образом: «Вообще при ретроспективном взгляде на весь спор приходишь к выводу, что Маркс и Энгельс понимали европейскую политику глубже и шире Лассалья, но в том пункте, в котором он расхожился с их воззрением, Лассаль видел положение вещей яснее и отчетливее их, а именно этот пункт был решающим для Германии»<sup>1</sup>.

Таким образом в решающем пункте революционного движения, каким тогда являлось национально-освободительное движение Германии и Италии, по мнению Меринга, «был прав» Лассаль, ориентировавшийся на объединение «сверху» и поддерживавший планы Бонапарта и Бисмарка, и неправы были Маркс и Энгельс, державшие ставку на объединение «снизу», революционным путем. Эта оценка Меринга не имеет ничего общего с марксистской оценкой деятельности Лассалья. Позднее, когда Энгельсу стало известно о заигрываниях Лассалья с Бисмарком, он писал в письме к Каутскому в 1891 г.:

«Лассаль... будучи до 1862 г. на практике специфически вульгарным демократом с сильными бонапартистскими наклонностями... (здесь Энгельс имеет в виду его тактику в итальянской войне. — В. Н.), ...по причинам личного характера внезапно переменял фронт и начал свою агитацию. И едва прошло два года, как он стал добиваться, чтобы рабочие стали на стороне короля против буржуазии, и завел такие интриги с родственником ему по характеру Бисмарком, что это неизбежно должно было привести к фактической измене движению, если бы он, на свое счастье, не был во-время застрелен»<sup>2</sup>.

Посмотрим, как обстояло дело с «уступками», которые Маркс и Энгельс, по мнению Меринга, якобы «вынуждены были делать Лассалю». Об этом имеется не лишнее юмора и остроты письмо Энгельса к Марксу. Уже более чем через год после выхода энгельсовой брошюры «По и Рейн» и после получения от Лассалья письма, в котором автор (подобно Мерингу) воображает, что Маркс и Энгельс признают его правоту в итальянском вопросе, Энгельс писал:

«Письмо нашего Лассалья очень развеселило меня, или, вернее, вызвало улыбку; это должно быть отличное лекарство для твоей печени... Лучше всего, что парень воображает, будто *теперь-то* мы признаем его правоту в итальянском вопросе!!! *Теперь*, когда революционная партия в самой Италии непосредственно нападает на Кавура и угрожает ему. Это наивно. Теперь, когда Гарибальди должен будет напасть на Бонапарта в Риме, мы должны признать, что весной этого года мы должны были идти с Кавуром и Бонапартом и — кто знает — быть может и теперь еще идти с ним»<sup>1</sup>.

Это письмо может быть не только хорошим лекарством против больной печени, но и лекарством против оппортунистического оправдывания Мерингом бонапартистских выходов Лассалья. У нас есть все основания утверждать, что Меринг, принимавший активное участие в редактировании и издании переписки между Марксом и Энгельсом, знал об этом письме и просто сознательно замалчивал критику позиций Лассалья Марксом и Энгельсом. Мы нарочно цитировали по немецкому изданию (1913 г.) переписки Маркса и Энгельса, в которое вошло это письмо. Меринг — один из редакторов этого издания — не мог не знать этого письма.

Наконец остановимся еще немного на одном «критике» тактики Маркса и Энгельса в итальянской войне — на Рязанове. Меньшевик Рязанов не решается прямо опорочить Маркса и Энгельса и открыто оправдывать Лассалья. Он это делает свойственным ему контрабандным способом. Видите ли, в своей тактике в итальянской войне «все трое (Маркс, Энгельс и Лассаль) стояли на почве «Коммунисти-

<sup>1</sup> Меринг, Карл Маркс, Соцэкгиз, 1934, стр. 233—234; его же, История германской социал-демократии, т. II, Гиз, 1925, стр. 277—280.

<sup>2</sup> Маркс, Критика Готской программы, приложение «Письма Энгельса», ИМЭЛ, 1933, стр. 72—73.

<sup>1</sup> «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx», herausg. von A. Bebel und Ed. Bernstein, Stuttgart 1913, B. II, S. 404—405. Издатели вывели из текста письма прозвище «Бизельтир» (проницательный человек), которым Маркс и Энгельс часто называли Лассалья. Ср. с текстом письма в русском издании сочинений Маркса и Энгельса, т. XXII, стр. 526.

ческого манифеста», их разногласия были «разногласиями между социал-демократами, стоящими на одной марксистской платформе»; разница во взглядах Маркса—Энгельса и Лассалья объясняется «различными объективными условиями» и т. д. Лассаль увлекался «желанием тотчас же добиться осязательного, непосредственного успеха, желая быть... не доктринером», и его «мягкое отношение к официальной Пруссии и России... оставалось увлечением публициста, писавшего не от имени партии» и т. д. и т. п.<sup>1</sup>

Ну, а мы скажем: «мягкое отношение» меньшевика Рязанова к Лассалю объясняется отнюдь не увлечениями «беспартийного» публициста... а это является клеветой вполне «партийного» меньшевика на Маркса. Смысл этой рязановской стряпни заключается в том, чтобы «доказать», что практичный Лассаль добивался «непосредственного успеха» не так, как «доктринер» Маркс, думавший о каких-то отвлеченных принципах партии.

Все эти оппортунистические попытки оправдывать тактику Лассалья и опорочить тактику Маркса и Энгельса в итальянской войне — а это наиболее четко, как это ни странно, проявил Меринг в своих литературных работах — получили должную оценку Ленина.

«Мы думаем,—писал Ленин,—что прав был (вопреки Мерингу) Маркс, а Лассаль был и тогда, как и в своих заигрываниях с Бисмарком,—оппортунистом. Лассаль приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики. Маркс же поощрял, развивал самостоятельную, последовательно-демократическую враждебную национально-либеральной трусости политику (вмешательство Пруссии против Наполеона в 1859 г. подтолкнуло бы народное движение в Германии). Лассаль поглядывал больше не вниз, а вверх, заглядывался на Бисмарка. «Успех» Бисмарка нисколько не оправдывает оппортунизма Лассалья»<sup>2</sup>.

Вот как обстояло дело с вопросом о тактике пролетарской партии и революционной демократии в итальянской войне и революции 1859—1860 гг.

#### 4. Революция 1860 г. и оценка Маркса и Энгельса

После Виллафранкского мира, какой бы половинчатой и незаконченной ни была итальянская революция благодаря «отсутствию достаточной силы у демократического национального движения» (Ленин), планы Бонапарта *целиком* осуществить не удалось. И не удалось это именно благодаря вмешательству в дело народного революционного движения «снизу». Подытоживая свою статью о Виллафранкском мире, Маркс писал:

«У Виктора-Эммануила нет никаких средств, чтобы выпутаться из такого униженного положения (позорный мир и планы Бонапарта—В. Н.). Он может только апеллировать к Италии, доверие которой он обманул, или к Австрии, награбленным добром которой его накормили. Весьма возможно однако, что *в дело может вмешаться итальянская революция*, изменить картину всего полуострова и еще раз вывести на сцену Мадзини и республиканцев»<sup>1</sup>.

Случилось именно так, как Маркс предвидел: в дело вмешалась революция, и Мадзини и Гарибальди еще раз вышли на сцену. По всей стране поднялось могущественное движение. Массы были возмущены договором двух императоров о разделении Италии и властвовании в ней. Гарибальди двинулся со своим отрядом в герцогства (Тоскана, Модена, Парма), где уже вспыхнули народные восстания и были прогнаны находящиеся под крылышком Австрии их правители. В Тоскане, Модене, Парме и Романье были образованы временные правительства (сентябрь 1859 г.), и народные собрания постановили присоединиться к Сардинскому королевству, что и было официально оформлено народным голосованием в марте 1860 г. Подавший в отставку после виллафранкского позора Кавур снова вернулся к власти, видя силу народного движения за присоединение к Пьемонту. Как всегда, Кавур старался удерживать народное движение и согласился на присоединение герцогства лишь после санкции Бонапарта на это (конечно за уступку ему Савойи и Ниццы).

Для того чтобы присоединение Савойи и Ниццы к Франции не показалось простой сделкой между Бонапартом и Виктором-Эммануилом, уступившим их императору в компенсацию за герцогства и Ломбардию, решено было провести

<sup>1</sup> Д. Рязанов, Маркс и Энгельс, «Московский рабочий», 1923, стр. 135—138.

<sup>2</sup> Ленин, «Под чужим флагом», Соч., т. XVIII, стр. 104. Курсив наш.

<sup>1</sup> Маркс, Виллафранкский договор, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 230. Курсив наш.

в Савойе и Ницце «народное голосование». Агентами Луи-Наполеона при поддержке Виктора-Эммануила было инсценировано в этих герцогствах «народное движение» за присоединение к Франции. В апреле 1860 г. происходило голосование, и подавляющим большинством голосов вопрос о присоединении их к Франции был решен положительно. По поводу этой сделки бонапартистской и савойской династий Энгельс писал:

«...Пьемонт будет не в силах серьезно защищаться и окажется во власти французов. Это и есть то, что Луи-Наполеон называет созданием «свободной и благородной Италии, которая одной только Франции будет обязана своею независимостью...» Этот с виду невинный план присоединения Савойи и Ниццы означает не что иное, как установление французского господства в Италии»<sup>1</sup>.

Таким образом к началу 1860 г. в результате народного восстания вся Северная и Средняя Италия (за исключением Венецианской области и Рима) были объединены вокруг Сардинии, Италия же потеряла Савойю и Ниццу. Беспокойной оставалась и Южная Италия. Народные массы, узнав, что из герцогств прогнаны австрийские владыки, усилили борьбу против Бурбонов. Республиканская партия решила притти на помощь движению на юге. В мае 1860 г. в Генуе, где партия была наиболее сильна, была снаряжена экспедиция на юг во главе с Гарибальди (знаменитая гарибальдийская тысяча краснорубашечников). Кавур и Виктор-Эммануил, стремившиеся завоевать Южную Италию для савойской династии, не мешали экспедиции Гарибальди, хотя официально отмежевывались от нее. О двулличной политике Кавура по отношению к военным походам Гарибальди Маркс писал:

«Каждое военное движение Гарибальди Кавур встречал сначала дипломатически, а затем военными контр-движениями»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Энгельс, Савойя и Ницца, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 2, стр. 28—29. Ленин, занимаясь изучением национальных движений, дал такую же оценку аннексии Савойи и Ниццы. Инсценировку «народного голосования» по вопросу о присоединении Ленин называл «подделкой воли населения». См. его недавно опубликованную статью (отрывок из подготовляемого к печати «Ленинского сборника» XXX, посвященного национальному вопросу) «Историческая обстановка национальных движений», «Большевик», 1935 г., № 2, стр. 48.

<sup>2</sup> Маркс, Положение дел в Пруссии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 2, стр. 158.

Но как бы то ни было, правящим кругам трудно было остановить новое движение на юге. Преемник «короля-бомбы» (умершего в 1859 г.), Франциск II, видя силу движения, решил дать конституцию в королевстве Обеих Сицилий. Но это не помогло. Юг Италии был охвачен восстанием. Ошибочно было думать, что Гарибальди завоевал юг только своим оружием. В своих статьях о военных походах Гарибальди 1860 г. Энгельс указывает, что *наступлениям Гарибальди всегда предшествовали народные восстания*. Так было в Сицилии и в Неаполе, где восставшие массы встретили «тысячу Гарибальди» с энтузиазмом. Под диктовку Бонапарта Виктор-Эммануил обратился к Гарибальди с письмом, в котором призывал его не идти из Сицилии на материк (в Неаполь). Но великий полководец не слушал его и был встречен в Неаполе еще с большим энтузиазмом народных масс, чем в Сицилии<sup>1</sup>.

В сентябре 1860 г. в руках Гарибальди уже была вся Южная Италия, и он был провозглашен диктатором. Тогда он решил предпринять поход в Папскую область. Теперь перепуганные Виктор-Эммануил и Кавур по требованию Наполеона решили отправить сардинскую армию навстречу Гарибальди. «Самый податливый слуга французского импе-

<sup>1</sup> Важно отметить неправильную оценку, которую дает т. А. В. Луначарский Гарибальди как деятелю национально-освободительного движения Италии. Если Маниным т. Луначарский всячески восхищается, то Гарибальди он без всяких оснований ненавидит. Тов. Луначарский считает, что Гарибальди «с раннего возраста проявлял себя авантюристом» и что в эмиграции он жил как «типичный авантюрист» (?!!) и т. д. и т. п.

Дело доходит до того, что т. Луначарский питает даже физическое отвращение к Гарибальди, называя его «косматым львом» и т. п. Тов. Луначарский отрицает за Гарибальди всякий военный талант; все его военные походы, в том числе и поход на юг в 1860 г., он считает авантюрами, а вступление в Неаполь «блистательной авантюрой». В своих столкновениях с австрийскими войсками Гарибальди «никогда не везло» и т. д. (см. статью т. Луначарского о Гарибальди в БСЭ). Эта неправильная оценка деятельности Гарибальди совершенно расходится с изложенными выше фактами и с оценкой Гарибальди Марксом и Энгельсом. Что касается военного таланта Гарибальди и его геройства, то Энгельс писал об этом:

«Австрийцы недооценивали этого человека (Гарибальди. — В. Н.), которого они называют атаманом разбойников, а между тем, если бы они потрудились изучить историю осады Рима (1849 г. — В. Н.) и его похода из Рима в Сан-Марино, то они признали бы в нем человека необычайного военного таланта и вылающего бесстрашия» (см. Энгельс, Стратегия войны, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 183).

Нам совершенно не нужно приукрашивать Гарибальди, но нельзя отрицать (как это делает т. Луначарский), что он был одним из лучших представителей революционной буржуазии.

ратора», как называл Маркс Кавура, испугался, чтобы революционное республиканское движение не привело к падению монархии савойской династии во всей Италии. Король Виктор-Эммануил выпустил прокламацию, в которой призывал народ к примирению с монархией и объявил «конец революции». Гарибальди и республиканскую партию он в этой прокламации проклинал за «утверждение анархизма» на юге Италии, а сам двинул свои войска в королевство Обеих Сицилий для установления «порядка». Таким образом «объединители» Италии—Виктор-Эммануил и Кавур—решили использовать народное движение на юге в интересах савойской династии. Об этой контрреволюционной политике Кавура Маркс писал:

Кавур «...решил присоединить кусок за куском те части итальянской территории, которые может завоевать меч Гарибальди или которые смогут оторвать от прежних властителей народные восстания. Этот процесс присоединения к Пьемонту территорий по частям должен был сопровождаться в то же время другим процессом «компенсации» в пользу Второй империи»<sup>1</sup>.

Вот в чем заключалась суть кавуровской политики. Это была политика в интересах двух династий—савойской и бонапартистской.

Пьемонтское правительство требовало от Гарибальди присоединения к Пьемонту, но Гарибальди не спешил с присоединением. Присоединение было фактически вынуждено 20-тысячной пьемонтской армией, находившейся в Неаполе. По вопросу о присоединении происходила упорная борьба между монархистами и республиканцами Юга. Интересно отметить здесь колебания Гарибальди и более правильную позицию по сравнению с ним у Мадзини. Мадзини требовал от Гарибальди провозглашения Южной Италии республикой. Но ненавидевший папство Гарибальди считал более важным предварительное завоевание Папской области, после чего можно было бы, по его мнению, говорить о принципах правления. При этом он исходил из своей губительной тактики—не укрепляться в завоеванных местах, а совершать безостановочные походы в новые районы, чтобы клочками присоединить их к Сардинской монархии. Для Гарибальди дороже всего было единство Италии, под каким бы правлением это ни

осуществлялось. После уроков 1848—1849 гг. Мадзини не заходил уже так далеко, хотя у него было еще много путаницы в идеях и нерешительности на практике. Гарибальди в своих мемуарах считает себя правым в данном вопросе (присоединение) и ошибочной считает позицию Мадзини. Посмотрим, каково мнение Энгельса об этом. Узнав о походе Виктора-Эммануила со своей армией на юг, чтобы помешать Гарибальди вторгнуться в Папскую область, Энгельс писал Марксу:

«...Важно было бы разбить неаполитанцев (Энгельс имеет в виду монархистов.—В. Н.) как можно скорее, а затем втянуть неаполитанцев в братание раньше, чем к ним при-

<sup>1</sup> Маркс, Интересные новости из Сицилии, июль 1860 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 2, стр. 95 и 96.



будет Виктор-Эммануил. Иначе будет поздно, и они останутся верны Виктору-Эммануилу»<sup>1</sup>.

Таким образом важно было укрепиться на юге и не итти дальше, разбить монархистов и провозгласить республику еще до того, когда туда прибудет кавуровская клика с Виктором-Эммануилом во главе. Тогда возможно, что весь ход революции принял бы другой оборот: завоевав и укрепив республику на Юге, можно было бы двинуться в поход против монархии Северной Италии. Но чего можно требовать от буржуазных революционеров? Здесь сказывалась их ограниченность, дальше они пойти не могли. А пролетариат был слишком слаб, чтобы руководить движением или по крайней мере заставить буржуазию итти дальше.

«Злая судьба нашей страны — это междоусобицы, тормозящие ее успехи», — говорил республиканский диктатор Юга Гарибальди. И этим он руководствовался, когда там происходила отчаянная классовая борьба между «плебейскими» массами, буржуазией и дворянством, между республиканцами и монархистами. Не развязывание классовой борьбы, а примирение классовых интересов после захвата власти — вот чем руководствовались даже наиболее революционные представители итальянской мелкой буржуазии. И это погубило революцию.

Таким образом после долгих колебаний буржуазных революционеров, когда на Юге уже успела укрепиться кавуровская монархическая клика, спровоцировавшая в Неаполе большую монархическую демонстрацию в пользу присоединения, Гарибальди вынужден был после народного плебисцита в октябре 1860 г., решившего вопрос о присоединении положительно, вручить власть Виктору-Эммануилу. Впоследствии Гарибальди писал об этом:

«...С тех пор как я убедился, что Италия, чтобы освободиться от чужеземного ига, должна итти с Виктором-Эммануилом, я считал своим долгом подчиняться его приказам при всех обстоятельствах и заставить молчать мою республиканскую совесть. Далее, я стал на ту точку зрения, что Италия должна ему предоставить диктатуру... до тех пор, пока страна не будет окончательно очищена от чужеземцев»<sup>2</sup>. За эти свои «убеждения» Гарибальди пришлось горько рас-

платиться... Вскоре Кавур распустил его геройскую армию, а ему самому предложил удалиться на «свой» остров Капреру, вдаль от народных масс, чтобы не усиливать их возмущения. И после трехмесячной диктатуры в королевстве Обеих Сицилий Гарибальди явился на Капреру с 50 франками в кармане и мешком фасоли под мышкой для своего огорода.

А. И. Герцен, бывший одним из близких друзей Гарибальди, по этому поводу с горечью замечает: «Он с горстью людей победил армию, освободил целую страну и был отпущен из нее, как отпускают ямщика, когда он доведет до станции»<sup>1</sup>.

В январе 1861 г. был избран всеитальянский парламент, состоявший благодаря высокому цензу почти из одних только кавуровцев и провозгласивший Виктора-Эммануила королем Италии «божией милостью и по воле народа».

Так кончились война и революция 1859—1860 гг. Эта революция, как и предшествовавшие революции, не объединила окончательно Италии, не принесла свободы народным массам, не освободила их от гнета «своих» и иностранных монархов, не уничтожила окончательно феодализм. Италию еще продолжали угнетать три династии: савойская, габсбургская и бонапартистская. Положение народных масс нисколько не улучшилось в результате революции: усилившееся развитие капитализма увеличило эксплуатацию рабочих масс, в деревне продолжал господствовать «земельный голод», и под гнетом остатков феодализма и усилившегося развития капитализма крестьянство обнищало. Но был сделан новый шаг<sup>2</sup> в превращении Италии в буржуазную монархию. А это в свою очередь привело к оформлению пролетариата «в класс для себя». В революции 1859—1860 гг. пролетариат еще не играл самостоятельной роли. «Рабочий класс был далеко не сплошь экспроприирован и пролетаризирован; в городах он работал еще собственными орудиями производства... и энергия буржуазии еще не парализовалась противодействием пролетариата», — писал Энгельс<sup>3</sup>. Но после этой революции, в начале 60-х годов, зарождается рабочее движение. Создаются первые самостоятельные рабочие организации.

<sup>1</sup> А. И. Герцен, Соч., изд. Павленкова, Спб. 1905, т. III, стр. 420.

<sup>2</sup> В Пьемонте первый шаг был сделан в результате революции 1848—1849 гг.

<sup>3</sup> Энгельс, Сила и экономика в образовании Германской империи, «Красная новь», М. 1923, стр. 25—26.

<sup>1</sup> Энгельс, Письмо к Марксу от 1 октября 1860 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXII, стр. 531.

<sup>2</sup> Гарибальди, Мои мемуары, «Молодая гвардия», 1931, стр. 82.

## VI. БОРЬБА ЗА ЗАВЕРШЕНИЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ

### 1. Экспедиции Гарибальди 60-х годов. Австро-прусская война и присоединение Венеции

И теперь, как и раньше, *окончательное объединение Италии зависело от силы революционного движения*. Претендовавшая на роль гегемона в объединении Италии сардинская монархия, удовлетворившись своими приобретениями, и не думала даже взять на себя инициативу борьбы за присоединение Рима и Венецианской области. Виктор-Эммануил, взявший лично политическое руководство страной после смерти Кавура, усилил преследования демократического революционного движения. Но движение народных масс не улеглось. Войной и революцией 1859—1860 гг. «итальянцы остались недовольны», как говорит Энгельс. Революционная буржуазия стремилась к окончательному изгнанию австрийцев, к свержению папской власти. И вот в 1862 г. Гарибальди с отрядом добровольцев опять двигается в поход из своей Капреры. Он высаживается в Сицилии, чтобы оттуда начать поход на Рим. Наполеон отправил подкрепление своему гарнизону в Рим и потребовал от Виктора-Эммануила подавления Гарибальди. Услужливый король не замедлил выпустить прокламацию с угрозами по адресу Гарибальди и всех «мятежников» и отправил экспедицию для подавления нового восстания. Во время перестрелки между гарибальдийским отрядом и пьемонтской армией Гарибальди был ранен и взят в плен. Ввиду мощного протеста, который поднялся в стране против новой измены короля, Гарибальди был «амнистирован» и отправлен опять на Капреру. Результатом этого народного движения было соглашение 1864 г. между Наполеоном и Виктором-Эммануилом, по которому Наполеон обязался вывести свои войска из Рима, а Виктор-Эммануил

обязался не претендовать на Рим как на столицу Италии, сделать столицей Флоренцию и организовать армию для охраны светской власти папы. Так всегда после народного движения Наполеон вынуждаем был сделать какую-нибудь уступку Виктору-Эммануилу, который в компенсацию за это обязывался охранять папу и душить революционное движение.

Но национально-освободительное движение Италии не останавливалось, и неугомонный Гарибальди задумал новый план похода. Однако этим планом он, как никогда, скомпрометировал себя. Гарибальди задумал поход в Венецию, рассчитывая высадиться с отрядом волонтеров на берегу Адриатики и, после того как поход уже станет совершившимся фактом, увлечь за собой и Виктора-Эммануила. Но, для того чтобы организовать эту экспедицию, нужны были деньги, которых у Гарибальди не было. Поэтому Гарибальди решил в апреле 1864 г. предпринять агитационную поездку в Англию. У Гарибальди была также тайная надежда получить некоторую поддержку для своей предполагаемой экспедиции против австрийцев и от английского правительства. Английское правительство, соперничавшее с Бонапартом во влиянии на Австрию, решило вначале не мешать поездке Гарибальди в Англию и встретило его с королевскими почестями. Народные же массы Англии встретили итальянского героя с величайшим энтузиазмом. Карету Гарибальди окружали тысячи, десятки тысяч людей, приветствовавших прославившегося героя, и в день приезда ему буквально не давали проехать по улицам Лондона. Видя, с каким энтузиазмом массы встречали героя, английское правительство тоже решило заигрывать с человеком, который его приводил в страх. Гарибальди было предложено поместиться в королевском доме (Стафффорд-гауз). Надеясь получить от английского правительства некоторую помощь для своей экспедиции, «практичный» Гарибальди, ставивший выше всего воссоединение Италии, не отказался от этого. Дело дошло до того, что даже Мадзини, проживавший тогда в Лондоне, отказался встретиться со своим соратником, пока он будет находиться в правительственном доме, и они лишь позднее встретились на квартире А. И. Герцена, где Гарибальди поднимал бокал за здоровье «своего учителя Мадзини» и за «русского революционера Герцена». Узнав о встрече Гарибальди с Мадзини, английская печать, надеявшаяся, что «Гарибальди настолько поймет обязанности, возлагаемые на него гостеприимством Англии, что не станет иметь сношений со своим прежним

другом», вдруг подняла кампанию против «страшного революционера». Кроме того пребывание Гарибальди в Лондоне вывело из терпения Луи Бонапарта, и он потребовал от Пальмерстона высылки его из Англии. К Гарибальди явился министр Гладстон и заявил ему, что «газеты пишут, что он болен и уезжает на Капреру». А когда Гарибальди ответил, что он себя чувствует неплохо и думает проехаться еще по некоторым городам Англии, министр ответил, что «присутствие Гарибальди в Англии усложняет и без того трудное положение правительства». На завтра Гарибальди в Англии не стало, а Пальмерстон объяснил в палате депутатов (по поводу поданной интерпелляции о Гарибальди), что он уехал из Англии вовсе не по требованию Наполеона, а... по болезни. Так позорно и безрезультатно для самого Гарибальди кончилась его поездка в Англию в 1864 г. Это лишний раз показывает, как далеко заводили иногда Гарибальди его «голый практицизм», его неразборчивость в средствах для достижения объединения Италии.

По поводу этой провалившейся поездки Гарибальди в Англию Энгельс писал:

«Гарибальдиевщина получила достойное завершение. Способ, каким ему дали по шапке, после того как лондонские щеголи разглядывали его в продолжение целой недели, уж очень хорош и чисто английский. Для всякого иного человека кроме Гарибальди это было бы губительно. Но даже для него это совершенно исключительный позор — послужить для английской аристократии чудом на девять дней и затем быть выброшенным за дверь... Как бы там ни было, кто теперь уж не понял совершенно буржуазного характера этого господина, тому уж ничего не выяснишь»<sup>1</sup>.

Между тем объединительное движение в Италии не утихло. И как бы предательски король ни лавировал, он все же не мог отделаться от венецианского и римского вопросов. Чтобы избежать революционного разрешения этих вопросов «снизу», он должен был искать пути их разрешения на основе соглашения с Бонапартом и Францем-Иосифом. Вначале у короля была мысль *купить Венецию у австрийского императора*. Затем ему на помощь пришли Бисмарк и Наполеон. Дело в том, что Пруссии нужен был союзник в подготавливаемой войне с Австрией (1866 г.). Тогда по инициативе

<sup>1</sup> Энгельс, Письмо к Марксу от 29 апреля 1864 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXIII, стр. 177.

Бисмарк и при посредничестве Наполеона было заключено соглашение (1865 г.) между Италией и Пруссией, по которому Бисмарк обещался помочь Италии приобрести Венецию за ее участие в австро-прусской войне. Когда в 1866 г. началась эта война, Гарибальди снова участвовал в ней со своим отрядом краснорубашечников. Вначале итальянские войска потерпели несколько поражений, но после битвы при Садовой (3 июля) Австрия вынуждена была сдать и при посредничестве Наполеона предложила Пруссии и Италии мир, согласно которому она уступала французскому императору Венецию для передачи ее Италии. Видя энтузиазм итальянских солдат, особенно гарибальдийцев, король не посмел заключить мир, отдававший Италии Венецию как французскую подачку, и война продолжалась. После некоторых поражений Австрия согласилась признать Италию победившей и уступить ей Венецию.

Таким образом неприсоединенным к Италии оставался теперь один лишь Рим (с областью). Но если в отношении Ломбардии и Венеции Бонапарт пошел на уступку в счет компенсации за Савойю и Ниццу, то в отношении Рима он ни на какие уступки пойти не хотел, не предвидя более компенсаций за это. Главным же образом Бонапарт хотел сохранить за папой (что было тем же, что сохранение его за Францией) католический Рим как центр европейской реакции.

Борьбу за Рим, как это было и раньше, начали народные массы. Осенью 1867 г. Гарибальди снова делает попытку завоевания Рима. Тогда итальянское правительство посылает свою армию против Гарибальди. Бонапарт не полагается на одних пьемонтцев и посылает свою армию для «защиты папы». 3 ноября в битве при Ментане Гарибальди потерпел сильное поражение. Итальянская, папская и бонапартистская армии сообща расправляются с храбрыми гарибальдийцами. Много раненых, убитых и пленных. Командующий французской армией телеграфирует Бонапарту, что «ружья «шасспо»<sup>1</sup> чудесно действовали». А король-«освободитель» Италии Виктор-Эммануил II под конвоем отправляет героя Гарибальди на Капреру. Так кончился последний поход героя Италии, «героя в античном духе, который мог творить — и творил чудеса»<sup>2</sup>. После этого он вынужден был заняться несносной

для него работой — писанием мемуаров — и лишь в 1870 г. снова сражался в рядах французской армии против Бисмарка, но это была уже республиканская армия, после падения Бонапарта. Это было последнее сражение Гарибальди.

Наполеон, выведивший на время (в 1866 г.) свой гарнизон из Рима, теперь оставил там свои войска для «охраны папы», до тех пор пока не пала его империя. Новая расправа с революционным движением и оставление в Риме деспотической бонапартистской армии вызвали взрыв возмущения народных масс Италии. Возмущение усилилось тем, что вскоре после этого были введены новые косвенные налоги, ложившиеся тяжелым бременем на широкие массы. Происшедшие в продолжение менее чем двадцати лет три австро-итальянских войны сильно ухудшили финансовое состояние государства. Бюджет с каждым годом балансировался со все большим и большим дефицитом, и государственный долг рос. Выход из этого трудного положения буржуазно-помещичье правительство Италии искало за счет масс и поэтому вводило главным образом не прямые, а *косвенные налоги*<sup>1</sup>. Народные массы должны были расплачиваться за издержки войны. Отмененный под напором революции 1859 г. крайне обременительный налог на помол в 1868 г. вновь был восстановлен. Это привело к вздорожанию хлеба и ухудшило и так уже голодную жизнь масс. Другое средство выхода из затруднений буржуазия искала в снижении зарплаты рабочим.

Увеличение дороговизны и ухудшение жизненного уровня в конце 60-х годов привели к сильному брожению масс.

Но эти стихийные движения рабочих и мелкобуржуазных масс городов нужно рассматривать в связи с зарождавшимся в результате капиталистического развития рабочим движением. В 1866—1867 гг. в различных городах Италии (Милан, Генуя, Неаполь, Флоренция и др.) существовали уже секции I Интернационала. Правда, они носили главным образом анархический характер (об этом речь ниже), но все же некоторые из них делали попытку возглавить стихийное движение масс.

<sup>1</sup> Ввиду неадекватности одних только налогов на улучшение государственных финансов правительство вынуждено было в это же время вновь секуляризировать часть церковного имущества.

<sup>1</sup> Новый вид оружия, которое испытали на гарибальдийцах.

<sup>2</sup> *Энгельс*, Сила и экономика в образовании Германской империи, «Красная новь», М. 1923, стр. 26.

## 2. Завершение воссоединения Италии

Сильное возмущение происходит в Италии в 1870 г. в связи с созывом Пием IX вселенского собора. После папской энциклики и силлабуса в 1849 и 1864 гг., проклинявших науку и всех свободомыслящих и призывавших к возвращению к средневековью, папа решил провозгласить догмат о папской «непогрешимости». Для этого он созвал летом 1870 г. собор, объявивший папу «непогрешимым» и снова проклинавший науку.

Реакционный католицизм, душивший все свободное в Италии, поддерживал Бонапарт. Еще до созыва собора премьер-министр Франции Руэр сказал по поводу усиления движения за присоединение Рима к Италии, что «Италия никогда не овладеет Римом». Эта реплика быстро дошла до Италии и сильно возмутила широкие массы. В созыве всемирного собора, который охранялся бонапартистской армией, возмущенные массы видели вызов католической реакции и Бонапарта — главных душителей национально-освободительного движения Италии. Тогда один из помощников Гарибальди, Биксио, сформировал отряд добровольцев, состоявший из рабочих и мелкобуржуазных элементов, и направился в Чивита-Веккия, где находился французский гарнизон.

В это время (14 июля 1870 г.) началась франко-прусская война. Виктор-Эммануил (и либерально-монархическая буржуазия) не мог решить, на чью сторону встать в этой войне. На сторону Наполеона, не допускавшего присоединения Рима, он конечно не мог стать, боясь возмущения широких масс. Но и на сторону Пруссии он не мог стать, боясь Наполеона, от которого он во многом зависел.

Революционная же итальянская буржуазия держала сторону Пруссии и в крушении Наполеона видела залог присоединения Рима. Так, еще во время подготовлений к франко-прусской войне Мадзини написал Бисмарку письмо, в котором обещал ему помощь итальянской демократии в войне против Франции.

С началом войны Наполеон, получивший сильные удары от прусской армии и нуждавшийся в подкреплении фронта, вынужден был отозвать свой гарнизон из Чивита-Веккия. Уход бонапартистских войск облегчал продвижение повстанческого отряда гарибальдийцев в Папскую область. Когда отряд уже находился около Рима и одержал ряд успехов против папских войск и когда после Седана сокрушилась

наполеоновская империя, только тогда итальянское правительство решилось послать свою армию в Рим. Виктор-Эммануил предложил тогда папе удовольствоваться частью Рима и оставлением за собой верховной власти в церковных делах, но папа не соглашался.

В самом Риме возникло сильное народное движение, переходящее в революцию. И когда добровольцы уже пробили брешь в окружавшем город валу, Виктор-Эммануил II приказал своим солдатам вступить в Рим (20 сентября), так как дело грозило революцией, и может быть не в одном только Риме. И, как правильно подтверждает это даже либеральный историк Италии Сорен, «итальянское правительство не могло допустить римской революции, ибо эта революция могла низвергнуть это самое правительство»<sup>1</sup>.

Вскоре после занятия Рима итальянское правительство провело плебисцит (3 октября 1870 г.), чтобы официальным образом подтвердить присоединение Рима «волею народа». После этого папа заперся в Ватикане, отлучил от церкви всех «мятежников» и провозгласил перед всем миром, что он «уступил только силе» и считает себя «моральным пленником». Но правящие круги Италии не переставали заботиться о папе. В мае 1871 г. итальянский парламент вотирует так называемый «закон о гарантиях», признавший верховные права папы по духовным делам и ассигновавший ему 3,5 млн. лир.

В ноябре 1871 г. правительство переезжает в Рим, и впервые в столице Италии созывается итальянский парламент. Этим кончилось оформление итальянского буржуазного государства. Италия была объединена и освобождена от иностранных оккупантов. Но это была не та Италия, о которой мечтали демократия и народные массы; это не была Италия Мадзини и Гарибальди. Народные массы, кровью и энергией которых было совершено это объединение, не получили улучшения своего положения. Наоборот, усилившееся в результате воссоединения страны развитие капитализма привело к еще большему усилению гнета и эксплуатации масс. В Италии была оформлена буржуазная монархия, которая закрепила блок торгово-промышленной буржуазии с помещиками. Феодалные остатки не были уничтожены, и крестьяне в большинстве своем оставались мелкими сьемщиками или арендаторами на кабальных условиях. Не получила удовле-

<sup>1</sup> Сорен, История Италии, Спб., 1898, стр. 352.

творения своих интересов и мелкая буржуазия, которая разорялась крупными капиталистами. Рабочий класс политических прав и прав коалиций не получил. В Италии после объединения из 27-миллионного населения пользовалось правом голоса всего лишь 600 тыс. человек. А с изменением избирательного закона в 1882 г., понизившим ценз (уплата налогов) от 40 до 20 лир, количество избирателей официально доходило только до 2 млн., хотя фактически голосовала половина этого числа.

## ВН. К ВОПРОСУ О ПУТИ ВОССОЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ

### 1. Главная движущая сила в воссоединении Италии

На протяжении всей нашей работы мы показали лживость утверждения буржуазной исторической литературы, что Италию объединили Наполеон III, Виктор-Эммануил II и Кавур. Наоборот, мы доказали, что они были душителями национально-освободительного движения Италии, и главное, чем они руководствовались в своей политике, это страх перед революцией. Мы также видели, что вопреки своей воле эти представители обуржуазившихся помещиков и крупной буржуазии вынуждены были иногда играть роль «душеприказчиков революции»<sup>1</sup> и национально-освободительного движения (всегда после того конечно, когда движение уже началось самостоятельно), для того чтобы захватить гегемонию в движении в свои руки и не дать ему развиваться. Мы видели и то, что в рассматриваемый нами период *часть* итальянской буржуазии была революционной и выдвинула таких вождей национально-освободительного движения, как Гарибальди и Мадзини, вождей, каких может выдвинуть только молодая, поднимающаяся к власти буржуазия. Эта революционная буржуазия и была гегемоном национально-освободительного движения. Пролетариат еще был слабо развит и не играл самостоятельной роли, и «энергия буржуазии еще не парализовалась прогиводействием пролетариата»<sup>2</sup>. В этот период, как говорит Энгельс, «рабочие с самого начала только и делали, что помогали буржуазии подняться к власти»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Энгельс, Предисловие к первому итальянскому изданию «Коммунистического манифеста», Партиздат, 1932, стр. 13.

<sup>2</sup> Энгельс, Сила и экономика в образовании Германской империи, «Красная новь», М. 1923, стр. 25—26.

<sup>3</sup> Энгельс, Предисловие к первому итальянскому изданию «Коммунистического манифеста», стр. 13.

Но говоря о революционности части итальянской буржуазии, мы не должны забывать о ее слабости, колебаниях и нерешительности. Маркс и Энгельс неустанно критиковали эту буржуазию, стараясь толкнуть ее вперед, чтобы она делала более решительные шаги. Но в своей тактике по отношению к этой прогрессивной и революционной буржуазии Маркс и Энгельс, зная, что пролетариат Италии еще не может быть гегемоном движения, исходили из принципа «успех *какой* буржуазии желательнее»<sup>1</sup> для пролетариата и поэтому поддерживали ее. Благодаря отсутствию достаточной силы у национально-освободительного движения Италии—а эту силу мог бы придать только сознательный пролетариат, ставший гегемоном движения,—эта буржуазия не одержала полной победы, и буржуазно-демократическая революция не была доведена до конца. Буржуазная революция не была доведена до конца также вследствие *слабого участия крестьянства* в национально-освободительном движении Италии, что явилось следствием оппортунистической политики Мадзини. А «крестьянство представляет основную армию национального движения... без крестьянской армии не бывает и не может быть мощного национального движения»,—указывает т. Сталин<sup>2</sup>. И эта недостаточность силы национального движения привела к тому, что теми победами, которые все же одержали народные массы и революционная буржуазия, воспользовалась савойская династия вкупе с монархической буржуазией. *Но без движения широких народных масс*, расправлявшихся «плебейским способом» с герцогами, «королями-бомбами» и иностранными владыками, без этих масс, являвшихся движущей силой национально-освободительного движения, *Италия не была бы объединена, а оставалась бы раздробленным* феодальным государством или, в лучшем случае, как это проектировал Наполеон, федерацией королевств и герцогств. *Именно борьба широких народных масс и революции 1848—1849 и 1859—1860 гг. сыграли решающую роль в объединении Италии.* Присоединение к Сардинскому королевству того или иного государства Италии всегда происходило в результате народной революции (Ломбардия, Модена, Тоскана, Парма, Романья и даже отчасти Рим в 1870 г.) или же в результате вручения Гарибальди завоеванной им власти

(также в результате революции) королю Виктору-Эммануилу (королевство Обеих Сицилий).

## 2. Ошибочная оценка пути воссоединения Италии

Эта наша оценка движущих сил революции и способа воссоединения Италии расходится с распространенным взглядом на объединение Италии как на «пруссский путь» объединения—объединение «сверху». В буржуазной исторической литературе сплошь и рядом можно встретить сравнение объединения Германии и Италии, при этом утверждают, что процесс воссоединения в обеих странах одинаков, что Германию и Италию объединили гогенцоллернская и савойская династии. Если в воссоединении Германии главная роль отводится прусскому юнкерству во главе с Бисмарком, то в воссоединении Италии такая же роль отводится либеральной буржуазии Севера во главе с Кавуром. Причем как преимущество Италии перед Германией выдвигается то, что вдобавок к Кавуру она имела еще двух «активных поборников» за воссоединение в лице Виктора-Эммануила II и Наполеона III.

В русской исторической литературе Е. Тарле в свое время отводил Виктору-Эммануилу и Кавуру главную роль в воссоединении Италии<sup>1</sup>.

Но такую ошибочную оценку движущих сил и пути воссоединения Италии можно встретить не только в старых исторических работах, но и в новой, советской литературе. Так например, т. Арк. А—н считает, что «объединение Италии явилось результатом, с одной стороны, неустанной борьбы республиканской партии, а с другой—благоприятной политической конъюнктуры, умело использованной... Кавуром»<sup>2</sup>. И в эту «благоприятную политическую конъюнктуру» входят «планы Наполеона III и планы Пруссии», которые «Кавур сумел использовать», и т. д. Здесь в роли «объединителей» Италии у Арк. А—на в равной мере выступают республиканская партия, Кавур и... Наполеон. Но говорить об объединительной миссии Бонапарта в Италии более чем абсурдно. Мы показали, что Луи-Наполеон именно хотел *держатъ Италию в узде ее раздробленностью*. Раздробленная Италия, где в каждом королевстве французский император имел

<sup>1</sup> Ленин, «Под чужим флагом», Соч., т. XVIII, стр. 109.

<sup>2</sup> Сталин, К национальному вопросу в Югославии, цит. сб., стр. 132.

<sup>1</sup> Е. Тарле, История Италии в новое время, Спб., 1901, стр. 173.

<sup>2</sup> Арк. А—н, История Западной Европы, ч. 1, изд. 2-е, 1931, стр. 495 и 608.

бы свою опору, — это ведь традиционная бонапартистская политика, начиная от Наполеона I<sup>1</sup>.

О хитрой династической и в то же время трусливой и раболепной перед Наполеоном политике Кавура и Виктора-Эммануила, душивших национально-объединительное движение в Италии, мы уже тоже говорили. Так что глубоко ошибочен «компромисс», на который идет Арк. А — и в отведении *равной роли* в объединительном движении революционной итальянской буржуазии и всяким Кавурам.

В педагогической работе среди значительной части наших преподавателей как в средних, так и в высших школах распространен взгляд об объединении Италии «сверху», так же как и Германии. Такие же мнения высказывались в нашей исторической литературе. Ошибочность утверждения о «прусском способе» объединения Италии состоит в том, что оно не учитывает революционности части итальянской буржуазии, которая в отличие от германской буржуазии еще не боялась пролетариата и вела борьбу за объединение Италии революционным путем, «снизу». Формула об объединении Италии «сверху» упускает из виду прусское юнкерство — чего в Италии не было, — бывшее «гегемоном» в прусском способе объединения Германии в отличие от революционной итальянской буржуазии — гегемона национально-освободительного движения Италии. При сравнении объединения Германии и Италии обычно упускают из виду, что в Италии кроме революции 1848—1849 гг. свершилась *еще одна революция* в 1859—1860 гг., чего в Германии не было.

В отличие от Германии, в Италии даже значительная часть дворянства (преимущественно мелкопоместная), чувствуя свое бессилие в воссоединении страны, поддерживала революционную буржуазию — мадзиниевскую партию. Энгельс указывает, что даже «помещицья знать... стояла на стороне буржуазии как передового бойца за национальную независимость»<sup>2</sup>. В этом-то и заключается одна из особенностей итальянского способа объединения в отличие от прусского. Вот почему ошибочным является категорическое утвержде-

ние об объединении Италии «сверху» Кавурами и Викторами-Эммануилами; вот почему Энгельс совершенно другого мнения об этом. В Италии мы знаем лишь один случай объединения «сверху» — это присоединение Венеции в результате австро-прусской войны 1866 г. *Но к этому времени Италия в основном была уже объединена именно силами народных революционных масс.* И лишь благодаря недостаточности размаха итальянской революции монархическая буржуазия сумела присоединить (иногда при помощи прямой интервенции, как например на Юге в 1860 г.) уже освобожденные от своих правителей отдельные итальянские государства к сардинской монархии, что лишь *завершило* воссоединение.

Характеризуя прусский и революционный пути объединения, Энгельс писал:

«Первый путь — к действительному объединению — лежал через устранение всякой изолированности между государствами; то был, следовательно, явно революционный путь. Этот путь только что привел Италию к цели; савойская династия присоединилась к революции и этим приобрела себе итальянскую корону. *На такой дерзкий шаг наши немецкие Савойяры, Гогенцоллерны и даже их отважнейшие Кавуры à la Бисмарк были абсолютно неспособны...*».

Здесь со всей четкостью Энгельс различает германский и итальянский способы (пути) объединения.

А в другом месте, воздавая должное героизму Гарибальди, Энгельс пишет:

«С тысячью волонтеров он (Гарибальди — В. Н.) поставил все Неаполитанское королевство вверх дном, фактически объединил Италию, разорвал искусственную паутину бонапартистской политики. Италия была свободна и едина, но не в результате интриг Луи-Наполеона, а благодаря революции»<sup>1</sup>.

Но все же необходимо подчеркнуть, что революции 1848 и 1860 гг. в Италии остались незаконченными. В результате этих революций не была свергнута монархия и не была установлена в Италии демократическая республика. В этом-то и заключаются незаконченность и особенность революционного пути объединения. Эта же незаконченность итальянской революции определила собой дальнейший ход классовой борьбы в стране. Так обстоит дело с вопросом о пути объединения Италии.

<sup>1</sup> Стоит вспомнить хотя бы Мюрата на юге Италии при Наполеоне I; Виллафранкский договор с планом федерации Италии под главенством папы; или же женитьбу принца Жерома-Наполеона на дочери Виктора-Эммануила Клотильде в 1859 г., чтобы таким путем получить Тоскану; или же вспомнить политику Наполеона III в отношении Рима и др.

<sup>2</sup> Энгельс, Сила и экономика в образовании Германской империи, «Красная новь», М. 1923, стр. 26.

<sup>1</sup> Энгельс, Сила и экономика в образовании Германской империи, «Красная новь», М. 1923, стр. 26—27. Курсив наш.



## VIII. ПОСЛЕДСТВИЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ

### 1. Значение воссоединения Италии для рабочего движения

Посмотрим теперь, какую роль для последующего развития страны и для рабочего движения сыграло национальное объединение Италии. В самом начале настоящей работы было отмечено значение, какое придавали Маркс и Энгельс оформлению национальностей в государства. Основоположники марксизма указывали, что, до тех пор пока народ не получит свою независимость и не объединится в государство, он не может решить каких бы то ни было задач. Но Маркс и Энгельс, говоря о государстве, исходили не только из интересов «народа вообще». Указывая, что оформление национального государства является результатом капиталистического развития и условием победы буржуазии, они подчеркивают, что это же национальное объединение является и «предпосылкой победы пролетариата». Создание буржуазного государства централизует разрозненную борьбу пролетариата в общенациональную борьбу, в борьбу классовую, указывали Маркс и Энгельс. С оформлением буржуазного государства пролетариат оформляется в класс, и начинается более быстрое развитие его самосознания. И если борьба за национальное объединение отвлекает рабочий класс от борьбы за его непосредственные интересы, то после завершения объединения он может усилить свою классовую борьбу с буржуазией и более организованно противопоставить себя ей как класс, являющийся могильщиком всего буржуазного общества. Говоря о значении для рабочего движения национального объединения Италии, Энгельс писал:

«...До 1859 г. о социализме в Италии не было и речи, даже республиканцев было немного, хотя они и являлись наиболее энергичным элементом. Лишь с 1861 г. республикан-

цы стали распространяться, а позднее отдали свои лучшие силы социалистам»<sup>1</sup>.

За исходный пункт развития рабочего движения в Италии Энгельс берет революцию 1859—1860 гг. Эта революция в основном объединила Италию (вне Италии остались лишь Венецианская и часть Папской области с Римом). И именно с 1861 г. начинается развитие самостоятельного рабочего движения Италии. В 1862 г. в Милане, Генуе и других городах создаются тайные рабочие общества взаимопомощи и начинается пропаганда идеи социализма среди рабочих. С возникновением же I Интернационала в 1864 г. в некоторых городах создаются его секции и даже особые женские и студенческие отделы.

Создание секций Интернационала, как и вообще оформление самостоятельных рабочих организаций, встречало на своем пути препятствия со стороны мадзинистов. Мы уже указывали, что Мадзини пользовался значительным влиянием на ремесленный пролетариат. И с началом создания самостоятельных рабочих организаций он начал вести раскольническую деятельность среди них, причем нередко с успехом. В этом сказывалась малоразвитость итальянских рабочих 60-х годов, легко воспринимавших путаные мадзиниевские идеи утопического социализма с примесью религии. Свою раскольническую деятельность в рабочем движении Мадзини начал с самого начала организации Интернационала. На учредительном конгрессе Интернационала как представитель от Италии фигурировал личный секретарь Мадзини майор Вольф. Он предложил конгрессу принять в качестве устава Интернационала статуты итальянских рабочих обществ, находившихся под влиянием Мадзини. Вначале он добился успеха, и его статуты были приняты за основу. Маркс в письме к Энгельсу от 4 ноября 1864 г. рассказывает, с каким трудом ему удалось добиться отклонения конгрессом этой мадзиниевской фразеологии и провести свой «Адрес».

Трудность итальянского рабочего движения заключалась еще и в том, что кроме Мадзини в Италии пользовался влиянием не менее вредный для рабочего движения деятель — М. Бакунин. И, для того чтобы разбить мадзинистов, Марксу приходилось в первое время пользоваться Бакуниным,

<sup>1</sup> Энгельс, Письмо к Каутскому от 7 февраля 1882 г., «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 189.

выступавшим против реакционных черт мадзинизма. В ноябре 1864 г. Бакунин уезжает по поручению Маркса в Италию для организации секции Интернационала. Но, взяв на себя это поручение, он на самом деле создает там анархистские секты и проповедует среди итальянских рабочих свои путанные идеи о «революционном анархизме». Вначале в совете Интернационала не подозревали о тайных намерениях Бакунина создать эти организации для того, чтобы потом отколоть их от Интернационала, и лишь через несколько лет была вскрыта его подлинная деятельность. Бакунин мало-помалу начал вытеснять Мадзини. Среди интеллигенции и полуремесленного пролетариата его учение о «социальной революции» начало пользоваться большим успехом, чем мадзиниевская проповедь о боге и классовом сотрудничестве. Таким образом Бакунину удалось в продолжение нескольких лет организовать секции Интернационала в ряде крупных городов (Милан, Флоренция, Неаполь, Генуя и Болонья). Секции посылали своих делегатов на конгрессы Интернационала, и число членов секций и их делегатов на конгрессах постепенно возрастало. Под влиянием секций в 1868 и 1869 гг. в Милане и Генуе происходит ряд стачек, носивших экономический характер. Стачки особенно участились с начала 70-х годов. Но этому предшествовала обостренная борьба между бакунистами (в большинстве) секциями Интернационала и мадзинистами. Поводом к этому послужила Парижская коммуна. Мадзини осуждал Парижскую коммуну за ее непризнание частной собственности и за ее борьбу против религии. Мадзини ехидно подсмеивался над Коммуной после ее падения, говоря, что «Париж впервые один поднялся и пал одиноко». На примере Коммуны он доказывал, что Интернационал ведет к анархии. Бакунин ответил тогда Мадзини опубликованием письма к нему в своей газете в Неаполе. Дело дошло до настоящей междоусобицы. Состоявшие в мадзиниевских организациях многие из предпринимателей начинают увольнять рабочих-интернационалистов. Но все это способствовало окончательной потере всякого влияния Мадзини на рабочее движение и усилению секций Интернационала.

В 1871 г. секции I Интернационала насчитывали в своих рядах около 10 тыс. человек<sup>1</sup>. Но беда была в том, что

<sup>1</sup> С этого же времени усиливается и стачечное движение, проходившее не без влияния секций Интернационала. За период 1872—1876 гг. произо-

почти все рабочие организации и секции Интернационала находились в руках Бакунина. Бакунизм послужил как бы реакцией против сильно поправившего теперь и бездействовавшего мадзинизма<sup>1</sup>. Однако с течением времени рабочее движение укрепилось, особенно с 1871 г., когда после окончательного объединения страны и с развитием фабрично-заводского пролетариата бакунизм стал вытесняться растущим социалистическим движением.

Развитие социалистического движения в Италии встречало большие трудности ввиду путаницы различных идей, господствовавших среди рабочих. Здесь были и мистика Мадзини, и революционное фразерство Бакунина, и социал-оппортунистическая пропаганда, а также и влияние идей марксизма. Рабочие не могли еще разобраться в этих различных теориях и не знали, к кому примкнуть. Интересный пример приводит Энгельс в одном своем письме к Либкнехту:

«Один кружок Мачерате (в Романье) избрал в почетные председатели троих — Гарибальди, Маркса и Мадзини. Этот сумбур даст тебе точное представление о состоянии общественного мнения итальянских рабочих. Для полноты недостает лишь Бакунина...»<sup>2</sup>.

Однако рабочее движение прогрессировало. После неудачной попытки бакунистов поднять восстание в 1874 г. (во Флоренции, Ливорно, Болонье и др.) бакунистские органи-

шло более 200 стачек, из которых около половины кончились победой рабочих. Эти стачки сопровождались демонстрациями и столкновениями с полицией (особенно во время стачки каменщиков и кузнецов в Мантуе в 1874 г.).

<sup>1</sup> Характерно отметить различие между эволюцией Гарибальди и Мадзини. В противоположность Мадзини Гарибальди приветствовал Парижскую коммуну и горячо поддерживал Интернационал, называя его «солнцем будущего». Но он выступал не только против Мадзини, он также жестоко бичевал и анархистов во главе с Бакуниным. Когда в начале 70-х годов начало оформляться марксистское течение, против которого бакунисты вели бешеную борьбу как против вредного авторитарного течения, Гарибальди выступил в защиту этого течения. Гарибальди указывал, что борьба бакунистов с «авторитарным принципом» — большая ошибка бакунинских секций и что это препятствует успеху Интернационала. «Парижская коммуна пала потому, что в Париже не было авторитарной власти, а была только анархия», — писал Гарибальди. Энгельс по поводу этого суждения Гарибальди отмечал, что «старый боец за свободу... знает цену дисциплине» (см. Энгельс, В Интернационале, 1873 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XV, стр. 103—104).

<sup>2</sup> Энгельс, Письмо к Либкнехту от 2 января 1872 г., «Архив Маркса и Энгельса», т. I(VI), стр. 35.

зации, объединенные в «Итальянский комитет социальной революции», сильно себя скомпрометировали в глазах рабочих и начали разваливаться. Первый сильный удар Бакунин получил на севере страны, где был в наличии более развитый пролетариат. В 1875 г. на конгрессе бакунистской федерации Интернационала откололись миланский и лодийский отделы. Они объявили себя сторонниками Маркса, а своим органом выбрали газету «Plebe», редактируемую бывшим республиканцем Биньями, ставшим теперь социалистом. По поводу этого раскола Энгельс указывает, что опыт борьбы итальянских рабочих привел их к убеждению о необходимости вести политическую борьбу и что Бакунин мог пользоваться влиянием среди рабочих, пока у них движение было только в зародыше. Но «...как только движение пустило корни среди подлинно пролетарских масс» городов Севера, недоброкачественная пища Бакунина «не могла уже более удовлетворить, и рабочие уже не могли допустить, чтобы их и впредь опекали... неудачливые молодые буржуа»<sup>1</sup>.

Таким образом, как только в результате промышленного развития создался подлинный пролетариат в отличие от ранее существовавшего кустарного пролетариата, анархизм в рабочем движении Италии начал терять свою почву.

В 1876 г. основывается Верхнеитальянская федерация рабочих. Эта организация находилась под влиянием идей марксизма. В 1877 г. на втором своем конгрессе Верхнеитальянская федерация объявляет о разрыве с анархистами. Этот конгресс был организован при влиятельном участии Энгельса, и на самом конгрессе было зачитано его письмо. Конгресс принял резолюцию о необходимости политической борьбы рабочего класса и организации политической партии. По поводу этого конгресса Энгельс писал:

«Таким образом пробита брешь в крепости адвокатов, литераторов и бездельников в Италии... факт тот, что фальсификация рабочего движения в таком промышленном городе, как Милан, не могла быть долговечной. А Верхняя Италия играет решающую роль не только в стратегическом отношении, но и в рабочем движении всего крестьянского полуострова»<sup>2</sup>.

Создание Верхнеитальянской федерации было первым шагом к созданию политической партии рабочего класса

<sup>1</sup> Энгельс, В Италии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XV, стр. 369.

<sup>2</sup> Энгельс, Письмо к Марксу от 23 февраля 1877 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXIV, стр. 465.

Италии. Эта федерация и является предшественницей социалистической партии Италии. С этих пор рабочее движение Италии становится на путь широкого европейского рабочего движения. Однако особенности и трудности оформления итальянского социалистического движения заключались в том, что этому движению пришлось, с одной стороны, выдержать борьбу различных сектантских групп, имевших часто глубокие корни в рабочем движении, а с другой стороны, устоять против неслыханного государственного террора. Буржуазно-помещичье правительство душило рабочее движение массовым кровавым террором, невиданным в Европе. В конце 70-х годов в различных городах Италии происходили сотни политических процессов<sup>1</sup>, на которых десятки и сотни рабочих приговаривались к смертной казни; за малейшее подозрение в неблагонадежности сотни рабочих приговаривались к долголетней каторге; не успевала выходить какая-нибудь рабочая газета, как ее сейчас же запрещали; громились рабочие клубы и т. д.

Воспользовавшись бесстрашием и революционной самоотверженностью итальянских рабочих со времени национально-освободительной борьбы, буржуазные сектанты типа Бакунина увлекли рабочих на путь индивидуального террора и заговоров. Именно вследствие террора правительства и некоторых традиций итальянского национального движения бакунисты пользовались в течение первого десятилетия рабочего движения влиянием на рабочих, отвечавших на террор террором. Но это отнюдь не означало, что рабочие согласны с анархистской доктриной Бакунина. Это было лишь проявление революционной страстности итальянского пролетариата, чем Бакунин не замедлил воспользоваться. Об этом свидетельствует историк итальянского социалистического движения А. Анджиолини:

«Мы ...должны признать, что в Италии преобладает течение анархическое, что авторитарии (читай: марксисты.—В. Н.)

<sup>1</sup> Одним из таких крупных процессов, привлечших все общественное внимание Италии, был Фрорентинский процесс, длившийся с ноября 1879 г. по январь 1880 г. С чрезвычайно интересной и красочной речью выступила на этом процессе обвиняемая Анна Кулишева, являвшаяся русской революционной эмигранткой и бывшая ранее учительницей в Москве. Кулишева, бывшая раньше анархисткой, отмежевывалась от анархистских теорий, объявляла себя сторонницей социализма и высказывала марксистские взгляды по вопросу о политической борьбе рабочего класса. Впоследствии Кулишева была одним из основателей итальянской социалистической партии.

потерпели поражение. Но поражение авторитариев было более кажущимся, чем фактическим: оно означало только то, что здесь, в Италии, нельзя было противоречить революционному духу, покоящемуся на известной традиции»<sup>1</sup>.

Поэтому, как только рабочий класс Италии вырос до того, чтобы понять необходимость соединения своего самостоятельного движения с социализмом и создания политической партии, он отвернулся от «анархического социализма» и стал усваивать идеологию марксизма. Исчерпывающую характеристику рабочего движения в Италии этого периода, периода разрыва с анархизмом и перехода на рельсы политической борьбы, дает Энгельс: «Движение (рабочее. — В. Н.) прогрессирует, и лучшим показателем его жизненности является тот факт, что центр его переносится из преподобных и полумертвых городов Романьи в живые промышленные, торговые города Севера. Эта перемена обеспечивает перевес настоящему рабочему элементу над толпой «анархических» попутчиков буржуазного происхождения, которые прежде составляли руководство. Сколько ни разгоняются и ни распускаются правительством рабочие клубы и профсоюзы, они снова возникают под новыми названиями. Пролетарская печать, несмотря на то, что ее органы недолговечны из-за преследований, штрафов и арестов издателей, после каждого очередного удара возникает снова и вопреки всем препятствиям насчитывает все больше относительно длительно существующих газет. Некоторые из них, как и большинство кратковременных газет, исповедуют еще «анархическое» учение, но эта фракция отказалась от всякой претензии на руководство движением и мало-помалу умирает, как буржуазно-республиканская партия Мадзини. И каждый дюйм почвы, потерянный обеими этими фракциями, означает, что такая же часть почвы завоевана настоящим и сознательным движением рабочего класса»<sup>2</sup>.

Мы привели эту длинную цитату, так как она как нельзя лучше характеризует не только политическую сторону вопроса, но и фактическую. Движение в Италии развивалось по направлению, предвиденному Энгельсом. К концу 70-х годов анархизм пользовался совершенно незначительным влиянием

среди рабочих. Освободившийся в 1879 г. из тюрьмы один из главных вождей анархистов Косто официально заявил о своем разрыве с анархизмом как вредным течением для рабочего движения.

В марте 1880 г. в Болонье состоялось совещание социалистов — сторонников Маркса (Виньями, Ньюкко-Виани, Набруцци и др.). Это совещание решило организовать рабочую социалистическую партию. После этого под влиянием социалистов миланский рабочий клуб в 1882 г. выпустил манифест с призывом рабочих организовать самостоятельную партию. Так по инициативе миланских рабочих организовалась в 1882 г. Рабочая партия. Однако при организации этой партии все еще сказывались старые сектантские взгляды. Рабочие мало доверяли социалистам и не хотели допустить приема в партию людей, не имевших отношения к физическому труду. Но движение прогрессировало, и эти взгляды скоро изменились, хотя очень долго в рабочем движении Италии еще сказывалось влияние анархизма, и организованная впоследствии социалистическая партия не была лишена оппортунизма всех мастей — и анархистского и мадзиниевского. В 1892 г. на Генуэзском конгрессе окончательно оформляется социалистическая партия Италии и вырабатывается программа итальянского социализма.

Таким образом оформление буржуазного государства в Италии, как и в других странах, неминуемо привело к развитию рабочего движения и к созданию самостоятельной политической партии рабочего класса. Борьба рабочего класса с буржуазией поднялась на новую, более высокую ступень.

Воссоединенное буржуазное итальянское государство вступает на путь милитаризма и колониальных захватов. Колонизаторские поползновения итальянской буржуазии начались вместе с объединением Италии. Сейчас же после объединения, уже в 1870 г., буржуазия предпринимает колониальные экспедиции в Африку, где подготавливалась почва для последующих захватов. В начале 70-х годов итальянская армия реорганизуется по прусскому образцу и вводится всеобщая воинская повинность. Это требовало громадных расходов, которые правительство изыскивало при помощи введения новых налогов (при этом государственный долг и дефицит государственного бюджета не были ликвидированы). Свои империалистические вожделения буржуазия проводила за счет рабочего класса и крестьянства: на них

<sup>1</sup> А. Анджиолини, История социализма в Италии, ч. 1, Спб. 1907, стр. 244.

<sup>2</sup> Энгельс, Европейские рабочие в 1877 г., «Борьба классов» № 6 — 7, 1931 г., стр. 140.

главным образом ложилось тяжелое бремя налогов. Развитие капитализма после объединения привело к усилению эксплуатации пролетарских масс: интенсифицируется труд и понижается заработная плата. Для усиления эксплуатации буржуазия воспользовалась безработицей, которая в начале 70-х годов приняла громадные размеры вследствие притока в города свободных рук разоряемых крестьян. *Труд итальянских рабочих считался самым дешевым в мире.* В связи с этим усилилась эмиграция рабочих за границу. В 1871 г. в различных городах Европы и Америки проживало более 100 тыс. итальянских рабочих. Их количество дошло до 1 млн. в 1881 г. «И все это нищие, которых гонит из своей страны прямо голод в самом буквальном значении слова. Все это поставщики рабочей силы в наихудше оплачиваемых отраслях промышленности; вся эта масса населяет самые тесные, бедные, грязные кварталы американских, европейских городов», — писал Ленин об итальянской рабочей эмиграции<sup>1</sup>.

Все это происходило в период, когда богатства страны росли и буржуазия наживалась.

Результатом объединения Италии было также увеличение связи Италии с мировым рынком. Увеличивались быстрыми темпами ввоз и вывоз за границу промышленных и сельскохозяйственных изделий. Так например общая стоимость ввоза и вывоза с 1861 до 1871 г. увеличилась на 800 млн. лир, а за один лишь 1871 год — первый год после объединения Италии — она возросла на 1950 млн. лир<sup>2</sup>.

Это усиление связи Италии с мировым рынком было результатом начавшегося быстрого роста промышленности. После объединения в Италии начали впервые создаваться крупные предприятия тяжелой индустрии. Обратной стороной этого процесса было разорение очень многочисленных в Италии мелких ремесленников, а также крестьян. Последние, ничего кроме разорения не получившие от воссоединения Италии, не находили также работы в городах. Несмотря на свой быстрый рост, промышленность не могла поглотить столь сильного притока рабочих рук.

Безработица и разорение вызывали в 70-х и 80-х годах сильные крестьянские движения, выразившиеся в ряде вос-

станий, на что правительство ответило усилением террора, так же как и против рабочего движения. Но остановить революционное движение было невозможно. На почве неразрешенности воссоединением вопросов итальянской революции это движение все больше и больше нарастало.

С прежним своим «другом» — Францией — капиталистическая Италия в конце 70-х годов соперничает на побережье Средиземного и Красного морей. Особенно прельщают итальянскую буржуазию африканские колонии — Тунис со своими богатыми залежами железной руды, фосфоритов и др. Туда отправляются специальные экспедиции, там открываются фактории, туда ввозятся капитал и люди. В 1881 г. Тунис уже почти находится в руках Италии: из 18 900 европейцев в Тунисе итальянцев насчитывалось 11 200, а французов всего 700 человек<sup>1</sup>.

Тем не менее в 1881 г. Франция заключает договор с Тунисом, означавший установление фактического протектората Франции над этой колонией. Этот «вызов» Франции толкнул итальянскую буржуазию на союз с германо-австрийской буржуазией. В 1883 г. Италия присоединяется к союзу Германии и Австрии, и таким образом оформляется Тройственный союз. Этим Италия встала на путь империализма, на путь войны за передел мира, войны, которую фашистская Италия ведет теперь в Африке против абиссинского народа.

Так воссоединение Италии имело два главных последствия: началось и оформилось рабочее движение, была создана самостоятельная рабочая партия; начался быстрый темп развития капитализма, и Италия приблизилась к империалистической фазе своего развития.

Анализируя развитие Италии в своей статье «Империализм и социализм в Италии», Ленин писал:

«Италия — революционно-демократическая, т. е. революционно-буржуазная, свержшая иго Австрии, Италия времен Гарибальди превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, отвратительной реакционной грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> П. Лисовский, Италия и Франция, Соцэкгиз, М. 1934, изд. Института мирового хозяйства и мировой политики Комкадемии, стр. 94.

<sup>2</sup> М. Вроетел, Italiens nationale Erhebung etc., изд. Volkswirtschaftliche Zeitfragen, Jahrg. 33, B. 1911, Heft 259, S. 23.

<sup>2</sup> Ленин, Империализм и социализм в Италии, Сочинения, т. XVIII, стр. 289 — 290.

## 2. Заключение

Мы изложили историю почти полувековой национально-освободительной борьбы в Италии. Мы отнюдь не претендуем на полноту освещения вопроса. Мы тем более не можем претендовать на это, когда мы поставили перед собой задачу — и кажется это первая попытка в русской марксистской литературе <sup>1</sup> — изложить историю воссоединения Италии в освещении Маркса и Энгельса. Поэтому, понятно, мы не могли охватить все вопросы, касающиеся воссоединения Италии, и некоторые из них остались *мало освещенными*. Наша задача была тем более трудна, что в марксистской литературе история Италии вообще не разработана. В то время как по истории других крупных западноевропейских стран имеются десятки марксистских трудов, по истории Италии нет ни одной марксистской работы. Даже новейшие советские *общие работы* по истории Западной Европы до сих пор обходили Италию ввиду неразработанности ее истории.

Наша работа является, если можно так выразиться, лишь разведкой в этой области. Восполнить пробел в марксистской литературе по истории Италии возможно лишь коллективными усилиями. И большую помощь в этом деле мы должны будем получить от наших итальянских товарищей.

Изучение истории национально-освободительной борьбы имеет громадное значение для итальянской компартии. Знание отношения Маркса и Энгельса к Мадзини и Гарибальди, знание оценки основоположников марксизма каждого шага деятельности этих вождей революционной итальянской буржуазии, критики их колебаний, нерешительности и сектантства (Мадзини) — все это должно облегчить итальянским коммунистам изжить остатки сектантства, которые особенно вредны теперь и которые безусловно имеют свои корни в истории итальянского рабочего и революционного движения.

Современная фашистская литература в Италии стремится использовать былую славу Дж. Гарибальди в своих интересах. Идеологи фашизма объявляют Гарибальди «своим». Но это — ложь и обман. Подлинные прототипы современных фашистов — это кальдерарии и санфедисты! С ними они

сходятся по всем признакам, у тех и других один главный признак — кровавая расправа с рабочими и крестьянами.

Гарибальди же был сыном своего народа. Будучи представителем мелкой буржуазии, он, как это и свойственно этой классовой группировке, колебался между крупной буржуазией и пролетарскими массами и часто давал себя использовать Виктору-Эммануилу. Но у Гарибальди была идея — освободить итальянский народ от иностранных и своих угнетателей и создать республику, он стремился облегчить жизнь трудящихся масс. Когда Италия была воссоединена, он увидел, что это не та Италия, за которую он боролся, и ушел от политической жизни. Беда Гарибальди заключалась в том, что у него, в противоположность Мадзини с его ярко выраженной мелкобуржуазной и антисоциалистической идеологией, не было четко выраженной идеологии с ясной программой. Но, после того как Гарибальди получил урок от своей же собственной буржуазии, (конституционная монархия после объединения) и от французской буржуазии, которая устами всяких Тьеров удалила его из бордосского национального собрания, куда он был избран депутатом за свое геройство в рядах республиканской армии Франции и откуда его заставили удалиться, — после всего этого Гарибальди понял, что он связал свою судьбу не с тем классом, что не этот класс несет свободу массам, и он увидел новый класс, создавший Парижскую коммуны, прозванную им «солнцем будущего». Но к этому времени Гарибальди был уже стар, и почти весь жизненный путь его был пройден. А всего проделанного нельзя было уже зачеркнуть.

Но совершенно лживыми и наглыми являются заявления фашистов о том, что Гарибальди был «их человек». Таких людей современная буржуазия, создавшая фашизм, не может выдвинуть из своих рядов; фашисты создают совершенно другой вид «геройства». Гарибальди воплощал в себе все то, что может дать революционному движению молодая буржуазия, когда она борется за власть, когда она революционна и зовет себе на помощь плебейские массы. Поэтому единственным наследником революционных традиций как Мадзини, так и Гарибальди, беззаветно боровшихся за освобождение Италии, является революционный итальянский пролетариат, отбросивший все узкое и ограниченное в демократизме этих мелкобуржуазных революционеров и поднявший борьбу за освобождение Италии на новую ступень — за завоевание подлинно народной демократии в форме власти советов.

<sup>1</sup> После того как настоящая работа была написана и сдана уже в производство, появилась статья С. Сказкина «Кавур и воссоединение Италии». По вопросу о «пути объединения» автор придерживается критического нами выше взгляда. См. статью Сказкина, в журнале «Историк-марксист» № 5—6, 1935 г.

## КОНСТИТУЦИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Настоящий «Статут итальянского королевства» был обнародован 4 марта 1848 г. — т. е. после того как в Италии началась революция — испугавшимся королем Карлом-Альбертом в качестве конституции Сардинского королевства. Эта конституция (с несущественными изменениями) была сохранена и после воссоединения Италии, и официально она еще до сих пор не отменена (в целом) и считается основным законом фашистской Италии. Мы печатаем настоящий Статут в качестве приложения, так как он показывает всю убогость конституции, полученной Италией после революции 1848 г. и после ее воссоединения; одновременно, читая этот документ, мы также видим свирепость и реакционность современного фашистского режима, отменившего важнейшие пункты даже этой куцой конституции.

Декретами фашистского правительства Италии в течение последних 10 лет в эту конституцию были внесены изменения в сторону усиления единоличной власти премьер-министра и уничтожения всяких следов парламентаризма. Если по этой конституции правительство является ответственным перед парламентом (и королем), то законом от 24 декабря 1925 г. ответственность правительства перед парламентом отменяется; если по этой конституции законодательная власть осуществляется совместно парламентом и королем (статья 3 Статута), то декретом от 31 января 1926 г. законодательная власть объединяется с исполнительной и правительству предоставляется право издавать законы, какие ему только заблагорассудится. Дальнейшие изменения Статута шли в сторону усиления единоличной диктатуры Муссолини, включения фашистской партии в государственный аппарат, ликвидации всяких партий, унификации профсоюзов и т. д. А избирательным законом от 17 мая 1928 г. жалкий фашистский парламент полностью отменяется.

## Статут Итальянского королевства

*Статья 1.* Римско-католическая и апостольская религия есть единственная религия государства. Другие вероисповедания, существующие в настоящее время, терпимы в пределах законов.

*Статья 2.* Государство управляется монархическим представительным правительством.

Престол наследуется согласно салическому закону.

*Статья 3.* Законодательная власть осуществляется совместно королем и двумя палатами: сенатом и палатой депутатов.

*Статья 4.* Особа короля священна и неприкосновенна.

*Статья 5.* Только королю принадлежит исполнительная власть.

Он — верховный глава государства, командует всеми сухопутными и морскими силами, объявляет войну, заключает мирные, союзные, торговые и другие договоры, доводя их до сведения палат в тех пределах, в каких то допускают интересы и безопасность государства, и присоединяя к ним соответственные сообщения. Договоры, с которыми сопряжены финансовые расходы или изменение территории государства, могут вступить в силу только по получении согласия палат.

*Статья 6.* Король назначает на все должности государства; он издает декреты и регламенты, необходимые для исполнения законов, не отсрочивая и не приостанавливая действия последних.

*Статья 7.* Только король утверждает и обнародует законы.

*Статья 8.* Король имеет право помилования и смягчения наказания.

*Статья 9.* Король ежегодно созывает обе палаты; он может отложить их заседания и распустить палату депутатов, но в последнем случае он созывает новую в течение 4 месяцев.

*Статья 10.* Законодательная инициатива принадлежит королю и каждой из обеих палат. Однако всякий закон, вводящий какой-либо налог или устанавливающий бюджет государства и отчеты по его исполнению, вносится сначала в палату депутатов.

*Статья 11.* Король считается совершеннолетним, когда ему исполнится 18 лет.

*Статья 12.* До совершеннолетия короля регентом королевства является принц, ближайший родственник короля в порядке престолонаследия, если ему исполнился 21 год.



*Статья 13.* Если ввиду несовершеннолетия принца, призванного к регентству, последнее перейдет к более отдаленному родственнику, то регент, вступивший в исполнение своих обязанностей, сохраняет право регентства до совершеннолетия короля.

*Статья 14.* За отсутствием родственников мужского пола регентство принадлежит королеве-матери.

*Статья 15.* За отсутствием королевы-матери палаты, созванные министрами в течение 10 дней, назначают регента.

*Статья 16.* Предыдущие постановления, относящиеся к регентству, применяются в тех случаях, когда совершеннолетний король окажется в состоянии физической неспособности управлять. Но если предполагаемый наследник престола достиг 18-летнего возраста, то он по закону становится в этом случае регентом.

*Статья 17.* Королева-мать является опекуной короля до достижения им 7-летнего возраста, после чего опека переходит к регенту.

*Статья 18.* Права, принадлежащие гражданской власти в отношении замещения духовных должностей или в отношении получения всякого рода доходов от чужой власти, осуществляются королем.

*Статья 19.* Размер дотации короне сохраняется в продолжение настоящего царствования таким, каким он был в среднем за последние 10 лет. Король будет пользоваться попрежнему королевскими дворцами, виллами, садами и угодьями, равно как и всем без исключения движимым имуществом, принадлежащим короне, инвентарь которого будет составлен под руководством ответственного министра. В будущем размер указанной выше дотации короне будет устанавливаться на все время царствования в первом парламенте, который соберется по воцелествии короля на престол.

*Статья 20.* Остальное имущество, находящееся теперь в собственности короля, составит его частную собственность, так же как и то, которое он может приобрести впоследствии во время своего царствования возмездными или безвозмездными способами.

Король может располагать своим частным имуществом путем сделок при жизни либо по завещанию, не будучи обязан подчиняться правилам гражданских законов, устанавливающих пределы свободного распоряжения имуществом. Во всем остальном имущество короля подчинено законам, установленным для частной собственности других лиц.

*Статья 21.* Законами будут установлены: ежегодные отчисления доходов на наследного принца по достижении им совершеннолетия, а также на случай его бракосочетания; на содержание принцев королевской семьи и крови при тех же условиях; на приданое принцессам и на пенсию вдовствующей королеве.

*Статья 22.* Король, вступая на престол, приносит в присутствии соединенных палат клятву лояльно соблюдать настоящий Статут.

*Статья 23.* Регент, до вступления в исполнение обязанностей, приносит присягу быть верным королю и лояльно соблюдать Статут и законы государства.

### **О правах и обязанностях граждан**

*Статья 24.* Все уроженцы королевства без различия званий и чинов равны перед законом,

Все одинаково пользуются правами гражданскими и политическими и допускаются ко всем гражданским и военным должностям за исключениями, которые определяются законами.

*Статья 25.* Они же без различия участвуют сообразно своим средствам в покрытии расходов государства.

*Статья 26.* Личная свобода гарантируется.

Никто не может быть арестован или предан суду, иначе как в предусмотренных законом случаях и с соблюдением предписанных им форм.

*Статья 27.* Жилище неприкосновенно. Никакой домашний обыск не может иметь места, иначе как в силу закона и с соблюдением предписанных им форм.

*Статья 28.* Печать свободна, но закон будет карать ее злоупотребления. Однако библии, катехизисы, богослужебные книги и молитвенники не могут печататься без предварительного разрешения епископа.

*Статья 29.* Всякая без исключения собственность неприкосновенна. Однако если того требует законно констатированные общественные интересы, то собственник может быть обязан уступить ее целиком или в части за справедливое вознаграждение согласно законам.

*Статья 30.* Никакой долг не может вводиться или взиматься, если он не был принят палатами и утвержден королем.

*Статья 31.* Государственный долг гарантирован. Все обязательства государства по отношению к его кредиторам ненарушимы.



*Статья 32.* Признается право граждан собираться мирно и без оружия, сообразуясь с законами, устанавливающими в интересах общественного блага правила о собраниях. Это постановление неприменимо к собраниям в общественных или открытых для публики местах, которые остаются всецело подчиненными полицейским законам.

### **О сенате**

*Статья 33.* Сенат состоит из пожизненно назначаемых королем в неограниченном числе членов, достигших 40-летнего возраста и избираемых из следующих категорий: 1) архиепископы и епископы государства; 2) председатель палаты депутатов; 3) депутаты после трех легислатур или после 6-летнего пребывания в должности; 4) министры государства; 5) министры — государственные секретари; 6) послы; 7) чрезвычайные посланники после 3-летней службы; 8) старшие председатели и председатели кассационного суда и счетной палаты; 9) старшие председатели апелляционных судов; 10) генеральный адвокат при кассационной палате и генеральный прокурор после 5-летней службы; 11) председатели палат апелляционного суда после 3-летней службы; 12) советники кассационного суда и счетной палаты после 5-летней службы; 13) генеральные адвокаты и генеральные стряпчие при апелляционных судах после 5-летней службы; 14) генералитет армии и флота, причем генерал-майоры и контр-адмиралы должны иметь 5 лет службы в этом чине; 15) государственные советники после 5 лет службы; 16) члены провинциальных советов после троекратного избрания в председатели; 17) генеральные интенданты после 7-летней службы; 18) члены Королевской академии наук спустя 7 лет со дня назначения; 19) ординарные члены высшего совета народного просвещения после 7-летней службы; 20) все те, кто своими заслугами и своими выдающимися талантами делает честь своей родине; 21) лица, которые в течение 3 лет платят по 3000 лир прямых налогов со своего имущества или со своих промышленных предприятий.

*Статья 34.* Принцы королевского дома по закону входят в состав сената. Они по рангу следуют непосредственно за председателем. Они имеют доступ в сенат по достижении 21 года, а в 25 лет получают право голоса.

*Статья 35.* Председатель и вице-председатель сената назначаются королем. Сенат избирает своих секретарей из своей среды.

*Статья 36.* По королевскому декрету сенат обращается в верховный суд для рассмотрения дел о государственной измене и покушении на безопасность государства, а также для суда над министрами, против которых палатой депутатов возбуждено преследование. В этих случаях сенат не есть политическое учреждение. Он может заниматься только судебными делами, для которых создан, иначе его постановления недействительны.

*Статья 37.* За исключением случаев захвата на месте преступления никакой сенатор не может быть арестован, иначе, как в силу указа сената. Только сенат имеет право судить преступления, вменяемые его членам.

*Статья 38.* Акты, законно устанавливающие рождение, брак и кончину членов королевской семьи, представляются в сенат, который предписывает их хранение в своих архивах.

### **О палате депутатов**

*Статья 39.* Выборная палата составляется из депутатов от избирательных коллегий согласно закону.

*Статья 40.* Ни один депутат не может быть допущен к палате, не будучи подданным короля, достигшим полных 30 лет, пользующимся своими гражданскими и политическими правами и удовлетворяющим всем остальным требуемым законом условиям.

*Статья 41.* Депутаты представляют всю нацию в целом, а не только те провинции, в которых они были избраны. Никакой императивный мандат не может даваться им избирателями.

*Статья 42.* Депутаты избираются на 5 лет, их мандат теряет свою силу по истечении этого срока.

*Статья 43.* Председатель, вице-председатели и секретари палаты депутатов избираются ею самой из своей среды в начале каждой сессии на все время этой последней.

*Статья 44.* Если депутат по какой-либо причине оставляет исполнение своих обязанностей, коллегия, его избравшая, тотчас же созывается, чтобы приступить к новым выборам.

*Статья 45.* Ни один депутат не может быть арестован во время сессии кроме случаев захвата на месте преступления или предан уголовному суду без предварительного согласия палаты.

*Статья 46.* Судебное предписание о личном задержании депутата за долги не может выдаваться во время сессии

палаты, равно как и в течение 3 недель, предшествующих открытию и следующих за закрытием сессии.

*Статья 47.* Палата депутатов имеет право возбуждать обвинение против министров короля и предавать их верховному суду.

### Постановления, общие для обеих палат

*Статья 48.* Сессии сената и палаты депутатов начинаются и оканчиваются в одно и то же время. Всякое собрание одной палаты вне времени сессии другой незаконно, и постановления ее полностью недействительны.

*Статья 49.* Сенаторы и депутаты прежде допущения их к исполнению обязанностей приносят присягу быть верными королю и лояльно соблюдать Статут и законы государства, имея исключительно в виду при исполнении своих обязанностей нераздельное благо короля и отечества.

*Статья 50.* Должности сенатора и депутата не дают права на вознаграждение или возмещение расходов.

*Статья 51.* Сенаторы и депутаты не могут привлекаться к ответственности за высказанные ими в палатах мнения и за подачу ими голоса.

*Статья 52.* Заседания палаты публичны. Однако по письменному требованию 10 членов заседания могут быть сделаны секретными.

*Статья 53.* Заседания и постановления палат законны и действительны только в присутствии абсолютного большинства членов.

*Статья 54.* Постановления могут быть приняты только большинством голосов.

*Статья 55.* Всякий законопроект должен быть сначала рассмотрен комиссиями, которые назначаются каждой палатой для подготовительных работ. Проект, рассмотренный и принятый одной палатой, передается в другую для рассмотрения и принятия; затем он представляется на утверждение короля. Прения ведутся постатейно.

*Статья 56.* Если законопроект отклонен одним из трех органов законодательной власти, то он не может быть вновь внесен в ту же сессию.

*Статья 57.* Всякое совершеннолетнее лицо имеет право обращаться с петициями к палатам, которые должны передавать петиции на рассмотрение комиссии, а после доклада последней палаты решают вопрос о принятии петиции во

взятие и, если принятие вотируется, отсылают петиции соответствующему министру или предписывают передачу их, если необходимо, для производства расследования.

*Статья 58.* Никто не может лично представлять петиции в палаты. Установленные власти одни имеют право подавать коллективные петиции.

*Статья 59.* Палаты не могут ни принимать никаких депутатий, ни заслушивать других лиц кроме своих членов, министров и комиссаров правительства.

*Статья 60.* Каждая из палат сама лишь компетентна судить о действительности правооснований допуска в нее ее членов.

*Статья 61.* Сенат и палата депутатов устанавливают посредством внутреннего регламента порядок, в котором они осуществляют свои полномочия.

*Статья 62.* Официальный язык палат итальянский. Употребление французского языка допускается для членов, происходящих из местностей, в которых он обычно употребляется, а равно и для ответа этим членам.

*Статья 63.* Голосование производится вставанием, разделением направо и налево или закрытой баллотировкой. Этот последний способ всегда употребляется для окончательного вотирувания закона и для решений по всем делам личного характера.

*Статья 64.* Никто не может быть одновременно сенатором и депутатом.

### О министрах

*Статья 65.* Король назначает и увольняет своих министров.

*Статья 66.* Министры имеют право решающего голоса в той или другой из палат только в случае, если они состоят членами этой палаты. Но они всегда имеют доступ в палаты и должны заслушиваться всякий раз, как этого потребуют.

*Статья 67.* Министры ответственны. Законы и акты правительства имеют силу только в случае скрепы их подписью одного из министров.

### О судах

*Статья 68.* Правосудие исходит от короля и от его имени отправляется судьями, которых он назначает.

*Статья 69.* Судьи, назначенные королем, за исключением участковых судей несменяемы после 3 лет службы.

**Статья 70.** Сохраняются все существующие в настоящее время суды, трибуналы и судьи. Судебная организация может быть изменена только законом.

**Статья 71.** Никто не может быть изъят из ведения своих естественных судей. В соответствии с этим не могут быть создаваемы чрезвычайные суды или комиссии.

**Статья 72.** Судопроизводство по гражданским делам и судебные прения по делам уголовным публичны, согласно законам.

**Статья 73.** Право разъяснения законов в обязательной форме принадлежит исключительно законодательной власти.

### Общие постановления

**Статья 74.** Общинные и провинциальные учреждения и разграничение общин и провинций регулируются законом.

**Статья 75.** Воинский набор регулируется законом.

**Статья 76.** Учреждается общинная милиция на основаниях, установленных законом.

**Статья 77.** Государство сохраняет свое знамя, и только голубая кокарда считается национальной.

**Статья 78.** Существующие рыцарские ордена сохраняются вместе с присвоенными им фондами, которые не могут употребляться на иное назначение кроме определенного особым орденским уставом. Король может создавать новые ордена и определять их уставы.

**Статья 79.** Дворянские титулы сохраняются за всеми, кто имеет на них право. Король может жаловать их и впредь.

**Статья 80.** Никто не может принимать ордена, титулы или пенсии от иностранной державы без соизволения короля.

**Статья 81.** Всякий закон, противный настоящему Статуту, отменяется.

### ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Ленин, Под чужим флагом, Соч., т. XVIII.

Ленин, Империализм и социализм в Италии, Соч., т. XVIII.

Ленин, Социализм и война, Соч., т. XVIII.

Ленин, О брошюре Юнуса, Соч., т. XIX.

Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, сб. избр. статей и речей, ИМЭЛ, Партиздат, 1934 г.

Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, Партиздат, 1934 г.

Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, ИМЭЛ, Партиздат, 1932 г.  
Маркс, Борьба классов во Франции в 1848—1850 гг., «Красная новь», М. 1923 г.

Маркс, Критика Готской программы, ИМЭЛ, Партиздат, 1932 г.

Энгельс, Сила и экономика в образовании Германской империи, «Красная новь», М. 1923 г.

Энгельс, По и Рейн, Соч. Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, ИМЭЛ.

Энгельс, Савойя, Ницца и Рейн, Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 1, ИМЭЛ.

«Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), II (VIII), ИМЭЛ, 1933 г.

Разные статьи Маркса и Энгельса, в той или иной степени затрагивающие «итальянский вопрос» (их заглавия см. в примечаниях), Соч. Маркса и Энгельса, ИМЭЛ, т. V, VI, VII, VIII, IX, X, XI (ч. 1—2), XII (ч. 1—2).  
Письма Маркса и Энгельса и их переписка с третьими лицами, Соч. Маркса и Энгельса, ИМЭЛ, т. XXI—XXVII.

Сорен Э., История Италии, СПб. 1898 г.

Кинг Б., История объединения Италии, М. 1901 г.

Орсси П., Современная Италия, СПб. 1907.

Орсини Ф., Воспоминания, изд. «Academia», 1934 г.

Анджиолини А., История социализма в Италии, ч. 1—2, СПб. 1907.

Lassalle F., «Der italienische Krieg und die Aufgabe Preßsens», Gesammelte Reden und Schriften. Herausg. von Ed. Bernstein, B. 1919, Band I.

Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx, Herausg. von A. Bebel und Ed. Bernstein, Stuttgart 1913, B. II.

Broemel M., Italiens nationale Erhebung und ihr wirtschaftliche Entwicklung, изд. «Volkswirtschaftliche Zeitfragen», Jahrg., XXXIII, Heft 259.

Sternfeld, Die nationale Einigung Italiens im XIX Jahrhundert, Bonn, 1920.

Documents et pièces authentiques laissés par Daniel Manin, t. I—II, Paris 1860.

Меринг, Карл Маркс (его жизнь и деятельность), Соцэкгиз, 1934 г.

Меринг, История германской социал-демократии, т. II, Гиз, 1925 г.

Тарле, История Италии в новое время, СПб. 1901 г.

Добролюбов Н., Жизнь и смерть графа Камилло Кавура; Отец Александр Гавацци и его проповеди; Непостижимая странность; Из Турина; Соч., изд. Панафиной, СПб. 1911—1912 гг.

Гарибальди Дж., Мои мемуары, изд. «Молодая гвардия», 1931 г.

Герцен, Соч., т. I, III, V—VI, СПб. 195 г.

Чернышевский, Соч., т. V—VI, СПб. 1906 г.

Стелляк (Кравчинский), Дж. Гарибальди, СПб. 1906 г., изд. Павленкова, СПб. 1898 г.

Бернштейн Эд., Биографический очерк Ф. Лассалля (прилож. к соч. Лассалля, изд. «Круг», т. I).

Лафарг П., Пий IX в раю (сб. «На капиталистической каторге», «Московский рабочий», 1923 г.).

Луначарский А., Революция 1848 года в Италии (сб. к 75-летию революции 1848 г.), «Красная новь», М. 1923 г.

Луначарский, Италия и война, ч. 2, 1917 г.

Гавацци, Осада Флоренции, ч. 1—2, изд. «Academia», 1934—1935 гг.

Войнич, Овод (роман), Гиз, 1928 г.

Ключников и Сабанин, Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 1, М. 1925 г.

Орлова О., Кавур по его письмам и современным запискам, «Русская мысль», 1893 г., кн. I—III, VII, IX, X, XI.

Лисовский П., Италия и Франция, Соцэкгиз (изд. Института мирового хозяйства и мировой политики Комкадемии), М. 1934 г.

Журнал «Борьба классов» № 6—7, 1931 г.

Гарибальди Дж., Мои мемуары, изд. «Молодая гвардия», 1931 г.  
Герцен, Соч., т. I, III, V—VI, Спб. 1955 г.  
Чернышевский, Соч., т. V—VI, Спб. 1906 г.  
Стенняк (Кравчинский), Дж. Гарибальди, Спб. 1906 г., изд. Павленкова, Спб. 1898 г.  
Бернштейн Эд., Биографический очерк Ф. Лассалья (прилож. к соч. Лассалья, изд. «Круг», т. I).  
Лафарг П., Пий IX в раю (сб. «На капиталистической каторге», «Московский рабочий», 1923 г.).  
Луначарский А., Революция 1848 года в Италии (сб. к 75-летию революции 1848 г.), «Красная новь», М. 1923 г.  
Луначарский, Италия и война, ч. 2, 1917 г.  
Гаваци, Осада Флоренции, ч. 1—2, изд. «Academia», 1934—1935 гг.  
Войнич, Овод (роман), Гиз, 1928 г.  
Ключников и Сабанин, Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 1, М. 1925 г.  
Орлова О., Кавур по его письмам и современным запискам, «Русская мысль», 1893 г., кн. I—III, VII, IX, X, XI.  
Лисовский П., Италия и Франция, Соцэкгиз (изд. Института мирового хозяйства и мировой политики Комкадемии), М. 1934 г.  
Журнал «Борьба классов» № 6—7, 1931 г.

#### Материалы о Рисорджименто:

**Феличе Орсини.** Мемуары (с комментариями и статьей Г. Сандомирского)  
**М.Ковальская.** Движение карбонариев в Италии 1808-1821 гг.  
**М.Ковальская.** Итальянская революция 1831 г. и Франция  
**М.Ковальская.** Италия в борьбе за национальную независимость и единство. От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.  
**М.Ковальская.** Дж. Г. Байрон и карбонарское движение  
**К.Кирова.** Французские революции (1789—1848 гг.) и итальянские умеренные либералы (1830—1860 гг.)  
**К.Кирова.** Концепции итальянской революции в ранних работах Мадзини (1831-1833 гг. Первый период «Молодой Италии»)  
**К.Кирова.** Социально-политические взгляды Дж.Гарибальди  
**Дж.Берти.** Демократы и социалисты в период Рисорджименто  
**Дж.Берти.** Социалист-утопист 40-х годов XIX века Микеле Фодера  
**Б.Козьмин.** Николай I и Мадзини в 1854 г.  
**В.Невлер.** Н.А. Добролюбов и борьба за воссоединение Италии  
**И.Полухина.** История итальянской литературы 19 в. Эпоха Рисорджименто

см. соответствующий тэг в нашем сообществе

<http://vive-liberta.diary.ru/?tag=3337656>

подборки текстов

о Мадзини <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#madz>

о Гарибальди <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#garb>